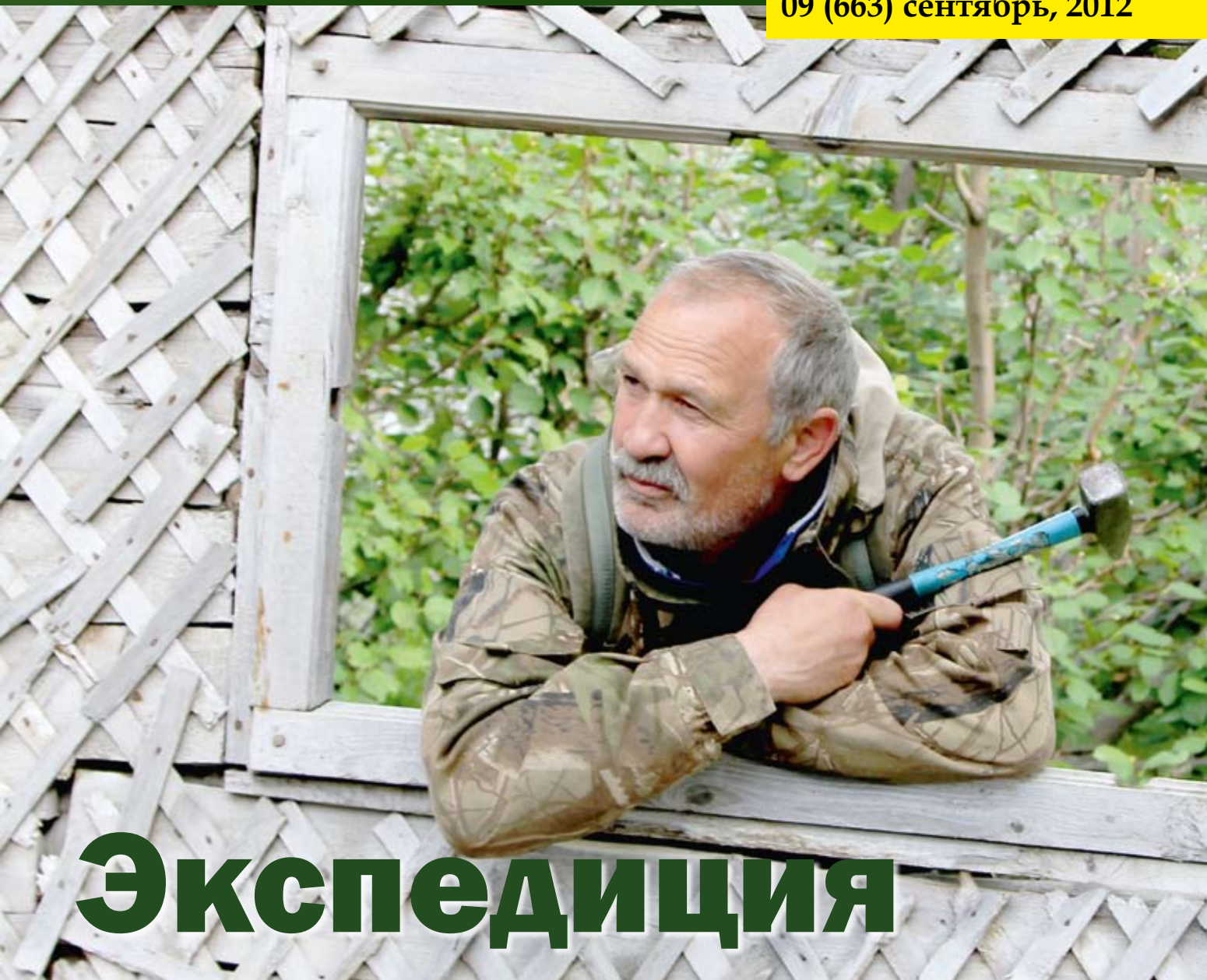

09 (663) сентябрь, 2012

Экспедиция

ПОДОБНЫЙ
АЛМАЗУ

ОБРАЗЕЦ ДЕМАНОИДА
предоставлен Уральским Центром камня

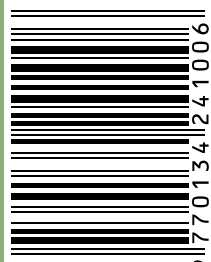
КЛАДЫ
ДЕВКИ-АЗОВКИ

БЫЛИНЫ,
ПРОНЕСЕННЫЕ ЧЕРЕЗ ВЕКА

1 20 09

9 17701341241006

Сентябрь 2012

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго

Литературный консультант – В. Абаян.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Интернет – Е. Марков.

Фото на 1-й стр. обложки Руководитель экспедиции Ф.М. Нурмухаметов (Дмитрий Ханин).

Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Семен Спектор, заслуженный врач России,
- Евгений Виноградский, «Снежный барс», МС МК
- Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО
- Виктор Христоролюбовский, Председатель Курганского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке: Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ

Министерства физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:
620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
тел. (343)295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт.uralstalker.com», №9 подписан к печати 20.08.2012 года. Печать офсетная. Тираж 15000. Отпечатано в типографии «Артес», г. Екатеринбург, ул. Ухтомская, 45 (343) 287-03-52.
Заказ №

Встречный ветер

Камни Урала

А. ЧИКАЕВ

Демантоиды Бобровки 3

Экспедиция

Д. ХАНИН

Заброшенный поселок – Харбей 8

Безопасность

Е. ХРЕНКОВ

За бортом 16

Состязания

В. АРЦИМОВИЧ

Из Парижа в Брест за один присест 18

Река времени

Далекое-близкое

С. КАРПОВ

Легенды иклады Азов-горы 24

Портреты

Н. ЗАПОРОЖЦЕВА

Сказочник из Сарапула 31

Тропой поиска

Н. БЕРДЮГИНА, А. СЛЕПУХИН

Эмиль Марианович Сенкевич. Как выживают вогулы 38

В мире прекрасного

А. МУРЗИН

Берестяные самовары Махнюка 36

Журнал в журнале

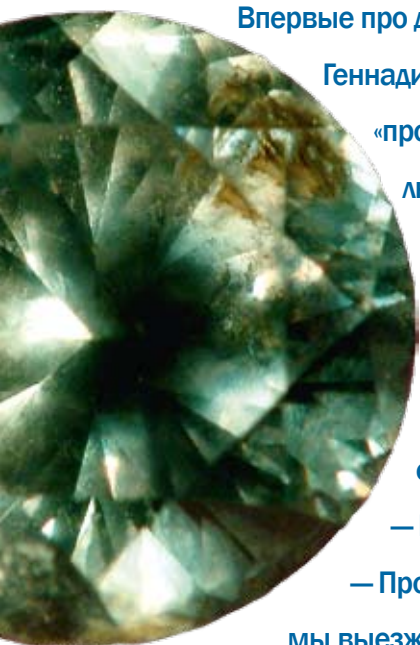
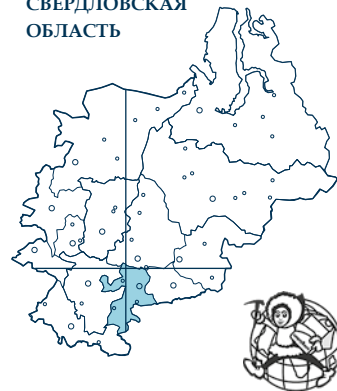

Аэлита

Демантоиды Бобровки

Фото образцов предоставлены Д. А. Клейменовым — директором Уральского Геологического Музея при УГГУ.
Фото с месторождения предоставлены автором.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Впервые про демантоиды я услышал в 1998 году со слов

Геннадия Скачкова, человека, который дал мне

«пропуск» в мир самоцветов, истинного

любителя камня и коллекционера,

и сразу же осведомился, а можно ли мне

поехать на добычу этого минерала.

— Почему же нет, — ответил мне Геннадий,

— только сможешь ли, ведь все-таки в лес едем, работать.

— Не знаю, посмотрим, — ответил я.

— Проверим на деле, готовы вещи, послезавтра

мы выезжаем.

И вот настал тот долгожданный день, когда мы с Геннадием на железнодорожной станции «Уктус» ждем поезда «Свердловск – В. Уфалей». Поезд был в этот день последним, а так как это была еще и пятница, сели мы в него с трудом, потому что едут в нем практически одни садоводы да огородники. После 2,5 часов этого испытания мы прибыли в знаменитую своими самоцветами-демантоидами Кладовку. Зашли в дом, в котором нам предстояло жить, бывшее почтовое отделение, где уже нас ждали остальные члены бригады. «Вот помощника вам привез», — радостно сказал Геннадий. «Привет, Леха!» — услышал я знакомый голос, оказалось, это Миша, сын Геннадия. «Знакомься, это Женя и Андрей, — сказал Миша, — мои друзья». Впоследствии во время ужина выяснилось, что Женя работает мастером на заводе, а Андрей — водителем, но каждого из них привела туда одна вещь, а именно, любовь к камню. После ужина началась подготовка на-

шего внедорожника Луаза, в простонародии Вольнь, к завтрашней поездке на Бобровку, скидали вещи, проверили масло в двигателе и бензин в баке. Пора спать, выезд в 7 утра.

Алексей Чикаев

Сотрудник Уральского Центра Камня Уральского Государственного Горного Университета.

▲ Демантоид с включениями биссолита.

◀ Ограненная вставка.

▼ Проходка шурфа.

▼ Зерна демантоида в сырье.

▼▲ Промывка материала.

Утром следующего дня мы наконец-то выехали на Бобровские россыпи, через деревню и ж/д переезд на лесную просеку в сторону г. Нязепетровска. Какое-либо покрытие на дороге отсутствовало напрочь, так что на каждой кочке мы рисковали вывалиться за борт нашего чудо-внедорожника из-за того, что наш автомобиль был еще и без крышки, т.е. кабриолет.

Проехав ЛЭП и доехав до нужно-го поворота, мы сворачиваем в лес, и тут же удача в прямом смысле этого слова нас покидает. Нам преграждает дорогу Лэнд Крузер, из которого выходят ребята не мелкого телосложения и не робкого десятка. Поступает вопрос, куда и с какой целью мы едем. В таких случаях нельзя говорить, что едем за камнем, так как начнется еще больше лишних вопросов. Отвечаем, что едем на покос, но нам в принципе не верят и просят предъявить паспорта. Но кто же ездит в лес с паспортами? Поэтому нам предлагают проехать до деревни, где нас оформят как полагаются, со всеми почестями. Выезжаем

за «друзьями», по дороге выкидываем в сточную канаву сетки и инструмент, дабы не усугубить ситуацию. Прибыв в деревню, естественно, никакого оформления с почестями не получаем, у нас с наших же слов переписали контактные данные (естественно, каждый придумал то, что мог), и неожиданные гости ретировались восвояси. «Что это было?» — спросите Вы. Отвечу: «Обычный передел земель, который был тогда, в 90-е годы, и теперь не редкость».

Но на этом мы не сдаемся, чуть переждав, выезжаем обратно, по дороге подбираем инструмент. Вот и началась полноценная работа: откачка ведрами воды из шурфов, углубление выработок. Я же, в свою очередь, наблюдаю за всеми процессами добычи и параллельно перебираю старые отвалы, находя в них и маленькие кристаллы зеленого прозрачного турмалина, и игольчатые рутилы, и множество других замечательных минералов, даже демантоид, который был пропущен при прошлых промывках, а также сам учусь промывать материал.

В этот же день вечером со стороны дороги слышим голоса. «К нам гости», — сообщает Михаил. Вышли трое, поздоровались. Оказался местный лесничий с двумя сопровождающими. «Ну что, как добыча? — поинтересовался он. — Хозяева заезжали?» После нескольких дежурных вопросов они ушли, пожелав удачной работы. Выгонять они нас не стали, так как это бесполезно. Уйдем мы — придут другие. Больше за время нашего пребывания на бобровских россыпях нас никто не беспокоил и мы продолжили плодотворно работать дальше. Итак, если смотреть объективно, то процесс добычи демантоида ничем не отличается от процесса добычи других россыпных минералов: копай выработку, извлекай породу, промывай, просматривай, вари еду. Вечером чай возле костра и бесконечные разговоры о камне. Все это полноценные рабочие моменты, совме-

▶ Ограненные вставки.

► Выборка демантоида из промывочного материала.

ценные с элементами быта, где на каждого члена бригады возложена своя определенная обязанность и от выполнения которой зависит успех уже всей бригады. Кстати, бывает и такое, что, перед тем как найти красивый и стоящий экземпляр, необходимо пройти не одну выработку, а две и три, затратить кучу сил и энергии. По результатам нашей поездки за демантоидом было добыто три достаточно больших камня и около десятка мелких, различной чистоты и цвета. Это, думаю я, очень не плохо, и с задачей бригада, да и я в свою очередь справились.

Теперь подведем итог, что добыча демантоида — дело совсем нелегкое, как это, наверное, показалось читателю. Но когда находишь прекрасный образец, то вмиг забываешь о пустую пройденных метрах и об усталости. Самое удивительное же случится тогда, когда из-под умелых рук мастера-огранщика перед взглядом предстанет хорошо обработанный и сияющий всеми цветами радуги камень, радующий взор и пленяющий сердце.

Долгое время демантоид называли по ошибке «уральским хризолитом», «уральским изумрудом» и т.д. Назва-

ние «демантид» можно перевести с немецкого языка как «подобный алмазу» (нем. demon — «алмаз», греч. eidos — «подобный»). Он относится к группе граната и является самым редким и дорогостоящим ее представителем.

Демантид — третий по популярности уральский драгоценный камень после изумруда и александрита. Разнообразие окраски демантида может варьироваться от темно-зеленого и травянистого до желтого и медового цветов. Но самыми ценными и дорогими являются экземпляры темно-зеленого цвета. Зеленая окраска камня обуслов-

▼ Ограниченные вставки.

лена примесями в нем железа и хрома, а, в свою очередь, в желтых сортах присутствует титан. Также встречаются индивиды с эффектом так называемого «кошачьего глаза» или «конский хвост» из-за присутствия в них минерала бисолита.

Так сложилось, что россыпные месторождения демантоидов расположились на одноименных речках — речках Бобровках. Но расположено одно из них, Полднневское месторождение, в 28 км южнее города Полевского и 18 км к юго-западу от деревни Полднневой. Елизаветинское месторождение, в свою очередь, в 25 км юго-западнее города Нижний Тагил.

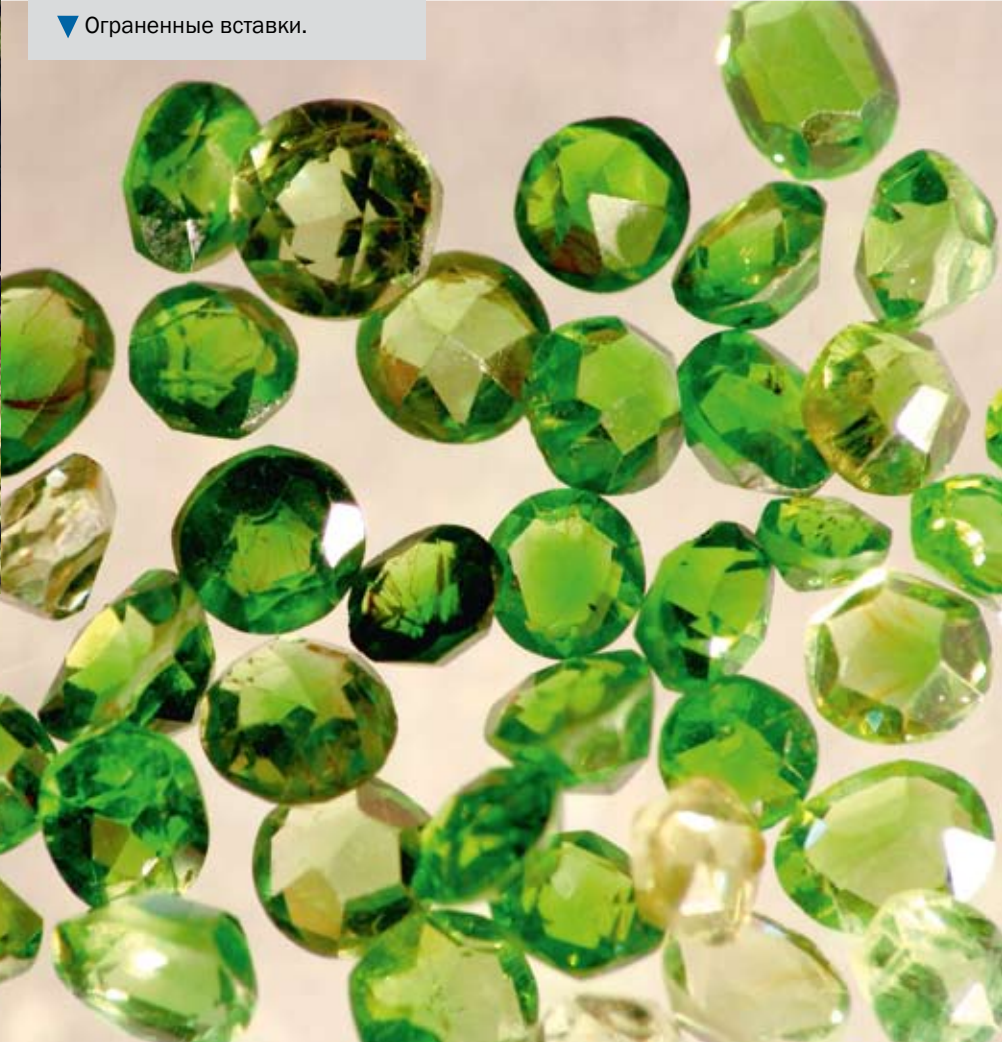
Выше читателю был предложен рассказ о первом месторождении демантоида — Полднневском. Оно было открыто в 1874 году на реке Бобровке А.В. Калугиным — одним из первых основателей коллекционного дела на Урале, сотрудником Свердловского Горного Института (ныне Уральского Государственного Горного Университета).

Россыпи этого удивительного по красоте и окраске минерала со-

провожают коренные месторождения, находящиеся в ультраосновных породах. Месторождения расположены в зонах повышенной трещиноватости, где минерал образуется и находится в мелких трещинах. Но россыпи находятся в бортах долины реки, поэтому высокая обводненность выработок-шурфов является главной проблемой при добыче этого самоцвета. Глубина, на которой находится продуктивный слой, может составлять от 1 до 6 метров, а мощность слоя — от 1 до 3,5 метров. Дойдя до горизонта, материал извлекают и поднимают на поверхность, где его отправляют на промывку. Месторождения этого камня на ювелирное сырье разрабатываются только на Среднем Урале. Максимальная добыча ювелирного демантоида осуществлена в 1913 году и составила 104 килограмма. Кристаллы ювелирного качества при этом редко превышали размер в 5 мм, а кристаллы в 10 мм считались и считаются поныне уникальными. Самые крупные кристаллы демантоида имели массу 252,5 и 149,0 карат.

▼ Ограниченные вставки.

ЗАБРОШЕННЫЙ ПОСЁЛОК — ХАРБЕЙ

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Дмитрий Ханин

Специальный фотокорреспондент
журнала «Уральский следопыт».

«На Полярный Урал поехать хочешь? — спрашивает знакомый голос в трубке телефона. — Тогда зайди сегодня».

И вот, как было обговорено, прихожу в Уральский Центр камня, а тут меня ждет директор Центра — Ф.М. Нурмухаметов. Цель экспедиции — сбор и обработка материалов для Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского, а также сбор материалов для книги, посвященной геологическим памятникам природы Ямала.

Через два дня вылетаем на Ямал.

Встречный ветер

К посёлку мы подъезжали глубокой ночью, хотя ночь в Заполярье больше похоже на день где-нибудь в Центральной России. Что мы приближаемся к конечной точке маршрута, было понятно по наблюдаемым то тут, то там развалинам старых барачек и столбам от линии электропередачи — это всё, что осталось от посёлка.

Наша первая встреча с экспонатом для музея произошла совершенно неожиданно.

При попытке разехать на узкой дороге один из вездеходов налетел в кустах на подъемный механизм, который когда-то поднимал руду из местной шахты. В течение последующих двух часов мы вытаскивали вездеход и будущий экспонат из кустов на дорогу. После этого мы уже без особых проблем доехали да балка, где и остановились на ночёвку.

Как и во все предыдущие дни экспедиции, утро началось с обычной рутины, а именно, почистить зубы и съесть завтрак. После этого наш отряд отправился осматривать рудник, на котором и возник посёлок. Появление его было предопределено находками на р. Левый Бадьяёган во время Великой Отечественной войны, в сен-

тябре 1944 г., геологами минерала молибденита. Впоследствии ручей получил название Молибденитовый. Первооткрывателями месторождения считаются Софронов

Георгий Петрович, Блохин Анатолий Иванович и Сулимов Иван Никифорович.

Открытие Харбейского молибденитового

месторождения в 1944 г. заметили только после окончания Великой Отечественной войны. Metallургическая промышленность остро нуждалась в поставках молибденового концентрата. Необходимо было обеспечить молибденом новую, стремительно развивающуюся отрасль — атомную и в сжатые сроки создать ядерный щит страны.

И вот мы медленно продвигаемся вдоль ручья, осматривая устья штолен. Из каждой на поверхность ведёт узкоколейка, по которой в ва-

гонетках вывозили руду и пустую породу на поверхность. На противоположной стороне ручья видим две аккуратных кучи отвала, а возле них лежит вагонетка — там находятся две наклонных штольни. И вот мы поднимаемся на вершину горы, где располагается шахтный копёр. Глубина шахты составляет около 200 метров, а суммарная протяженность подземных выработок около 6 километров. С вершины открывается незабываемый вид на долину ручья Магнетитовый в одну сторону, а в другую — вид, вызывающий содрогания, — там

стоят остовы домов, которым уже более полувека.

Если присмотреть-

ся, то на противоположной стороне ручья можно увидеть остатки от зоны, и именно люди, которые сидели там, и начинали работу на этом месторождении.

Историческая справка 6 марта 1947 г.: приказом № 128 МВД СССР при комбинате «Воркутауголь» организована Полярно-Уральская геологоразведочная экспедиция, которая затем, 2 февраля 1950 г., преобразовывается в Полярно-Уральское управление. Эта структура была организована для детальной разведки Харбейского молибденитового месторождения и скорейшего вовлечения его в промышленную разработку. Одновременно начались поиски молибденовых руд на значительной территории Полярного Урала с привлечением ученых Академии Наук СССР и других научно-геологических организаций. Так, например, в 1947 г. месторождение экспертировал профессор К. Пожарицкий,

который дал высокую характеристику объекту.

Задачами работ на Харбее на последующие два года (1947–1949) были следующие: во-первых, интенсифицировать геологические работы и обустроить геологическую базу ПУГРЭ; во-вторых, на месте будущих промышленных разработок молибдена начать строительство поселка и коммуникаций к нему.

В 1948 г. от поста 106 км (впоследствии пос. Полярный) до пос. Харбей были проведены инженерные изыскания для строительства автогужевой дороги, которой пользуются и сейчас. В этом же году от Воркуты через тундру вдоль бывшего тракта Воркута-Обдорск, существовавшего с 1932 г., до Харбея была проложена 105-километровая линия электропередач

с двойным запасом по мощности и телефонная линия. Даже сейчас, спустя полвека, можно видеть остатки этих столбов. Все эти объекты были построены в невероятно тяжелых условиях руками заключенных. Впоследствии для обслуживания дороги в пос. Полярный в 1951 г. был создан лагерь на 200 человек. К середине 1949 г. была выполнена геологическая съемка площади Харбейского месторождения, началось разведочное бурение и подземная раз-

Встречный ветер

ведка, были пройдены три штольни. И в этом же году геологами Полярно-Уральской Экспедиции Б. Л. Баскиным и И. Л. Соловейчиком под руководством Г. П. Софронова была составлена обстоятельная записка, в которой доказана промышленная значимость месторождения. На основании этой записки Советом Министров СССР было принято решение о немедленной промышленной разведке и опытной эксплуатации Харбейского молибденитового месторождения. В 1950 г. Постановлением Совета Министров СССР и приказом Министра МВД СССР был определен срок завершения разведки ме-

сторождения с предоставлением его запасов на утверждение в ГКЗ СССР в 1952 г. Работой по подсчёту запасов руководили главный инженер Харбейской геологоразведочной партии С. М. Овсянников, главный геолог Полярно-Уральского Управления Г. П. Софронов, ход работ был на контроле у начальника Управления, инженер-майора МВД И. Е. Наимова и главного инженера Управления Э. К. Ильницкого.

Следующей целью нашего пребывания в посёлке было посещение обогатительной фабрики, расположенной на склоне горы. Она была введена в эксплуатацию в 1951 г. и является первой и единственной на Полярном Урале

опытной обогатительной фабрикой. За всё время работы, а это около 4 лет, на фабрике переработали почти 35000 тонн руды и получили около 7 тонн молибденового концентрата. К сожалению, от фабрики мало что осталось, так как пожар в 2008 г. практически полностью уничтожил само здание. Придя на место, мы только и увидели сваленную в кучу груды железа. Но, проходя её по ходу движения руды, не трудно разобраться, где что располагается. Первоначально руда попадает в дро-

билку, где измельчается до нужного размера и по транспортной ленте движется в сторону разделителей. На них частицы породы сортируются по размеру и поступают в большие шаровые дробилки, где и происходит истирание породы до тонкого порошка. После этого порошок поступает на специальные столы, где смешивается с определенным реагентом, с помощью которого и происходит извлечение молибдена. Последний зал, в который мы вошли, был котельной, которая обогревала все помещение фабрики.

После посещения фабрики мы от-

правились в посёлок, который расположен прямо под фабрикой. Вышли на дорогу, по которой приехали вчера, и отправились в дальнюю часть посёлка, где располагалось хорошо сохранившееся здание электростанции, к слову сказать, это одно из двух уцелевших каменных зданий посёлка. По пути мы старались осмотреть как можно больше места. Особенно нас привлекли старые склады, где всё

оставлено практически в первоначальном виде, только охотники за цветниной постарались — вытащили всё, что только можно, да время. На них мы надеялись найти экспонаты для музея. И ожидания нас не подвели: на складах были и шахтные погрузчики и вагонетки, и рублена из листового железа, за-

шая гвозди, и даже целый штабель перфораторов. Отметив координаты будущих экспонатов в навигаторе, мы отправились к зданию клуба, где надеялись найти эталонную коллекция по месторождению. Придя на место, мы поняли, что нашим мечтам не суждено было осуществиться, так как уже пол

в клубе зарос мхом

и нам нечего было надеяться найти их.

После получаса безуспешных поисков мы решили отправиться в самую старую часть посёлка на берегу ручья — туда, где были первые постройки посёлка — землянки. Придя на место, мы немного удивились — там росла трава выше человеческого роста, видимо, и сюда скоро придёт глобальное потепление. С большим трудом отыскав землянки, а точнее, только сте-

ны, оставшиеся от них, мы сделали пару снимков, в надежде, что когда-нибудь в архивах можно будет найти фотографии их рождения или жизни...

Вот и наступает время возвращаться обратно в лагерь, ведь завтра нам надо рано выезжать, чтобы успеть осмотреть еще несколько объектов в окрестностях пос. Полярный.

За бортом

Встречный ветер

На воде при проведении патрулирования госинспекторами ГИМС возникают конфликтные ситуации с судоводителями по поводу неодетых спасательных жилетов во время движения и стоянки маломерных судов.

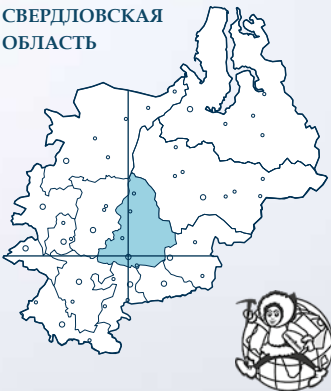
16

ГИМС Свердловской области считает однозначно:

— спасательные жилеты относятся к средствам индивидуального спасения людей, оказавшихся в воде (падение за борт, опрокидывание судна, его затопление, оказание помощи людям, терпящим бедствие и т.д.) и должны быть надеты, подогнаны по фигуре

Уральский следопыт, сентябрь 2012

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Евгений Хренков

Старший государственный инспектор
ФКУ «Центр ГИМС МЧС России по Сверд-
ловской области».

и застегнуты на каждом человеке, находящемся на судне без специальных леерных ограждений на палубе. Данное правило обусловлено необходимостью немедленного и эффективного использования спасательного жилета при падении человека за борт (аналогия — применение ремней безопасности на автомобилях и касок мотоциклистами), что обеспечивает поддержание человека на воде, в том числе и в бессознательном состоянии. При падении человека за борт или при опрокидывании, затоплении судна воспользоваться спасательными средствами, находящимися на судне, невозможно (течение, волна, ветер, шоковое состояние человека, невозможность надеть спасательный жилет, находясь в воде, без специальных навыков).

— требования о нахождении людей на маломерных судах в надетых спасательных жилетах регламентируются Международной конвенцией по охране человеческой жизни на море (СОЛАС-74), Наставлением по борьбе за живучесть судна (НБЖС-74), Правилами использования средств индивидуальной защиты и индивидуальных спасательных средств на судах водного транспорта, а также определяются «Хорошей практикой судовождения», выработанной многолетним опытом методов судовождения, обеспечивающей безопасность плавания судов и сохранения жизни, находящихся на них людей.

— нахождение на борту судна спасательных жилетов и неиспользование их в соответствии с правилами является нарушением в части обеспечения безопасности людей, находящихся на судне.

— расположение спасательных средств на судне в пределах досягаемости относится только к спасательному кругу, спасательному концу и «концу Александра», предназначенных для спасения людей, терпящих бедствие на воде. **УС**

Из Парижа в Брест

за один присест

Уральский десант

Фото из архива Сергея Баранова

Участие уральских велосипедистов во всемирно известном, уникальном в своем роде веломарафоне Париж — Брест — Париж стало в последнее время для наших ребят делом обыденным.

Стоит напомнить, что велоспорт ассоциируется у многих из нас прежде всего с гонками на шоссе и на трекке, а также на кроссовых трассах. Есть еще такие понятия, как велопробег и велотуризм. Нынешние заметки рассказывают о соревнованиях веломарафонцев или рандоннеров, как их еще называют, в ходе которых спортсмены нередко проводят в седле по несколько суток кряду и преодолевают за это время сотни и сотни километров.

Вообще-то, прародителем сегодняшних марафонских гонок можно, наверное, считать уральского умельца Артамонова. Замечательный самородок из Нижнего Тагила не только соорудил в начале 19-го века оригинальную модель велосипеда, но и совершил, как известно, на своем «костотрясе» изнурительное, беспрецедентное по тому времени путешествие в Санкт-Петербург, принимая во внимание удручающее состояние тогдашних дорог.

Сегодня в мире вошли в моду длительные маршруты по безлюдному бездорожью. Велосипедисты преодолевают в пустынях сыпучие песчаные барханы, пересекают неприветливые каменистые плато. Некоторые смельчаки бросают вызов даже заснеженному высокогорью, причем часто отправляются в путь в одиночку, навьючив на велосипед рюкзаки, где все необходимое — продукты, палатка, одежда, запчасти и другая нужная мелочевка. Но это удел немногих экстре-

малов. Гораздо популярнее все-таки шоссевые веломарафоны. В России подобные гонки организуют самодеятельные любительские велоклубы Санкт-Петербурга, Москвы, Архангельска, Вологды, Пензы, Екатеринбурга, Саратова, Ростова-на-Дону, Велико-Новгорода, Волгограда и некоторых других городов.

В ритме нон-стоп

В международном календаре самым престижным считается веломарафон Париж — Брест — Париж, о котором и пойдет речь. Эта в высшей степени интересная гонка, которая проводится раз в четыре года, собрала минувшим летом пять с половиной тысяч участников со всех континентов.

Стоит уточнить, что в данном случае под названием Брест фигурирует не наш славный город-герой на границе Польши и Белоруссии, чьи защитники стали образцом беспримерного мужества, а его одноименный собрат, крупный морской порт на атлантическом побережье Франции. Расстояние от Парижа до Бреста составляет 600 километров. Стало быть, туда и обратно — 1200. В российском масштабе это расстояние от Екатеринбурга до Ярославля или, скажем, до Волгограда.

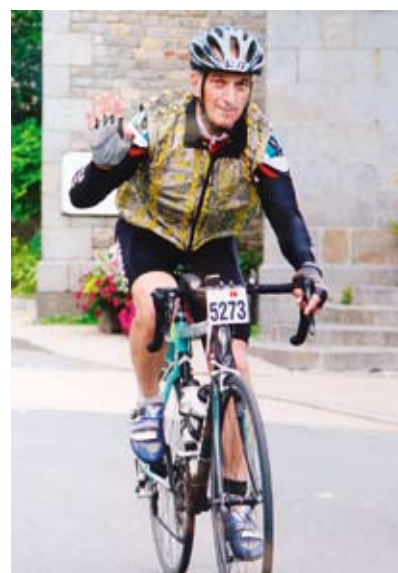
Гонщики ограничены строгим лимитом времени — для того чтобы преодолеть эту немалую дистанцию, дается максимум 90 часов, то есть чуть более трех с половиной суток. Результаты тех, кто не уложился в этот срок, неумоли-

БАШКОРТОСТАН

Виктор Арцимович

Башкортостан, Октябрьский. Уроженец Уфы, окончил ф-ты филологический и журналистики Петербургского университета, преподаватель ин. языков. Велотурист, участвовал в велопробегах, проехал в 2006 году от Екатеринбургского клуба «Урал — марафон» и марафонскую гонку, правда всего на дистанции 200 км.

▲ Сергей Баранов (Урал-марафон, Нижний Тагил).

мо аннулируются, а все, кто успел финишировать в отведенное регламентом время, награждаются на равных правах дипломами и памятными медалями.

Понятно, что велосипедистам приходится ехать бесперебойно и днем, и ночью в режиме нон-стоп, лишь изредка притормаживая у контрольных пунктов с тем, чтобы получить в свою дорожную карту очередной штамп, удостоверяющий, что ты честно преодолеваешь дистанцию, не прибегая к недозванным уловкам, а также для того, чтобы взбодрить себя чашечкой горячего кофе и наспех перехватить что-нибудь в буфете, хотя бы ломтик круасана, популярной французской булки с восхитительной хрустящей корочкой. Кое-кто, впрочем, успевает за едой даже чуть-чуть вздремнуть. Сон для участников веломарафона —

▼ На финише 1200км.

▲ Он и она.

ленные промежутки времени. В этом году, к примеру, стартовая процедура продолжалась всю ночь. Начавшись вечером, она закончилась лишь наутро к полудню.

Омска, Набережных Челнов, Тольятти, Новосибирска... Россияне даже перекрыли квоту, предусмотренную организаторами для представителей нашей страны.

это самая сладостная, но до поры до времени, увы, несбыточная мечта. По-настоящему выспаться удастся только после финиша. Забегая вперед, скажем, что из года в год многие гонщики, едва завершив дистанцию, тотчас же на глазах судей и зрителей в изнеможении валятся на землю, густо устилая своими телами все вокруг. Картина, прямо скажем, необычная. Хозяева соревнований относятся к этому с пониманием и не тревожат спортсменов. Лишь некоторое время спустя бедолаги, проснувшись, обретают силы для того, чтобы кое-как добраться до го-стиницы.

Необычно выглядит стартовая церемония веломарафона. Не может быть и речи о том, чтобы одновременно выпустить на трассу тысячные толпы гонщиков. Во избежание пробок на шоссе предусмотрительные организаторы отправляют спортсменов в путь отдельными группами, примерно по паре сотен человек в каждой, через опреде-

Уральцы

Среди участников гонки оказалось нынче на удивление много россиян — более семидесяти, причем не только из признанных велосипедных центров, которые только что упоминались. В Париж приехали ребята из Балаково,

▲ Игорь Ильин (Урал-марафон, Екатеринбург, 2-е место среди россиян).

На старт в столице Франции вышли и уральцы. Екатеринбургский велоклуб «Уральский марафон» по праву принадлежит к числу ведущих у нас в стране. Между прочим, клуб в 2006 году первым в России организовал гонки на самую длинную марафонскую дистанцию — 1200 километров. Уральцы выдвинули из своих рядов таких известных веломарафонцев, как екатеринбуржцы Петр Мисник, Игорь Ильин, Алексей Евсеев, Олег Саматов, Игорь Ямангулов, Юрий Туринцев, как Сергей

◀ Более 1200 км, правда, одной правой... (Мне удалось обогнать его только примерно через 10 км после старта).

Баранов из Нижнего Тагила, Олег Купровский из Сысерти, Виктор Громов из Верхней Салды, Виктор Коробейников из Кашино, Харис Сахипов из Башкортостана — список этот можно еще долго продолжать.

Уральский «десант» во Франции был на последнем марафоне достаточно представительным, но сегодня подробнее остановимся на путевых приключениях лишь двух наших гонщиков — Хариса Сахипова и Игоря Ямангулова. Замечательный, не побоюсь этого слова, велосипедист из башкирского города Октябрьского — Харис Сахипов — вособых рекомендациях не нуждается. Инженер-геофизик по профессии, многие годы работавший во Всесоюзном научно-исследовательском институте геофизических исследований, а также «освоивший север», мастер спорта, к марафонским гонкам пристрастился давно и не раз, выступая под эгидой екатеринбургского клу-

ба, одерживал блестящие победы в крупнейших всероссийских соревнованиях.

Под сенью парижских каштанов

Многие участники парижского марафона прибыли в Версаль к месту старта заранее и разместились неподалеку от знаменитого паркового ансамбля и величественного дворца, некогда главной резиденции французских монархов. От Версаля до Парижа рукой подать, так что наши ребята имели возможность познакомиться с наиболее известными столичными достопримечательностями — благо, на велосипедах можно было беспрепятственно колесить повсюду.

«Париж стоит мессы» — с этими словами, какой бы смысл в них ни вкладывать, нельзя не согласиться. Все в этом городе носит на себе печать особого очарования, неповторимого шарма, все оставляет в душе долгий след — и погруженные в задумчивую тишину вечерние набережные Сены, где плакучие ивы покорно склоняют к воде свои пряди, и так непохожие на эту идиллию бурлящие будни парижских бульваров, чьи кафе уютятся прямо на тротуаре, под открытым небом, вернее — в тени раскидистых кашта-

▼ Россияне (после фуршета 2011 г.).

Встречный ветер

▲ Володя Семёнов и Сергей Баранов (Урал-марафон, Нижний Тагил, 1999 г.)

▼ Члены клуба Урал-марафон, Екатеринбург, 2003 г.

нов, воспетых некогда незабвенными Ивом Монганом и Эдит Пиаф. Нельзя было не подняться по крутым улочкам на Монмартр, издавна облюбованный артистической богемой — прибыльное прибрежище эlegantно-загарапезного вида бородастых художников и бродячих музыкантов. Тесные закоулки этого квартала вечно запружены гомонящей толпой разноликих туристов. Скоропелые карандашные и живописные поделки, предназначенные для продажи, раскладываются подчас прямо на мостовой, а замысловатые рулады аккордеона, саксофона или невнятная гитарная дребедень тонут в гуле людского водоворота.

В памяти останется прежде всего устремленная к небу, аскетически строгая готика собора Нотр-Дам, длинная и безупречно прямая аллея Елисейских Полей, увенчанная парящей в воздухе Триумфальной аркой, и, конечно же, ажурное железное кружево Эйфелевой башни, с высоты которой открывается взору огромный, разделенный Сенной на две половины, город и тающие в туманной дымке предместья.

Где же ты, родной пейзаж?

Харис Сахипов был включен в группу спортсменов, которая стартовала вечером. Как только наш гонщик отправился в нелегкий путь, сын Сахипова — Ленар, а также друг и веломеханик Николай Борозняк последовали за ним на автомашине. Согласно регламенту, сопровождающие могут передвигаться только по соседним боковым дорогам и выезжать на трассу марафона лишь у контрольных пунктов с тем, чтобы оказать своему подопечному возможное содействие — осмотреть и подладить, в случае чего, велосипед, пред-

ложить горячую пищу, дать гонщику возможность прикорнуть на минуту — другую, сменить ему мокрую майку на сухую, а с приходом ночи приготовить теплую куртку.

Впрочем, приходится основательно одеваться даже днем. Сырой, свежий ветер постоянно гонит с Атлантики тяжелые, темные тучи, то и дело налетает неожиданный дождь, и тогда все вокруг принимает мрачные, угрюмые тона. Ненастная погода здесь не редкость — сказывается близость океана. Как же далеко от дома занесла прихотливая судьба! Сам собой встает перед глазами родной башкирский пейзаж, полный света и воздуха. Неоглядный, слегка всхолмленный простор выплескивается на горизонте за тонкую голубую кромку дальних лесов. Приветливые, празднично приодетые молодые березки водят на пробегающем мимо пригорке веселый девичий хоровод. Теплый летний ветер приносит с полей, перепаханых трезвоном кузнечиков, терпкие, душистые ароматы цветущих трав. Ласково припекает ослепительное солнышко, и высоко-высоко в бездонной небесной лазури невидимый жаворонок славит эту невыразимую благодать, радостно заливаясь на одной-единственной восторженной ноте и захлебываясь от избытка счастья.

Бессонные ночи Нормандии

Шоссе безостановочно бежит мимо ухоженных угодий, где на тучных лугах пасутся стада овец и породистых, черно-белых нормандских коров. Однажды марафонцы в течение получаса ждали, пока овцы, которых, очевидно, перегоняли на новое пастбище, не освободят проезжую часть. В этом густонаселенном районе Франции ве-

лосипедисты могут столкнуться разве что с домашними животными, а вот в других местах, где им приходится бывать, происходят иногда самые неожиданные встречи. Вспоминается давний рассказ о том, как в Карпатах грозной и шумной ватаге велотуристов очень неохотно уступила дорогу семейная парочка диких фазанов. У нас на Урале нет-нет, да и можно увидеть, как промелькнет через шоссе неуловимая тень косули, пегая ляжка лося или огненный хвост лисицы. К сожалению, некоторые водители видят досадную для себя помеху на дороге и в нас, велосипедистах. Иной безответственный лихач выезжает на встречную полосу и пулей беспардонно летит на тебя лоб в лоб. Громоздкие фуры, едва успев обогнать, очень часто тут же вынуждены на узкой, ухабистой дороге прижиматься к краю, невольно выгалкивая велосипедиста на предательскую щебенку обочины. Так что поездки на велосипеде по отечественным дорогам таят в себе определенные неудобства. Во Франции дорожное движение представляется более упорядоченным.

Трасса парижского веломарафона разнообразна, местами трудна, на ней немало подъемов. Казалось бы, Сахипов, трижды участвовавший в этой гонке, изучил дистанцию достаточно хорошо, тем не менее, он понимает, что необходимо быть предельно внимательным, особенно ночью. Обычное автомобильное движение на дистанции марафона отнюдь не отменяется. Кроме того, дорожная сеть в этой местности плотная, на каждом шагу перекрестки и развилки. В темноте, например, легко пропустить нужный указатель и заблудиться, что, кстати, довольно часто и случается. На предыдущем марафоне Сахипов тоже этого не избежал. Поняв, что сбился с трассы, пытался вернуть-

◀ Участница (В этой экипировке она и ехала 1200 км).

▶ Харис Сахипов (Урал-марафон, ЯНАО, Губкинский, 70 лет).

▼ Участник на дистанции более 1200 км.

ся назад, долго плутал по лабиринту тамошних дорог, пока окончательно не потерял ориентацию и уже не знал, что делать. Стояла глухая ночь, кругом непроглядная тьма, на пустынном шоссе никого. Было отчего впасть в отчаяние. На счастье, через какое-то время вдалеке появился свет автомобильных фар. Водитель, оказавшийся из местных, помог снова выбраться на трассу.

Нынешнюю гонку, как и предыдущие, Харис Сахипов провел отменно — на одном дыхании, как принято говорить — за один присест, преодолел 1200 километров за 64 часа, и в третий раз удостоился диплома и памятной медали. Успешно финишировали и другие уральские участники этих состязаний. Можно без преувеличения назвать это спортивным подвигом. Любой веломарафон — далеко не безобидная прогулка. Вот и Сахипова поджидала на дистанции серьезная опасность. Когда Харис проводил в седле вторую подряд бессонную ночь, он неожиданно на полной скорости вылетел, как снаряд, с трассы и угодил в глубокий кювет. Оказалось, всего на несколько секунд непроизвольно сомкнул уставшие веки... Просто удивительно, что в этом страшном инциденте, где можно было в два счета шею свернуть, не пострадал ни он сам, ни велосипед.

Четыре года назад Сахипов тоже не уберется от падения. Он сильно ушиб бедро, к тому же накануне старта

неожиданно подхватил простуду, однако без всяких снадобий, одной лишь силой воли сумел превозмочь недомогание, и все-таки... был близок к тому, чтобы досрочно выбыть из борьбы. Когда наш гонщик в очередной раз пробил колесо, то с ужасом увидел, что покрышка расплзлась так, что из большой прорехи с любопытством выглядывала наружу тонкая резиновая камера. Надежды на то, чтобы дотянуть до финиша, тем более уложиться в лимит времени, почти никакой. Неужели все насмарку — и долгая дорога сюда, во Францию, и годы ежедневных напряженнейших тренировок? Разве не обидно?

И тут вдруг Харису пришло на помощь само провидение в лице добродушного пожилого господина. Откуда он взялся? Ах, да, вот же неподалеку какие-то строения — очевидно, ферма. Незнакомец, войдя в положение пострадавшего, сочувственно покачал головой, а затем, ничего не сказав, не спеша направился к своему жилищу. Спустя пару минут он вернулся, держа в руках... покрышку, пусть и не новую, но вполне надежную, а главное — точно такую же по размеру, какая была нужна. Выяснилось, что сыновья фермера занимались раньше велосипедом, вот и осталось кое-что из старых запасов.

Когда Харис, еще не веря до конца своему чудесному спасению, собрался продолжать путь, из дома поспешила

▲ Участники на трассе.

к нему сердобольная хозяйка и вручила на прощание бумажный кулечек со сладостями.

Непредсказуемый сюжет

Драматически сложилась тогда гонка и для давнего друга Сахипова — Игоря Ямангулова, гонщика из Екатеринбурга. Его пример лишней раз показывает, какие непредвиденные сюжеты готова преподнести спортивная судьба. А сколько подобных историй могли бы поведать и другие асы шоссейных дорог!

В отличие от остальных российских участников парижского марафона, ко-

торые обычно добираются до столицы Франции самолетом, по железной дороге или на автомобиле, Ямангулов, который всегда был легок на подъем, отправился туда на... собственном велосипеде. Из Екатеринбурга через Москву, Минск, Варшаву он благополучно доехал до Германии, но здесь его настигла беда. Усталость дала в конце концов себя знать, и в какой-то момент Игорь уснул за рулем, чего больше всего опасаются марафонцы. Расплата, как всегда в таких случаях, наступила мгновенно — последовало ужасное, совершенно кошмарное падение. Уралец получил многочисленные раны, ссадины и ушибы, а в придачу еще и перелом ключицы. Казалось бы, о предстоящей гонке можно забыть, но не таков характер нашего героя. Через пару дней после операции, сделанной в германской клинике, Игорь, весь в бандажных повязках и с головы до пят измазанный зеленкой, вопреки настоятельным протестам немецких врачей

решает... двигаться дальше. Однако его ожидает новый удар — выясняется, что велосипед непостижимым образом куда-то пропал. Возможно, это был еще один знак свыше — отступиться от навязчивого замысла и примириться с обстоятельствами, которые, как известно, бывают подчас сильнее нас.

Уралец, однако, и здесь не теряет надежды. Кое-как, на перекладных, он все же успевает вовремя прибыть во французскую столицу, берет напрокат велосипед и стартует в марафоне. Понятно, с каким трудом доставались покалеченному спортсмену нескончаемые километры марафонской трассы, но Игорь, не раз попадавший в сложный переплет, умел терпеть и боль, и усталость. Стойко он держался и теперь. Когда до финиша оставалось совсем немного, всего какая-нибудь сотня километров, гонщик еще раз прикинул свое время на дистанции и с горечью пришел к выводу, что никак не укладывается в обозначенный регламентом срок, а значит, как ни печально, результат все равно будет аннулирован. Дистанцию, конечно же, он закончит, но зачем сейчас жила рвать, когда и так еле-еле держишься в седле? Ямангулов сбавил в движении и оставшийся отрезок проехал в спокойном, прогулочном темпе.

Знал бы он тогда, что еще не испил свою горькую чашу до дна. Главный сюрприз ждал Игоря на финише — оказалось, что он просрочил время всего лишь на считанные минуты. В своих расчетах он совершил глупейшую, непростительную ошибку и сам себя наказал. Ехал бы в прежнем темпе, вполне бы уложился в положенный лимит и не пришлось бы теперь корить себя за легкомысленную оплошность. Принести такие жертвы, перебороть, казалось бы, окончательно злой рок,

положить столько сил и в последний момент так нелепо все потерять!

Долгая-долгая молодость

В этом году Игорь проехал дистанцию парижского марафона, слава богу, без приключений. Не исключено, что Сахипов и Ямангулов будут участвовать и в следующем веломарафоне. Манит сюда гонщиков какая-то магическая сила. Случайных людей здесь не бывает — в основном, это испытанные мастера, матерые марафонцы. Много и молодежи, но немало и «старичков». Они резво поглощали одну сотню километров за другой, в седле сидели как влитые, чувствуя себя одним куском с велосипедом. Сказывалась давняя закалка, ведь позади у многих долгая карьера гонщика или, по крайней мере, богатая биография велотуриста, а значит, им хорошо знакомы нестерпимая жара, пыль, ветер, дождь, грязь, холод, смертельная усталость... Сделав когда-то свой спортивный выбор, они добровольно обрекли себя на нелегкие испытания, не говоря, разумеется, о том, что основные свои силы и время должны отдавать работе, семье, учебе...

Еще одно важное, на мой взгляд, наблюдение, вынесенное из общения с велосипедистами. Их роднит с туристами и путешественниками искреннее и безусловное восхищение природой, отсюда и бережное, чуткое с ней обращение. И, конечно же, обостренное восприятие всего окружающего. Марафонец, избавленный в дороге от привычных повседневных забот, невольно обращается к ценностям высшего порядка. За долгие исповедальные часы одиночества на маршруте он успевает столько разного передумать — перебрать в памяти прошлое, дать оценку настоящему, с робкой надеждой заглянуть в будущее, и тут важно, готово ли сердце поспешить на помощь, ненавязчиво нашептать таинственные свои наставления, наподобие, скажем, тако-го: судьба твоя будет зависеть от того, чем ты каждодневно заполняешь свою жизнь — светлыми помыслами и чувствами, добрыми делами или же, наоборот, дурными поступками. Каждого из нас посещают подобные душевные откровения.

В заключение еще несколько строк о героях шоссейных трасс. Велосипедный марафон не имеет государственной поддержки, а поездки на соревнования требуют немалых затрат. Однако необузданная жажда новых впечатлений, стремление снова испытать свою силу, выдержку, волю, терпение, мчаться, как на крыльях, навстречу неизведанному — такое желание часто становится неодолимым. **УГ**

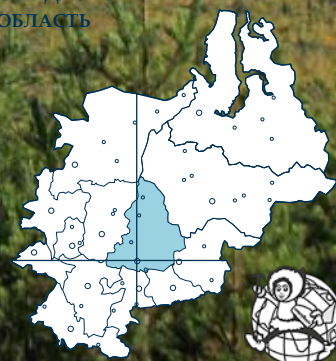
▲ Трио.

Легенды и клады Азов-горы

Фото автора

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Ещё в середине позапрошлого века посетивший Азов-гору геолог Э. К. Гофман писал: «Гора Азов имеет две вершины, которые густо покрыты лесом... Она сложена зелёным сланцем, порфиритом и известняком». Сегодня известно, что гора образована лавами базальтового состава и имеет тектоническое происхождение. Основная достопримечательность этих лав — пересечение их почти вертикально падающих даек (жил) диабазов (мелкозернистого габбро и габбро-диабазов).

Эти-то диабазовые жилы и образуют скальное обнажение вершины горы — величественное и значительное по своим размерам: высота скал нередко достигает 25 м и выше. Мощность даек колеблется от нескольких сантиметров до 10–20 м и более. Местами вершина горы походит на острый зубчатый гребень или на спину древнего звероящера, кое-где они «выложены»,

словно ворота: гигантские прямостоящие глыбы, а между ними — проход. Это место так и называется: «Ворота», и служит оно своеобразным перевалом через Азов-гору. В восточном направлении скалы постепенно снижаются, пологу спускаясь в сторону города.

Гора Азов одета берёзово-сосновыми лесами с участками липы под их пологом. В травяном

Станислав Карпов

Окончил Уральский институт туризма (филиал Российской международной академии туризма) в г. Екатеринбурге. Организатор и руководитель Туристско-информационного центра Полевского городского округа. Автор статей по краеведению и туризму.

покрове липовых лесов сохранились виды растений доледникового и ледникового времени – реликты (копытень европейский, чина Гмелина и др.), а на скалах и среди изреженных сосняков, особенно по склонам южных экспозиций, типичны представители горно-скальных степных видов: гвоздика иглолистная (белая), астра альпийская, полынь шелковистая, богородская трава, овсец пустынный. Все эти виды занесены в Красную книгу Среднего Урала и охраняются законом. В лесу много ягод (чер-

нию В. В. Хмелинина (1907 г.р.), «на Азов-горе была ставка разбойника Айзина. Из его шайки были поставлены сторожевые по горам. Если идет обоз по дороге, сторожевые дают факелом сигнал Айзину, который и делал нападения со своей шайкой на проезжих. Вот в честь этого Айзина и называется гора Азов». Далее Хмелинин поясняет, почему гора называется Азов-гора, а не гора Айзина: «Само слово Айзин было трудно для произношения простому люду, поэтому люди упростили это слово. И стали назы-

пролежавшая из Туринска, после из Тюмени через Катайский острог на Уфу по западной стороне Урала, с пересечкой его подле Азовской горы... И по этой тропе происходили пересылки воевод в нужных случаях, особенно в последней декаде периода, исключая одного раза, когда в 1594 г. велено было отряду служилых, из 554 человек состоявшему, пробраться в Сибирь от Уфы степью».

Азов-гора овеяна легендами. Когда-то давно она была казацким сторожевым пунктом, откуда

ника, брусника, костяника, земляника) и грибов (подберёзовики, подосиновики, сыроежки, опята, лисички).

Происхождение слова «Азов» трактуется по-разному. До сих пор ходит легенда о пугачёвском сподвижнике Азове, который подавал сигналы с вершины этой горы. Житель села Полдневая Д. А. Вишнев (1895 г.р.) рассказывал: «С Думной горы ведь Азов-гору хорошо видать. Когда Пугачев с войском пришел на Урал, он разделился на два отряда, чтобы воевать легче было. Первым отрядом он сам командовал, а вторым – его помощник Азов. Постояли на Думной горе, смотрят, с нее еще гору видно. Вот Пугачев и говорит: «Иди, Азов, на ту гору, сигналы в случае чего друг другу кострами подавать будем». Стоял на той горе Азов с войском, вот и зовут с тех пор ее Азов-гора».

Другие утверждают, что гора получила своё название в честь другого героя-разбойника по имени Айзен (или Азин). По мне-

вать не Айзина гора, а Азов-гора».

Ещё говорят, что название горы исходит от внешнего вида её острой вершины, похожей на пику или зуб (от татарского «азау» – зуб).

Однако сегодня наиболее распространено мнение, что имя Азов-горы созвучно с названием Азовского моря и города Азова, а также континента Азия. Так как в прошлом Азия была отделена от Европы по Азовскому морю, по Дону, по горному хребту, то наша гора – память об этом делении.

В давние времена у Азов-горы проходила «старая дорога», по которой шло много обозов с разными товарами, а «вольные люди» подстерегали и грабили эти обозы. В книге П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» (1838) можно найти подтверждение, относящееся к периоду с 1595 по 1662 гг., то есть ко времени, когда на Урале не было ещё ни одного железодельного завода, но уже строились крепости и остроги. «Была еще летняя тропа для верховой езды,

▲ Вид с Азов-горы на г. Полевской.

казаки наблюдали за проезжей дорогой, охраняли караваны и путешественников, а также оповещали друг друга сигнальными кострами об опасности.

После того как в наши края пришёл донской казак и предводитель Крестьянской войны Емельян Иванович Пугачёв, он занял этот наблюдательный пункт, с которого пагучёвцы также сигнализировали друг другу, оставаясь неуловимыми. Позже отсюда Пугачёв с большим войском надумал идти на Полевской завод, а дойдя до Думной горы, стал думать (три дня), как ему лучше завод взять.

В горе якобы были пещеры, впоследствии обвалившиеся. (Скорее всего, эти пещеры были искусственного происхождения, так как по геологическому составу горы едва ли возможно предполагать тут существование природных пещер.) Одни говорили, что в этой пещере и жили «вольные люди». Другие

населяли ее таинственными «старыми людьми». Но и те и другие одинаково утверждали, что попасть в эту пещеру очень трудно. Ход в нее так запрятан, что редкий найдет, а если и найдет — тоже не попадет, так как пещера охраняется таинственными силами и разными страшилищами.

В одной из таких пещер Пугачёв хранил все свои сокровища, стержь которые оставил свою жену — девушку Азовку. В пещере скучно одной, а людям на глаза Азовка не любит показываться. Но, чтобы знали люди, что она жива, каждый вечер, как стемнеет, зажигает Азовка на самой вершине горы огонек (свечу), пламя которого никакой

◀ Причудливые скалы на Азов-горе.

ветер погасить не может. Многие люди видели этот огонек, девушку искали, но не нашли. Однако есть люди, которым «посчастливилось» увидеть эту сказочную девицу. Так, полевчанка Т. И. Глинских (1901 г. р.) рассказывает: «Помню, когда я была маленькая, то меня часто страшили девкой Азовкой: «Не ходи в огород, там тебя девка Азовка возьмет». Я и боялась. Мне мама рассказывала, что однажды ее отец ходил на покос. А покос-то у нас недалеко от горы Азов. Наступила ночь, такая темная. Страшно ему стало, он и говорит: «Господи,

благослови!» И вдруг видит, стоит перед ним огненная девка. Вся светится, так что даже светло кругом стало. «Оставайся, — говорит, — у меня, а то мне скучно здесь одной! Ты мне приглянулся!» Да и правда, красивый он был, светлый, кудрявый. Испугался он, креститься стал. Смотрит, заплакала девка Азовка и все дальше и дальше от него отодвигается. А потом скрылась совсем. Тогда он быстреей домой побежал. Прибежал, дрожит весь. С тех пор не любил он к горе Азов ходить». Г. Ф. Безбородов (1892 г. р.) тоже сообщает: «Видели люди девушку Азовку, когда она сгребала сено граблями. Они спрашивают: «Где вход в пещеру?» А она только приговаривает: «Вот вам грабли, вот

▲ Скала Неандерталец.

вам грабли». Пошли от нее, смотрят — яма глубокая, а там слиток золота. Спустили одного человека, он его долбил и не мог ни кусочка отдолбить».

Несмотря на то, что в большинстве рассказов девка Азовка предстаёт перед нами красавицей — статной, пригожей, с большими тёмными, как колодцы, глазами, она не всегда добра и хороша собой. Бажов приводит рассказ дедушки Слышко: «Тут мне и покажись, будто из горы страхипатка лезет... Космы распустила, хайло разинула да как заревёт диким голосом...»

Предания о девке Азовке, которая с несметными сокровищами «старых людей» скрылась в недоступных недрах горы, послужили основой для сказа П. Бажова «Дорогое имячко».

С Азов-горой связано немало и других преданий. Один из них — «Тайный сказ про атамана Золотого». В нём повествуется о жизни бывшего крепостного, а затем горнозаводского рабочего Андрея Степановича Плотникова. В народе его называли Рыжанка или атаман

Золотой. Целью жизни этого благородного разбойника было мщение за социальное унижение. Владел легендарный атаман тайным «дорогим словом», которое открывало перед ним не только запертые двери, но и горы, и земные недра, чтобы в нужный час прийти на помощь всем обездоленным.

В. Н. Суренков в очерке «Легенды и предания Полевского» (сб. «Полевской край», 1998) рассказывает такую замечательную легенду: «Дескать, ещё в стародавние времена, когда только-только ещё стали появляться в этих местах русские поселения, жили здесь «татара». Сперва, дескать, жили дружно, а после вражда началась. Ушли они из этих мест, но почти каждую

осень возвращались на Азов-гору, проводили праздник и уходили куда-то. На свои обрядовые празднества русских не допускали, делали всё тайком. Любопытные, конечно, пытались туда пробраться, но если их ловили, то сильно избивали. Поговаривали, что место, где собирались «татара», было каким-то перевалочным пунктом. После долгого время пытались найти, что они там прятали, но, так и не найдя ничего существенного, сохранили легенды о кладах татарских на Азов-горе».

Но клад здесь всё-таки был найден. И клад этот оказался особым. В сентябре 1940 г. геолог Ботанов совершал экскурсию на гору Азов с учащимися Полевской школы

▲ Гряда скал на подходе к Азов-горе.

► Скала «Четыре Богатыря».

№1 — Ваней Шитиковым, Колей Юшковым, Серёжей Ромашовым и другими пятиклассниками. На её вершине (восточный склон горы) под тонким слоем почвы они обнаружили 44 древних медных и бронзовых культовых изделия. А чуть позже, в гроте на той же горе, другими полевыми были найдены 10 идолов, обращённых лицами на восток. Большая часть находок — птицевидные изображения (идолы), а также человеко-

▲ Вид с Азов-горы на посёлок Зюзельский и город Полевской.

► Вид с Азов-горы на г. Полевской.

подобные изображения, круглые бляхи, втульчатое ружьё, зеркало с ручкой, обломок серебряного диска, наконечник копья, глиняные черепки, фигурка всадника, едущего на каком-то фантастическом животном и др.

О находке школьников узнал П. П. Бажов и в сопровождении фотокорреспондента Б. С. Рябинина и археолога Н. Н. Бортвина прибыл в Полевской. Дети показали гостям место расположения находки и с учителем истории Л. Е. Арефьевой, представителями райисполкома (Ушаковым, Кивокурцевым) и гостями сфотографировались на нём.

Н. Н. Бортвин, будучи сотрудником областного краеведческого музея, увёз в Екатеринбург 33 фигурки, оставив остальные полевчанам. Сегодня эти фигурки хранятся в Полевском краеведческом музее.

Археологи определили, что эти ценные находки (одни относятся к IV–II вв. до н. э., другие — к III–I вв. до н. э.) связаны с мансийским стойбищем тысячелетней давности. По мнению Е. М. Берс, в эпоху железного века гора служила жертвенным местом.

С места, где школьниками были обнаружены эти предметы, открывается полный обзор археологических объектов Полевского гнезда иткульской культуры, уникальность которого заключается в возможности проследить на них полный цикл древнего металлургического производства (добыча, вышкавка, обработка), а также в от-

► Клад, найденный на Азов-горе.

ражении археологическими объектами различных сторон жизнедеятельности древнего населения Урала.

В 1890-х годах на вершине Азова была постройка — охотничий домик владельца заводов со сторожевой вышкой «для огневицков»...

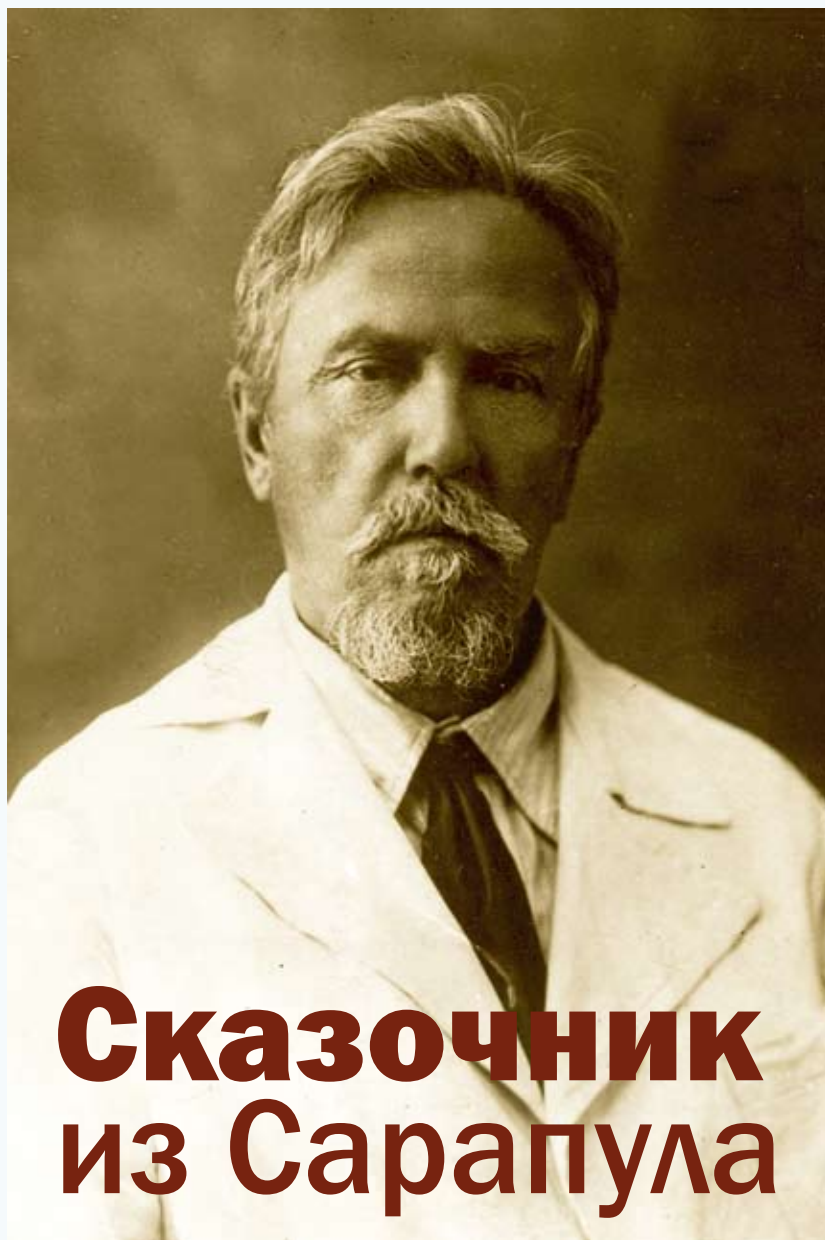
Сегодня на горе Азов часто собираются туристы, проводятся школьные экскурсии, традиционные слёты альпинистов и скалолазов.

Походы рекомендуется совершать со второй половины мая, когда на огромной поляне у подножия скал зацветает жёлтая примула, а в расщелинах между каменными глыбами цветут рябина и бузина. В августе здесь много черники. Второе время посещения нужно выбрать в разгар золотой осени. В это время воздух особенно чист и прозрачен.

Недалеко от Азов-горы есть два больших древних культовых камня-столба причудливой фор-

мы — камень Солнца и камень Луны, к которым с незапамятных времен приходили поклоняться язычники. Можно постоять рядом с «Окаменевшим воином», «Неандертальцем», скалой «Четыре богатыря». [3]

Сказочник из Сарапула

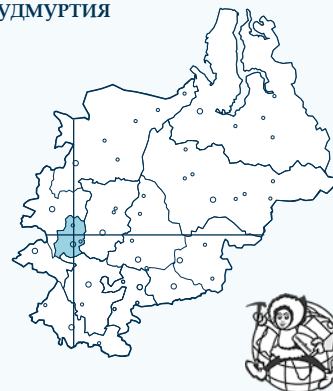
Историю семьи Ончуковых рассказала мне сарапульчанка Наталья Александровна Бойко — праправнучатая племянница журналиста, исследователя народного фольклора, прославившего наш город. Ее сестра, Татьяна Александровна, — кандидат экономических наук, преподаватель в Санкт-Петербурге. Долгое время сестры по понятным причинам боялись сказать лишнее слово о репрессиях, которым подвергался Николай Евгеньевич. Но один за другим умирали старики, и теперь остались хранителями родовых знаний только они, молодые потомки, как те сказители, что отдали в добрые руки их дяде сказки и былины, пронесенные через века...

*Я получил блаженное наследство -
Чужих певцов блуждающие сны.*

О.Мандельштам

Иллюстрации
предоставлены автором

УДМУРТИЯ

Наталья Запорожцева

Медик, краевед, педагог-психолог, журналистка. Попав по распределению в Сарапул, сотрудничала в одноименной независимой газете. Активно занимается поисковой работой, ведет большую историко-краеведческую переписку. Является организатором и руководителем школьного музея «Сарапульская старина».

▲ Дом Ончукова, Сарапул, ул. Раскольниковая, 129. Ноябрь 2005 г.

Эта ончуковская улыбка лучше всего отражает его характер и добродушие. Ее мы не увидим больше на других фотографиях Николая Евгеньевича: жизнь приготовила ему нестерпимо горестные годы болезней, лишений и невзгод.

140 лет назад в городе на Каме на окраине Вятской губернии у мещанина, торговца шубным и кожевенным товаром Евгения Ивановича Ончукова, родился сын Николай – будущий ученый-фольклорист.

История простого паренька – сироты из глухой провинции, сумевшего вырасти из энтузиаста-собирателя сказок до крупного ученого, весьма характерна для нашего удивительного старинного православного города, богатого талантами.

Меня давно интересует поразительный феномен – судьбы известных людей, обделенных родительской лаской и, казалось бы, обреченных на неудачу, но, несмотря на это, поднявшихся до блистательных жизненных высот. Так

было в Сарапуле с воином и писательницей Надеждой Дуровой, беллетристом С. Н. Миловским. Так сложилась судьба и у Николая

▼ Ончуков-мальчик, 1889 г.

Ончукова. Мать его умерла, когда ему было три месяца, и бабушка забрала ребенка в Воткинский завод. Семи лет мальчика привезли в Сарапул и отдали в приходскую школу. К тому времени отец Коли скончался, и мальчик рос вместе с кузинами в многодетной семье дяди Владимира Ивановича. Кроме торговли, семья занималась садоводством, выращивала рассаду в парниках на загородном участке. Смолоду Коля помогал семье, но рано понял вкус образования, и в 1893 году окончил в Казани школу лекарственных помощников. Профессия фельдшера давала кусок хлеба и независимость, но работа была опасной, круглосуточной и разъездной: борьба с эпидемиями холеры, тифа, скарлатины, дифтерита в родном Сарапуле, в Казанской, Пензенской и Пермской губерниях. Медицинская служба приносила только беды: он заразился и переболел тяжелой формой сыпного тифа, а за передачу арестованным писем и книг был уволен из больницы Кунгурской пересыльной тюрьмы и отдан под надзор полиции.

Он пробует писать, и с 1897 года в газетах «Пермский вестник», «Вотский край»,

«Урал» Перми, Екатеринбург появляются первые статьи Н. Е. Ончукова. Воодушевленный успехом, он пишет в разные столичные газеты — петербургскую «Неделю», «Сын отечества», «Новое дело», «Северный курьер», публикуется в журналах «Санкт-Петербургское земство», «Живая старина», «Краеведение». Но это была журналистская поденщина. В поисках стабильного заработка Ончуков обращается в Императорское Русское географическое общество, финансировавшее этнографические экспедиции. Вспомним, что так же поступил молодой священник Н. Н. Блинов, и в самые трудные времена гонорары Общества помогали ему кормить семью. Ончуков был холост, и охотно соглашался ехать в самые отдаленные экспедиции. Новая работа неожиданно увлекла его, и он радовался, как ребенок, каждой новой прит-

▲ А. П. Ончукова-Тиханова, 1917 г.

◀ Дом в Петербурге, где жил Ончуков.

че, песне или сказке, услышанной где-нибудь на северной рыболовецкой тоне: «Удивительно чистыми, приятными голосами поют былины пижемцы, все равно старики и молодые».

Русский Север в конце XIX века имел славу главного очага эпической народной поэзии. В 1859 году ссыльный московский студент Павел Николаевич Рыбников записал в Олонецкой губернии более 200 народных песен и былин, чем произвел оглушительное впечатление на научный мир. Сами сказители и былинопевцы называли былины

«старинами». Вслед за Рыбниковым за «старинами» едет на Онегу историк и этнограф А. Ф. Гильфердинг и десятки других ученых, в Пермском и Вятском крае собирает фольклор вятчанин Д. К. Зеленин. Ончуков едет в самые отдаленные северные края — в Чердынь и Печору. Добраться туда можно было только по зимнику, телеги на Печоре были редкостью. Открытия Н. Е. Ончуковым былин на Печоре вызвали фурор в среде петербургских фольклористов. Загадки русского Севера всегда притягивали путешественников, исследователей, и всякий, побывавший в этих краях, стремился сюда снова и снова. Так произошло и с Николаем Евгеньевичем. С этого момента поиск и изучение народной поэзии стали смыслом его жизни. В 1901 году он становится членом-сотрудником ИРГО по отделению этнографии и участником кружка «Живая старина». Среди молодых членов кружка были такие в будущем известные ученые, как вятчеземляк Д. К. Зеленин, М. Б. Едемский, В. И. Чернышев и другие. Деятельность кружка поддержи-

вали академики А. А. Шахматов и В. И. Ламанский, который первым рекомендовал молодому человеку заняться этнографией. Зимой Ончуков учился, а лето проводил в экспедициях: в 1900 — на Вишере в Чердыни, в 1901 и 1902 — на Низовой Печоре в Усть-Цильме и в Поморье у старообрядцев, в 1903–1904 гг. в Олонецкой губернии для сбора этнографической коллекции музею Александра III, летом 1907 г. — в Олонецкой губернии для сбора сказок. Так за восемь лет неутомимый Н. Е. Ончуков исследовал весь Север России, напечатал ряд статей в журналах и выпустил три книги — «Печорские былины», «Северные сказки» и «Северные народные драмы». В 1903 г. он закончил Археологический институт в Петербурге. Он все чаще задумывается над истоками народного эпоса. Откуда возникли эти былины? Может быть, их занесли на Север профессиональные народные поэты — калики и скоморохи? Или двиняне и устюжане, приезжавшие на Печору в XVI веке на промысел моржей и акул? Или хранителями народного фольклора были старообрядцы из Выгорецких скитов Олонецкой губернии, которую В. Ф. Миллер недаром назвал «Исландией русского эпоса»?

«Среди моря остров Буян, на острове есть сосна, на этой сосне ходит белка — на вершинку идет, песенку поет, на комелек идет, сказки рассказывает и старины поет...». Мифологические сюжеты порождали многочисленные догадки. Где искать легендарный остров Буян и Алатырь камень-горюч? Ончуков сравнивает пушкинские сказки и былинные варианты, которые поэт брал за основу, анализирует колдовские и фантастические фольклорные сюжеты, объединяя их в цикл — демонологию. Он предвосхитил современную идею, что Буян — исток русской культуры, и монастыри староверов — хранилища космогонических знаний, дошедших до наших дней. Ончуков считал, что страшная глушь Печоры, ее отрезанность ото всей остальной России и раскол служили главными причинами сохранения здесь «старин». Печора в ту пору жила укладом конца XVII века: в деревнях сохранились парчовые барские наряды, которые в столице остались только в музеях. От-

крытие былин на Печоре стало новостью и для печорской бюрократической интеллигенции: учителей, священников, чиновников, среди которых был даже один этнограф. Возвращенный в среде свободомыслия прогрессивных ученых, Ончуков не боялся писать, что эта интеллигенция и народ — это «какие-то две отдельные нации, друг другу чужие, друг друга совсем не понимающие, если только не враждующие». За эти идеи он расплатится позже годами ссылки и тюрьмы. А пока поднять этот мощный пласт фольклора ему помогает чутье и такт журналиста, медика, человеческая и профессиональная этика: «Метод сбора старин так прост, он изложен в двух словах А. Ф. Гильфердингом: со старообрядцами обходиться вежливо, не употреблять выражений, оскорбительных для их религиозного чувства». Сборник «Северные сказки» получился настолько живым, что, читая его, начинаешь ощущать себя слушателем.

Эти сказки удивляют пестротой сюжетов, правдивостью народной речи, богатством интонаций и вариантов. «Северные народные драмы» — одно из самых полных изданий этого жанра. Любимый писатель Н. Е. Ончукова Ф. Ф. Достоевский призывал тщательно собирать и исследовать именно этот жанр русского фольклора. Императорское Русское Географическое Общество, членами которого были все наши сарапульские фольклористы, оценило самоотверженный, бескорыстный труд Николая Евгеньевича: книга «По Чердынскому уезду» в 1901 году награждена малой серебряной медалью, «Печорские былины» в 1904 году — малой золотой медалью ИРГО, «Северные сказки» — большой золотой медалью ИРГО. Так он пришел в науку, которую раньше и наукой-то не считал, и собирание сказок и былин стало любимым делом его жизни. Когда Ончуков приобрел опыт исследований и стал известен в научных кругах, некоторые издатели специально финансировали его экспедиции. Самое деятельное участие в организации поездки Ончукова на Печору принял владелец «Нового времени» А. С. Суворин.

«Матушка Печора» была для многих поколений северян и глав-

▲ Ученик Коля Ончуков.

ной транспортной артерией, и постоянным местом работы. Былина звучала здесь не в деревнях, а на рыболовных промыслах, куда на долгие месяцы перебиралось чуть ли не все мужское население. «День на Печоре осенью короток, и при наступившей темноте все принуждены на невольный отдых, — писал Н. Е. Ончуков. — Вот тут-то и выступают на сцену сказочники и старинщики, которых нарочно старается всеми мерами залучить в артель староста». Н. Е. Ончуков «открыл» многих печорских сказителей — С. Ф. Хабарова, И. В. Торопова, А. Ф. Вокуева, А. В. Чупрова — «рассказчика-эпика»,

женщин-сказительниц — Марию Шишолову, Матрону Чурсанову, Наталью Дементьеву. Он записывает песни и сказки на пронизывающем ветру в рыбацких лодках, на пароходе, в избе, пишет так много, что пальцы сводит от усталости. Ученый торопится, он боится, что грядущее развитие промышленности уничтожит былины. Так и случилось в Чердыни: «Через 15 лет после постройки первого горного завода население совершенно изменило свой характер, превратилось в бесшабашно-дерзких и наглых подсобных рабочих завода и спилось».

Русские подвижники-собиратели, объездив и обходя все глухие уголки Русского Севера, выявили такой необъятный фольклорный материал, что осмыслить его хватит не одному поколению. Если бы не они, целый пласт русского народного творчества мог бы погибнуть безвозвратно.

Роман с газетой и ... газетчицей

В 1908 году неожиданно для всех Ончуков возвратился в Сарапул, где принялся редактировать газету «Прикамская жизнь». В эти предреволюционные годы Ончуков решил, что не фольклор, а именно журналистика должна быть главным делом его жизни. В Сарапуле начала XX века общественная жизнь кипела: городской голова П. П. Башенин успешно реализовывал мечту сарапульцев — строил водопровод и электростанцию, смотритель духовного училища С. Н. Мировский писал рассказы, священник Н. Н. Блинов по заказу городской Думы проводил

Откуда появилась фамилия Ончуковых в Сарапуле? Потомки нашли истоки рода в г. Слободском, а известно, что слобожане из вятских — самый вятский народ. Род вятчан Ончуковых был славен военными, кузнецами, купцами, кожевниками, благотворителями и меценатами, садоводами и общественными деятелями, учеными и педагогами. Архивы поведали, что слободской мещанин Иван Ончуков одним из первых вступил в народное ополчение 1812 года. Слободской купец 1 гильдии Пётр Гаврилович Ончуков, входивший в шестерку городских миллионеров, пожертвовал 1000 рублей нуждающимся при голоде в 1890 г., за что удостоен грамоты на почетное потомственное гражданство, начал перестройку Никольского храма, которую заканчивал уже после его смерти его сын, Михаил Петрович...

историко-статистическое описание Сарапула, археолог Л. Беркутов – раскопки на Оползиной горе, энтомолог Л. Круликовский собирал чешуекрылых, врач Ф. В. Стрельцов коллекционировал старину. Н. Е. Ончуков сразу стал своим в кружке этой творческой интеллигенции и одним из «авторов» открытия краеведческого музея в Сарапуле и создания Общества изучения Прикамского края. Он занимался этнографией, археологией, ботаникой, изданием музейных сборников, обменивался печатными трудами с библиотекой Музея Академии наук, Русским Географическим Обществом, Московскими и Казанскими Обществами натуралистов и др. Одним словом, «могучей сарапульской кучкой» маленькому музею был задан мощный творческий импульс.

По инициативе Ончукова газета «Прикамская жизнь» доставлялась в музей бесплатно. Покровительство Суворина породило слухи о черносотенных корнях «Прикамской жизни».

Писатель С. Н. Миловский, возмущенный выпадами газеты против поляков и евреев, в письме к Жилкину резко пишет об Ончукове: «Собирает бы он песни, былины, трудился по археологии и был бы на месте. А то взялся за газету и вот вам... Газету свою называет сарапульский парламент. Сам он, когда ему указывают на отсутствие какого-либо направления в газете, называет себя «анархистом». Жена у него – какая-то хабалка, пишет в газете под псевдонимом Гугай и такую гниль разводит, что просто взять бы, да и вышвырнуть...». Да, холостая жизнь Ончукова закончилась: он обвенчался. Но кому и как удалось привязать к семейному очагу неисправимого путешественника?

«Гугай»

Сама ли Александра Петровна выбрала этот псевдоним, отражающий ее неординарный характер, или муж посоветовал, трудно сказать. Она писала хлесткие статьи, очерки в газеты и, конечно, прежде всего, в «Прикамскую

▲ Н.Е. Ончуков, 09.03.1897 г. Пермь.

Жизнь», редактором которой был ее муж. Несмотря на националистические перегибы, газета «Прикамская Жизнь», выходящая до 1918 года, сыграла прогрессивную роль в истории Сарапула, стала трибуной для земцев и талантливых журналистов, таких как Тимон Афинский (И. Т. Воронцов), С. Елеонский (С. Н. Миловский). По иронии судьбы один из лучших некрологов на трагическую смерть С. Н. Миловского был написан именно Гугаем. В лучших статьях, очерках, зарисовках Гугая – драгоценные блестяшки сарапульского быта, то смешно-нелепого, то необычно нового, то жалкого, отживающего: «Беспечно пожевывает сарапульский обыватель огурцы и попивает с мухами квас, и горя ему мало, что холера из Петербурга расплозается по всей России и находится уже в соседях, в Пермской губернии», «То ли дело жить с нашим старым, родненьким шитовским керосинцем!». При чтении статей Гугая складывался своеобразный облик этой женщины. Очевидно, она была образованна, прогрессивна и не робкого десятка, любила острое словцо и едва ли

обращала внимание на косые взгляды сарапульцев в свою сторону. Мы полагаем, что мужской псевдоним, которым она подписывала свои статьи, был выбран не случайно, он отражал ее деятельный и решительный характер, подобно «Штурман Жорж» у М. А. Булгакова. Не случайно такая активная и решительная женщина оказалась рядом с многоталантливым, но мягким и нерешительным Николаем Евгеньевичем. Оставалось узнать, как звали жену фольклориста. Все известные источники утверждали, что имя ее было Анна Александровна Ончукова-Булавкина. Дочь ревельского педагога, она была на десять лет младше Ончукова. Ее детство повторяло семейную историю Николая Евгеньевича: ее мать умерла в родах, отец-

педагог чуть позже – от туберкулеза, при мачехе девочке пришлось рано подрабатывать частными уроками, чтобы доучиться в гимназии. В 1916 году она окончила Высшие Женские Естественные Научные курсы в Петербурге и выдержала экзамены по физике и математике в Петроградском университете. В 1918 году девушку приглашает ассистенткой по ботанике приват-доцент университета В. Л. Комаров, будущий президент Академии наук. Так началась научная карьера Анны Александровны, впоследствии известного ботаника, кандидата биологических наук. С фотографии 1908 года внимательными, умными глазами смотрит милая, интеллигентная девушка. Облик Анны Александровны, научные статьи этой строгой женщины, целиком отдающей себя любимому делу – ботанике, никак не вязался, ни с псевдонимом Гугай, ни с содержанием статей в «Прикамской Жизни». Да и хронологически встреча двух научных фанатов фольклора и ботаники произошла гораздо позже закрытия газеты. Резонно было предположить, что писала статьи другая женщина – Ончукова, но не Анна Александровна. Выходит, Анна была не единственной женой известного фольклориста? Так и ка-

залось. В РГАЛИ были найдены документы о расторжении церковного брака Н.Е. Ончукова с Александрой Петровной Ончуковой (Тихановой) в 1924 году и свидетельство о браке Н.Е. Ончукова с Анной Александровной Булавкиной в 1929 году и фото двух женщин. Все встало на свои места: значит, автором псевдонима Гугай была первая жена Ончукова, Александра Петровна Тиханова. Мы нашли петербургскую фотографию Александры Петровны 1917 года, подаренную Николаю Евгеньевичу. На ней симпатичная кокетливая дама в шали, на обороте посвящение мужу: «Пусть все не вечно, ну, так что ж? Пусть осень жизни впереди! Но призрак счастья так хорош, так хороша весна любви!» А. Тиханова».

Да, это ее стиль, Гугая, легковесный, жизнерадостный. Думаю, ее ненадолго огорчил разрыв с Николаем Евгеньевичем и закрытие газеты, и она быстро устроила свою жизнь.

Тихий подвиг двух ученых

После революции в гражданскую войну Н.Е. Ончукова мобилизовали на борьбу с тифом в Забайкалье. Некоторое время он был в армии Колчака, чего советская власть не простит ему до конца жизни. О Колчаке, о людях, переживших ту войну, он пишет живую хронику, понимая, какими ценными для будущих историков и литераторов окажутся свидетельства современника тех лет. В письме к В.И. Срезневскому он писал: «...Годы мои уходят, но интерес к науке (истории и литературе) как будто еще обострился, во всяком случае, стал еще шире и глубже». Он убежден: остаток своей жизни нужно провести с пользой для родины. В 20–30-х гг. он участвует в работе над академическим «Сло-

▲ Н.Е. Ончуков, 1902 г.

варем русского языка». В пятьдесят лет он становится студентом исторического факультета Иркутского университета, потом преподает в Пермском университете и после развода с Александрой Петровной переезжает в Петроград, где с радостью включается в научную деятельность: экспедиции на Урал, в Сибирь, на Украину, статьи, секретарские обязанности в краеведческой секции Урала, Сибири и Дальнего Востока, где председательствует земляк Д.К. Зеленин. В эти годы «важность и необходимость» работ ученого отметил В.И. Ленин. 30 лет жизни Н.Е. Ончуков отдал собиранию фольклора в «медвежьих углах» России и Советского союза, он объездил и обходил более 6000 верст: осуществил 13 экспедиций на Верхнюю Вишеру, Колву, Каму, Тавдинский и Чердынский уезды, Печорский бассейн, записал сотни былин, песен, сказок, духовных стихов, напечатал 82 работы.

Встреча двух ученых — Николая Евгеньевича и Анны Александровны — состоялась в Петербургском университете, где он трудился на кафедре этнографии, а она — на кафедре ботаники. «По настойчивой просьбе Н.Е. Ончукова», как пишет Анна Александровна, в 1929 году они поженились. Ему было 57 лет, ей — 47. Недолго длилось семейное счастье. Он тяжело заболел паратифом, который оставил осложнения до конца жизни. Анна полгода просидела у постели мужа, выхаживая его как ребенка. Следующим летом она повезла его в Крым до-лечиваться. По возвращении семьи из Крыма в ленинградскую квартиру на Аптекарском, 10 нагрянула милиция: по доносу одного из краеведов, Николай Евгеньевич был арестован 1 сентября 1930 года, как и все остальные члены Ленинградского краеведческого общества, «за контрреволюционную деятельность и хранение нелегальной литературы»: при обыске нашли рукописи Ончукова о Колчаке. По статье 58–11 УК РСФСР ученый приговорён к высылке в Северный край. Ссылку отбывал до июля 1932 года в городах Котлас и Никольск. В Котласе работал дезинфектором в тифозном бараке. Анна Александровна обратилась к В. Бонч-Бруевичу, которой ходатайствовал перед С. Кировым. После ходатайства Николай Евгеньевич был досрочно освобожден, вернулся в Ленинград и принялся за свою любимую работу в Академии наук. В 1934 году доценту Ленинградского университета Ончукову была назначена академическая пенсия. После убийства С.М. Кирова в 1935 году «социально опасный элемент» Н.Е. Ончуков был выслан из Ленинграда в Пензу вместе с женой с запретом жить в столице и 15 областях страны. После увольнения из Ленинградского университета кандидат биологических наук Анна Александровна Булавкина-Ончукова пополнила ряды пензенских ботаников. В Пензе и ее окрестностях постоянно проводила гербарные сборы, публиковала интересные статьи о Ботаническом саде, добилась отделения его от краеведческого музея в самостоятельное научное учреждение. В 1935–1939 гг. — она, старший на-

дровны — состоялась в Петербургском университете, где он трудился на кафедре этнографии, а она — на кафедре ботаники. «По настойчивой просьбе Н.Е. Ончукова», как пишет Анна Александровна, в 1929 году они поженились. Ему было 57 лет, ей — 47. Недолго длилось семейное счастье. Он тяжело заболел паратифом, который оставил осложнения до конца жизни. Анна полгода просидела у постели мужа, выхаживая его как ребенка. Следующим летом она повезла его в Крым до-лечиваться. По возвращении семьи из Крыма в ленинградскую квартиру на Аптекарском, 10 нагрянула милиция: по доносу одного из краеведов, Николай Евгеньевич был арестован 1 сентября 1930 года, как и все остальные члены Ленинградского краеведческого общества, «за контрреволюционную деятельность и хранение нелегальной литературы»: при обыске нашли рукописи Ончукова о Колчаке. По статье 58–11 УК РСФСР ученый приговорён к высылке в Северный край. Ссылку отбывал до июля 1932 года в городах Котлас и Никольск. В Котласе работал дезинфектором в тифозном бараке. Анна Александровна обратилась к В. Бонч-Бруевичу, которой ходатайствовал перед С. Кировым. После ходатайства Николай Евгеньевич был досрочно освобожден, вернулся в Ленинград и принялся за свою любимую работу в Академии наук. В 1934 году доценту Ленинградского университета Ончукову была назначена академическая пенсия. После убийства С.М. Кирова в 1935 году «социально опасный элемент» Н.Е. Ончуков был выслан из Ленинграда в Пензу вместе с женой с запретом жить в столице и 15 областях страны. После увольнения из Ленинградского университета кандидат биологических наук Анна Александровна Булавкина-Ончукова пополнила ряды пензенских ботаников. В Пензе и ее окрестностях постоянно проводила гербарные сборы, публиковала интересные статьи о Ботаническом саде, добилась отделения его от краеведческого музея в самостоятельное научное учреждение. В 1935–1939 гг. — она, старший на-

дровны — состоялась в Петербургском университете, где он трудился на кафедре этнографии, а она — на кафедре ботаники. «По настойчивой просьбе Н.Е. Ончукова», как пишет Анна Александровна, в 1929 году они поженились. Ему было 57 лет, ей — 47. Недолго длилось семейное счастье. Он тяжело заболел паратифом, который оставил осложнения до конца жизни. Анна полгода просидела у постели мужа, выхаживая его как ребенка. Следующим летом она повезла его в Крым до-лечиваться. По возвращении семьи из Крыма в ленинградскую квартиру на Аптекарском, 10 нагрянула милиция: по доносу одного из краеведов, Николай Евгеньевич был арестован 1 сентября 1930 года, как и все остальные члены Ленинградского краеведческого общества, «за контрреволюционную деятельность и хранение нелегальной литературы»: при обыске нашли рукописи Ончукова о Колчаке. По статье 58–11 УК РСФСР ученый приговорён к высылке в Северный край. Ссылку отбывал до июля 1932 года в городах Котлас и Никольск. В Котласе работал дезинфектором в тифозном бараке. Анна Александровна обратилась к В. Бонч-Бруевичу, которой ходатайствовал перед С. Кировым. После ходатайства Николай Евгеньевич был досрочно освобожден, вернулся в Ленинград и принялся за свою любимую работу в Академии наук. В 1934 году доценту Ленинградского университета Ончукову была назначена академическая пенсия. После убийства С.М. Кирова в 1935 году «социально опасный элемент» Н.Е. Ончуков был выслан из Ленинграда в Пензу вместе с женой с запретом жить в столице и 15 областях страны. После увольнения из Ленинградского университета кандидат биологических наук Анна Александровна Булавкина-Ончукова пополнила ряды пензенских ботаников. В Пензе и ее окрестностях постоянно проводила гербарные сборы, публиковала интересные статьи о Ботаническом саде, добилась отделения его от краеведческого музея в самостоятельное научное учреждение. В 1935–1939 гг. — она, старший на-

◀ Экспедиция на Шокшозеро. Ончуков в центре.

учный сотрудник Жигулевского заповедника, исследовала флору Бузулукского бора, описала 666 видов растений. Трудно представить, сколько километров надо было пройти 50-летней женщине, чтобы достичь научного открытия, учитывая протяженность заповедника в 350 тыс га! И сейчас ее отчеты о полевых исследованиях цитируют российские биологи в своих работах.

Николай Евгеньевич принялся изучать пензенский фольклор, составил словарь местных слов, но вскоре был снова арестован в Пензе по делу «контрреволюционной группы церковников» по доносам пензенского священника А. М. Смирнова и хозяина квартиры, учителя математики Померанцева, надеявшегося поскорее избавиться от ученого постояльца. 5 октября 1939 года ученого осудили на 10 лет лишения свободы. В конце жизни «Н. Е. был тяжелобольным человеком, — пишет Анна Александровна, — ярко выраженная неврастения возбуждала против Николая Евгеньевича многих людей, которые рассматривали его через призму обычного обывателя, не понимая его значения самородка-ученого, с самоотвержением и безотказно работавшего за ничтожное вознаграждение или за свой счет на пользу науки и родины». Николай Евгеньевич отбывал наказание за 10 км от Пензы в ИТК №1 НКВД, пос. Ахуны. Нельзя без содрогания и горечи читать последние письма Ончукова: «Дорогая Аннушка! Передачу получил. Масло по получению уже текло, в рот не попало. Принеси: бинт узкий, хлеба черного, масла, сахару, сухарей черных, редьки, морковки, две иглы (прежние уже украдены), луку и чесноку, гре-

▲ Анна Александровна Булавкина. Фото 1908 г.

бень частый (очень нужно), газет для раскурки». 2 февраля 1942 г.: «Дорогая, милая Аннушка! Здравствуй! До сих пор не удосужился горячо поблагодарить тебя за передачу — она хороша. Но картошка перемерзла, лук также, а кисель не вкусен. В следующую передачу, пожалуйста, если можно, побольше мясного, хотя бы требушины да пожирнее. Очень зябну на работе. До передачи еще осталось 6 дней, а у меня, кроме хлеба, ничего не осталось, нельзя ли конфеток, хотя бы немного, так соскучился о них. Питание по-старому: хлеб черный с серым или рыжим. Нельзя ли что-нибудь молочного, творогу, брынзы... редьки, моркови побольше, сахарин... Яйца на этот раз порченые. Дует, дует... холодно, мерзну, башлык не согревает... ремонт крепкими суровыми нитками... при ежедневной рабо-

▶ Николай Евгеньевич Ончуков.

◀ Остров Буян.

те по несколько часов всё рвется очень быстро. Палец всё болит. Нужен бы покой ему, а я все в движении. А так здоров, аппетит волчий, привык есть много хлеба, но один хлеб мало греет». В тюрьме он подвергался унижениям со стороны заключенных-уголовников и охраны. Тяжелобольного пожилого ученого направили на лесозаготовки. Вскоре после своего 70-летия 11 марта 1942 г. Николай Евгеньевич скончался в лагере и был похоронен в роще близ поселка Ахуны. Полностью реабилитирован лишь в 1989 г. Его жена, талантливый ботаник, педагог и литератор Анна Александровна Булавкина-Ончукова пережила мужа на 5 лет и похоронена на пензенском Митрофаньевском кладбище.

Трех фольклористов и этнографов дал уездный Сарапул стране — и каких! — Н. Е. Ончукова, Н. Н. Блинова, Д. К. Зеленина. За свои книги

и труды действительные члены ИРГО Н. Е. Ончуков и Н. Н. Блинов в начале XX века собрали пять золотых и серебряных медалей, Д. К. Зеленин стал профессором и членом-корреспондентом Академии наук. Славно потрудились ученые и в своем городе: оставили сарапульцам музей, начальные школы и приюты для сирот, летопись города Сарапула. И сохранили потомкам жемчужины народной поэзии, которые могли быть навсегда утрачены. ❧

Эмиль Марианович Сенкевич. Человек. Исследователь. Врач.

Часть V.

Как выживают вогулы.

«Вогулы чрезвычайно быстро и легко выбиваются из колеи нормальной жизни самыми незначительными изменениями внешних условий жизни и с трудом приспособляются к ним. В соприкосновении с чужой культурой, если не происходит кровного смешения, они теряют способность размножаться и неминуемо вымирают. Это наблюдается и в других краях, на других туземцах».

Об отношениях между русскими и вогулами

Как уже было сказано выше, доктор Сенкевич работал в Тавдо-Кондинском крае с 1903 по 1905 годы. К этому времени эти места были заселены в основном русскими, так как коренное население — вогулы частично были выселены завоевателями в более северные и глухие места, многие погибли в многочисленных стычках с пришлым народом, какая-то часть ассимилировалась и жила совершенно по русским обычаям.

И так уж случилось, что смекалый и оборотистый русский мужик оказался более приспособленным к новой жизни, нежели его живущий одним днем сосед — вогул. Добрососедские отношения, когда одна сторона только дает, а другая только принимает, сохраняться долго не могут. Отсюда беспощадная эксплуатация должников, обмен и торговля, носящие зачастую спекулятивный характер. Читаем в записках доктора:

Борьба с этим явлением трудна, ибо, даже при наилучшей организации торговли, нельзя же иметь кооперативные лавки в каждой захолустной деревне в 4–10 дворов, тем более, что деревни разбросаны на необъятном пространстве, а пути сообщения таковы, что по 6–7 месяцев возможна лишь ходьба пешком. Торговля передвижная здесь также немислима, ибо она должна производиться еженедельно, а не два раза в году.

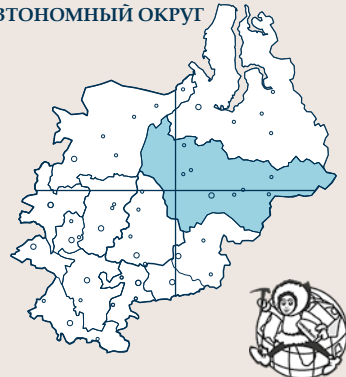
Таким образом, сама жизнь заставляет более предприимчивых людей, чаще русских, а где их нет, то и вогулов, браться за своеобразную торговлю — обмен продуктов первой необходимости, главным образом, на пушнину, рыбу или на личный труд. К этому же ведёт и своеобразное отношение к продаже пушнины полудикого вогула-промышленника. Обычно купить на деньги какую-либо шкурку очень трудно.

Прежде всего, вам не скажут, что имеется и в каком количестве, а если скажут,

Фото предоставлены авторами

ХАНТЫ-МАНСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Наталья Бердюгина

Путешественник, действительный член Русского Географического Общества, победитель конкурса «Многоликая Россия — 2010».

Алексей Слепухин

Путешественник, врач, действительный член Русского Географического Общества. Победитель конкурса «Многоликая Россия — 2010».

◀ Доктор Эмиль Марианович Сенкевич (Архив Сенкевич Т.Л.).

► «Бухгалтерия по-вогульски» (Архив Сенкевич Т.Л.).

На фото взаимные расчёты между вогулами. Двое участников склонились над долговыми ведомостями и счётами. Эпизод, привлёкший внимание доктора Сенкевича, происходит в вогульской избе. Позади сидящих видны нары, накрытые постелью, женская одежда: несколько нарядов, висящих на стене возле окна. Видна даже занавеска, ловко подхваченная у подоконника. Сидящий слева вогул, одетый в цветастую рубаху, жилет, брюки и бродни, склонился над бумагами, выискивая какую-то запись. Другой, одетый беднее, сидит рядом и напряжённо стискивает в левой руке трубку. Даже на чёрно-белом фотоснимке столетней давности чувствуется царящее напряжение в этот момент....

то не покажут и, во всяком случае, заломят цены, не уступающие ценам московским. Переговоры в трезвом состоянии ни к чему не ведут и лишь вселяют ложное убеждение у владельца, что цена назначена слишком низкая. Кончается тем, что или цена увеличивается, или товар совершенно исчезает. Поэтому в прежние времена все торговцы являлись туда со спиртом, и тогда вся пушнина незаметно попадала в их руки по цене, о которой покупатели сами никогда не говорят, а продавцы, обычно, не помнят.

Конечно, изжить это возможно, но трудно. Для этого нужно, прежде всего, вселить доверие промышленнику-вогулу к продавцу, что он его не надует и что даст полную цену. Кроме того, нужно широкое кредитование промышленников, по крайней мере, лучших, что, при обычной честности кондинских вогулов, является делом не очень рискованным.

Принципы такой торговли должны быть следующие:

- 1) Дружественное отношение к вогулу.
- 2) Искоренение из этой торговли принципа лёгкой наживы.
- 3) Элементарная честность.
- 4) Своеобразное снабжение.
- 5) Долгосрочный кредит.

Быт промышленников-вогулов значительно разнится от быта русских. Здесь — иной дух, иной характер, другие взгляды.

► Ямщик (Архив Сенкевич Т.Л.).

Вот таким экипажем пользовался Э.М.Сенкевич во время своих скитаний по Уральскому Северу. Сколько пришлось ему преодолеть на таких «перекладных»! Со сколькими людьми пришлось познакомиться и договариваться, дабы попасть в глухомань, например, в «затерянный уголок» Нерпалы, занимающий верховья реки Юконды. На снимке, вогульский ямщик. Лошадки у вогула разномастные, плохой ухоженности. Возок старый, «видавший виды» и, к тому же, латанный. Но, наверняка, других возможностей у Эмиля Мариановича могло и не быть, поэтому он пользовался любой оказией.

Торговые отношения русских с вогулами приводили к совершенно непредсказуемым результатам. Стоит обратить внимание на поучительный эпизод, случившийся с Эмилем Мариановичем зимой 1906 года. Он вспоминает, что его приезд в Яхват-пауль от чего-то не понравился местному богачу, вогулу Алексею Петровичу Нерпалову. Позднее выяснилось, что тот частенько избивал свою русскую жену, а кроме этого вел торговлю, не имея разрешительных документов. Приняв доктора за чиновника, явившегося с проверкой, Нерпалов всеми силами старался выжить его из поселка. Доктор пишет:

Считая меня чиновником, он опасался моего пребывания. Ему нужно было возможно скорее, пока я не узнал о его проделках, выжить меня из Яхват-паула каким бы то ни было способом. Началось с того, что он, не вставая со своей постели, велел сейчас же убрать мои вещи из своего дома, где мне была отведена квартира. Когда же я часа через два вернулся в свою новую квартиру, он уже был там и в сапогах и шапке важно лежал на моей кровати, вызывая поглядывая на меня, куря трубку и не произнося ни слова.

На мой вопрос, что ему нужно, он дерзко ответил:

- Коли ты дохтур, то сам должен знать, что мне нужно!
- Так ты больной? — переспросил я.
- Какой ты такой дохтур, коли не видишь, болен я или нет?

Кругом в избе стояла и глазела толпа народу и с лобопытством и одобрением слушала своего князька. Я начал убеждать его, что доктора не творят чудес, не видят, чего не видно, и пользуются такими же чувствами, как и все смертные.

На это он возразил, что бывал в Тобольске и бывал у докторов.

— Они меня не спрашивали, а сами делали, что надо. А ты какой дохтур? Разве доктора бывают такие?

В толпе кто-то одобряюще загоготал. Положение становилось критическим. Меня могли принять за самозванца, избить и выгнать. Нужно было поступать решительно и проучить нахала.

Тогда я, повысив голос, приказал ему встать.

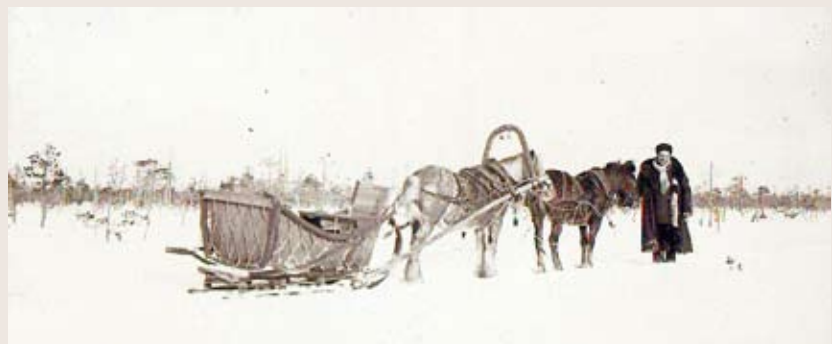
— Если ты бывал в Тобольске, то должен сам знать, как разговаривают с врачами!

Затем я велел ему снять штаны и сапоги. В ответ на его испуганный и вопросительный взгляд я пояснил, что он, по всей вероятности, был у доктора «скотского».

— Если ты хочешь, чтобы я поступал с тобой, как с бессловесной скотиной, то я сейчас тебе поставлю градусник в задний проход.

И я подошёл к нему с решительным видом, держа в руках внушительных размеров градусник для ванны.

Эффект получился поразительный. Строптивый вогул сразу присмирел. Он был посрамлен в виду всей своей деревни,

▲ Куриковы Николай и Александр на рыбалке в верховьях р.Пелым (IV мансийская экспедиция «Команды Искателей Приключений», август 2004 года. Фото А.Слепухина). Современные лодки манси немногим отличаются от тех, на которых путешествовали их предки 100 лет назад. Также всё делают своими руками простыми инструментами. Разве что моторы, которые удаётся эксплуатировать в глухих таёжных условиях, могут свидетельствовать об изменениях в жизни мансийцев.

▼ В набойнице (архив Областного музея истории медицины). Главными путями сообщения по Тавдо-Кондинскому краю являются реки. Лишь вдоль Тавды имеется плохая дорога, да от села Пельымского до села Больших Гарей в 66 верст, и ещё кое-где незначительные дороги верст на 10-15. В основном, путешествие совершается в набойницах, или крытых каюках, а по маленьким рекам в легких осинового челнах. На снимке типичная набойница, большая лодка длиной 10, а то и 14 метров. Посередине её крытая каюта с небольшими оконцами в боковых стенках, на крыше которой сидит один из вогулов. Другой, в армяке и шапке стоит возле входа в каюту. Эмиль Марианович сидит справа от каюты в форменной фуражке. Рядом с ним расположились две женщины-вогулки. Путешествие в набойнице не самое удобное, но позволяет находиться в относительной сухости во время непогоды или сезона осенних дождей.

и многие из толпы хихикали уже над завалившимся Алексеем Петровичем.

Позднее жена Нерпалова прислала доктору письмо, с описанием преступлений мужа. Через несколько часов после этого Алексей Петрович явился к Сенкевичу с предложением взятки в виде шкурки белого соболя, был выгнан с позором. С тех пор, на протяжении всего времени, пока доктор находился в Яхват-пауле, то чинил мелкие гадости, то пытался угодить и принёс подарки в виде сахара, меда и конфет, предлагаемых доктору по самым скромным ценам.

Отношение вогулов к труду

Дорог в местах, куда занесла судьба нашего героя, не было. Летом сообщения между поселками в основном по воде, зимой — по зимнику, на лоша-

дях, которых у вогулов либо не было, либо они были плохо обучены. Чаще всего их брали у русских соседей, заплатив при этом втридорога. А если и впрягали плохоньких мансийских лошадей, то по одной в возок. Если в упряжи оказывались две — три, на каждую садился всадник и управлял своей лошадей. Причем, по воспоминаниям Сенкевича, ямщиками вогулы были плохими. Постоянно рвалась упряжь, выворачивались оглобли.

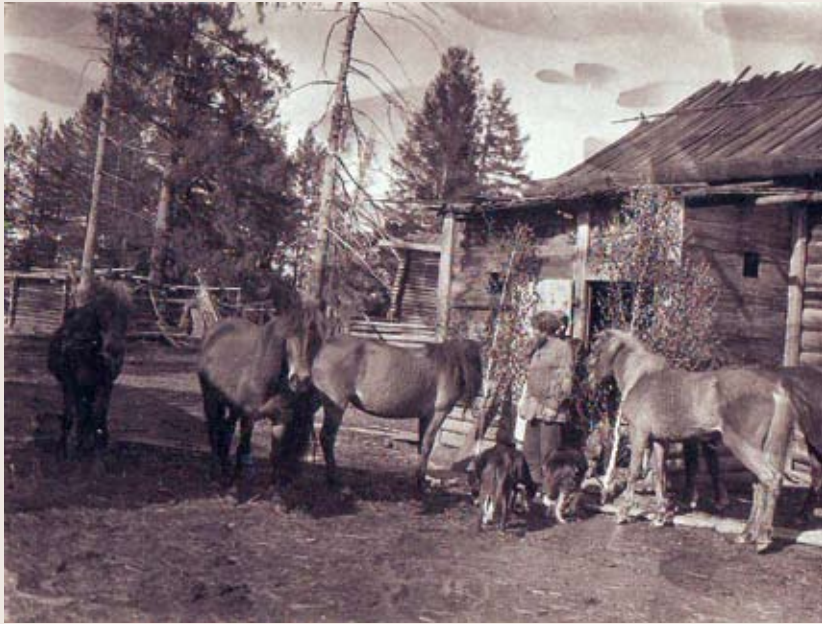
О том, чтобы выехать рано утром не могло быть и речи. Вогулы не любил рано вставать. Но все менялось, если дело касалось охоты: лишь охоту они считают занятием, действительно стоящим внимания, и тогда делаются неизвестными, — внимательными, зоркими, задорными и подвижными, а от лени не остаётся и следа.

Доктор пишет:

Мне вспоминается курьёзный случай с вогулом Николкой из паула Сетен-Сума. Приезжаю в Сетен-Сум в середине мая. День чудный, настоящий майский: тепло, тихо, воздух благоухает. Единственный житель деревни Николка очень недоволен моим приездом и ворчит. Наконец, он прямо заявляет, что меня дальше не повезёт, так как сегодня самый подходящий день для «тормования» (охота на лосей с лодки), а потому ехать со мной сегодня ему нет расчёта.

— За тебя я получу прогонов 3-4 рубля, а тут я заработаю 25-30 рублей!

Он так был убеждён в удаче, что я поддался его уверениям и не стал протестовать. Николка сразу повеселел. Вышло даже так, что поехали мы оба на паевых началах. Я со штурцером сидел на носу и должен был стрелять, а Николка правил лодкою.

▲ Вогульские лошадки (Архив Сенкевич Т.Л.).

На фото: небольшой постоялый двор, хозяин с четырьмя лошадьми. Лошади низкорослые, на удивление, ухожены. Позади хозяина выглядывает его жена-вогулка.

Едем молча, прислушиваясь к каждому шелесту прибрежных зарослей.

Проходит день, — нигде даже свежей лосиной поеди не видели. То же самое и на второй день.

На обратном пути, отбросив в сторону охотничьи предосторожности, стали разговаривать. Тут с удивлением я узнал, что Николка уже тридцать четыре (!)

раза подряд совершил это путешествие без результата (в течение прошлого года и в настоящем).

Какая детская уверенность относительно 35-го выезда!

В конце концов, я же стал виноват:

— Гнал бы меня в ямцину, — было бы лучше! Я теперь бы домой воротился, ямцину заработал бы!..

О пьянстве вогулов

Мы долго сомневались, стоит ли вообще затрагивать эту тему. И без того о манси идет слава, как о запойных пьяницах. Но, все же, решили написать.

Ведь история болезни и медленного умирания этого народа насчитывает века. С приходом русских на их территорию пришли не только блага цивилизации, в которых они и в наше-то время не очень нуждаются, но и многие болезни, самой страшной из которых является алкоголизм. Болезнь, разрушающая не только организм больного, но и его душу, нанесла этому народу гораздо больший урон, нежели многочисленные войны. Доктор Сенкевич понимал это очень хорошо. Он пишет:

Более всего мешает путешествовать — пьянство. После очень небольшого опыта я твердо решил и затем всегда придерживался этого правила — никогда с пьяными вогулами не ездить. Случай, повлиявший на меня в этом смысле, довольно интересен в бытовом отношении, и я его приведу.

Однажды я торопился выехать из Оронтура, где мне удалось сделать всё, что я предполагал. Отъезд в назначенный день не состоялся из-за сильного ветра, поднявшего на Оронтурском озере огромные волны. К вечеру, вижу, мои ямцики уже пьяны. Навожу справку; оказывается в одной избе «самосядка поспел», но не в большом количестве.

На следующий день, часам к 12, мы собрались снова. К лодке, сравнительно большой набойнице, подошло четыре вогула с ружьями через плечо, с котомками и топорами. Начали спускать её с берега. За нос схватились двое вогулов, Данил Немельский и Алексей Ессунтский, ещё не совсем протрезвевшие. При первом же движении лодки вдруг один из них, Алексей Ессунтский, бросает бывшее к нему в руках весло, молниеносным движением снимает с плеча свою одностволку «крынку» и с диким криком: «Это вона виновата», спускает курок, наводя ружьё навскидку на своего визави

► В вогульской избе (архив Областного музея истории медицины).

Доктор Сенкевич снял довольно нехитрое убранство вогульского жилья. В левом, женском углу на нарах сидят вогулка с дочерью, лет десяти от роду. Несмотря на слабое освещение и «смазанность» снимка (вогулка совершила некое движение) видны небогатые женские наряды. Да и интерьер жилища нельзя назвать роскошным. Из утвари виден большой чан с ковшиком на высоком табурете-подставке с тазиком, крынку на печке и саму печь. На стене видна ручная пила. Основное внимание привлекает к себе большой (на несколько литров) штоф, заткнутый какой-то тряпичей и явно наполненный зельем. Возможно, это и есть вогульская «самосядка». Вот и всё убранство жилища кондинского вогула.

Данила. К счастью, пистон патрона был не догнан до места, и ружьё не выстрелило. Из возникшей перестрелки выяснилось, что Данил наступил Алексею на ногу.

Такой ничтожный повод, — нечаянно наступить на ногу, — вызывает столь несоответственно сильный эффект!

Пьянство кладёт резкий отпечаток на весь домашний уклад жизни вогуля-промышленника, ибо, как я уже сказал, все вогулы, за редкими исключениями, страшно любят водку и пьют безо всякой меры, до бесчувствия, или до тех пор, пока имеется запас вина.

◀ Пьяная драка в пауле (архив Областного музея истории медицины).

Доктор Сенкевич запечатлел на этой серии снимков один из эпизодов пьяной драки в вогульском пауле.

На фото видно, что действие происходит прямо посреди поселения, возле сумьяха (хозяйственного лабаз). На первом снимке группа из нескольких женщин и детей-подростков пытается разнять разгулявшихся мужчин. А на крайнем справа фотоснимке прекрасно прослеживается, что двое мужчин выясняют отношения уже «с глаза на глаз», обхватив друг друга и пытаясь повалить. Женщины и дети пытаются воздействовать на оставшихся дерущихся.

Кроме запечатлённого пьяного инцидента на снимках хорошо прослеживается и быт вогулов, поскольку лабаз — это всегда скопление интереснейших этнографических артефактов. И действительно: под лабазом стоят нарты, на площадке перед дверью в лабаз несколько берестяных пайв. Лабаз стоит на резных ногах с отрицательным уклоном — дабы мыши не могли забраться вовнутрь. Слева от лабазы стоит традиционная вогульская лесенка-бревно с вырезанными ступенями.

Зимой, с декабря до апреля, пьют водку, которую их снабжают в достаточном количестве куцы; летом-же делают из запасов зернового хлеба «самосядку» — противного запаха, мутную, кислотоватую жидкость, содержащую около 16–17% алкоголя при хорошей однократной перегонке и %60 при двойной. Зимой вогул пропивает весь свой заработок и, наконец, пьёт за счёт будущей добычи.

Когда бы я ни приезжал зимой в вогульскую деревню, особенно расположенную на каком-либо проездом торговом пути, я всегда имел дело с пьяными, которые до крайности мешали работать и даже попросту делали работу невозможной своим бесцеремонным вмешательством, руганью и даже буйством. В виду этого обстоятельства, зимой работать не было возможности.

Лучшими месяцами для работы среди вогулов нужно считать апрель, май и июнь; в это время всё население дома и занимается рыбной ловлей вблизи дома. Пьянствуют в эти месяцы сравнительно редко. Позже, т. к. в июле, августе, сентябре, октябре и ноябре, вогулы почти не пьют, так как запасы зерна, сделанные с зимы, источа-

ются; в это время они усиленно рыбачат и лесуют; но иногда деревни стоят пустыми, и сами поездки невозможны, за отсутствием в деревнях проводников и ямщиков.

Летние попойки вогулов устраиваются обычно сообще, всю деревню, по праздникам или приурочиваются к каким-либо семейным торжествам. Обычно они носят грандиозный характер: пьянствует все население паула и гости дня два-три-четыре, пока не будет выпита вся заготовленная домашним образом «самосядка». На такие празднества иногда съезжаются жители всех окрестных деревень, особенно расположенных по течению данной реки.

Во время такого торжества обычно тихие, миролюбивые и скромные вогулы напиваются до сильнейшего возбуждения, ходят и бегают, как ошалелые, с выпученными безумными глазами, с растрепанными волосами. То и дело вспыхивают ссоры и драки. Там и сям на улицах дерутся целые группы в разорванных рубашках, а то и без них. Бабы то и дело разнимают и уводят в стороны дерущихся.

Когда идёшь по деревне, на тебя то и дело бросается неузнающий тебя пьяный, с руганью, а то и с палкою, а потому самое благоразумное — это убраться на все праздники как можно дальше от деревни, на охоту или на рыбалку.

К удивлению, всё же такие попойки обычно кончаются благополучно, так как, если вогул пьёт настоящую водку, то он быстро допивается до периода нервного угнетения; сваливается и становится совершенно безобидным; если же пьёт «самосядку», то, наряду с сильнейшим психическим возбуждением, у них появляется какая-то мышечная астения, и я неоднократно наблюдал, что напившийся до бесиенства здоровенный мужчина не мог поднять даже легкой сравнительно палки и лишь волочил её. Иногда субъект падает и не может уже подняться, но он ещё старается схватить вас ногами как щипцами, и с этой целью ползком приближается к вам.

За три года моего пребывания здесь на почве пьянства было лишь два убийства.

Женщины пьют наравне с мужчинами и лишь начинают несколько позже. Под влиянием опьянения они теряют всякий стыд и сознание, и потому сплось и рядом

▲ **Вогульский пауль зимой** (Архив Сенкевич Т.Л.).

На этом фотоснимке — один из вогульских паулей, которые посетил Эмиль Сенкевич.

Пауль небольшой — всего два кола (дома). Главный дом — в центре. Справа от него изгородь, на которой висят шкуры и прислонены нарты. По тропинке к дому бредёт вогульская лайка. В глубине справа небольшой домик и два хозяйственных сумьяха.

совокупляются пьяные ближайшие родственники, как, например, сын с матерью и т.п.

Унылое и печальное зрелище представляет деревня после попойки. Из изб доносятся стоны и оханье, вогулы бродят всклокоченные, с измождёнными лицами, с мутными красными глазами, в разорванных рубашках, вымазанные в рвотных массах, слоняясь, часто окровавленные.

Гости из соседних деревень разбегаются. Я с ужасом ожидал в первый раз, как они, пьяные, поедут на своих вертлявых, утлых осинового чельнах-однодеревках, на которых я, трезвый и после трёхлетней практики, не решился садиться по-вогульски на узенькую скамеечку, положенную на края бортов. Течение реки было быстрое, а гости едва держались на ногах. Сначала более трезвые заняли место на кормах. Остальные развалились, где попало, но одну ногу они кладут в соседнюю лодку, и, таким образом, получался устойчивый плот из 5–6 челнов, связанный ногами.

Через неделю со мною, как с попутчиком, был послан по соседним деревням целый мешок вещей, утерянных гостями во время попойки. В каждой деревне мы вытряхивали содержимое мешка; и жители, окружив кучу, выбирали каждый своё: кто шапку, кто сапог, кто кисет, кто портмоне.

Вообще, вогулы очень честны; воровства среди них нет; вне закона и понятий о воровстве находятся лишь спирт и водка. Даже самый честный вогул, особенно если он хоть немного выпил, вряд ли устоит перед соблазном стащить водку. В придорожных деревнях зимою вогул бывает трезв только тогда, когда необходимость за-

▼ Мансийская долблёнка — современный осиновый челн (экспедиция «Команды Искателей Приключений», река Сосьва, июнь 2010 года, фото А.Слепухина). Во время своей экспедиции по реке Сосьва нам повезло — мы получили возможность приобрести для своей коллекции настоящую мансийскую долблёнку. Лодка оказалось старинной, сделанной по оригинальной мансийской технологии. К сожалению, когда она была изготовлена, никто уже не помнит... Последний хозяин упомянул, лодки было две: одну, то, что в хорошем состоянии, унесло течение во время половодья. Вторая (её то мы и высмотрели!) оказалась с трещиной в дне, поэтому ею уже давно не пользовались. Долблёнкой пользовался старенький дед, что ходил на ней на рыбалку по мелководью. Даже в том состоянии, в каком мы её нашли, она остаётся вертлявой, как и описывали подобные челны Носилов, Инфантьев и Сенкевич.

ставляет его идти на промысел или когда не на что купить или выменять водки; при отсутствии, к тому же, кредита. Пьют, как выше сказано, женщины и дети; дают водку даже грудным младенцам.

Одно отдаленное напоминание о водке, уже возбуждает вогула. Однажды, после 30-верстного перехода из Учени в Сатыгу, усталые, мы спустились к озеру — «Сатыжинскому туману». Шедший передо мною вогул вдруг поворачивается ко мне с улыбающимся лицом, смеющимися глазами и вообще весь сияющий от удовольствия.

— Что такое? — спросил я, недоумевая.

— А видишь, вон хмель миленький растёт; он самосядку нам делает.

Вот с такими взаимоотношениями у вогулов и познакомился доктор Сенкевич на Уральском Севере. **УС**

КУРГАНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Берестяные самовары Махнюка

Иллюстрации предоставлены В. Махнюком

Интерес к бересте объясняется ее замечательными природными свойствами: береста совершенно не впитывает воду, не проводит тепло, способна обеззараживать, имеет малый удельный вес и достаточную прочность. Долговечность бересты не подвергается никаким сомнениям, достаточно вспомнить об известных берестяных грамотах, которым насчитывается более восьми сотен лет.

*Средь избранных деревьев береза
Не поэтически глядит:
Но в ней – душе родная проза
Живым наречьем говорит.*

П. Вяземский

Алексей Мурзин

Окончил естественно-географический факультет Курганского пединститута. Работал учителем географии, директором Шадринского краеведческого музея. Сейчас — в Центре русской народной культуры «Лад». Член Русского Географического общества. Автор книг, очерков и рассказов. Статьи и очерки печатались в «Уральском следопыте». Дипломант конкурса «Золотое перо Руси» (2005, 2010). Член Союза писателей России. Живет в Шадринске.

Коренные обитатели Сибири еще совсем недавно, как и тысячи лет назад, сооружали из бересты временные жилища, брали на дальние промыслы берестяные подстилки, спасавшие их от ночного мертвящего холода. Из бересты делали лодки, детские колыбели, трафареты узоров для рукоделия и прочее. На жаре, во время полевых работ, берестяная утварь сохраняла продуктам и напиткам прохладу и свежесть, а зимой не давала замерзнуть. Молочные продукты не закисали в берестяных емкостях до двух-трех суток. В Поморье, где бересту научились обрабатывать таким образом, что она обретала свойства кожи, из нее шили одежду. Сегодня в музеях Архангельской области можно увидеть сшитые из бересты пиджаки, сюртуки, сапоги.

Еще в начале двадцатого века на российских ярмарках, как обязательный товар, продавались большие полотнища бересты, называемые скальём, употребляли его в строительстве. Положенная в один-два слоя под штукатурку или поверх фундамента береста, люди надежно предохраняли строение от гниения.

Многие народы использовали и обрабатывали бересту, но, пожалуй, только русские умельцы возвели этот промысел в ранг искусства. Может быть, конечно, и ввиду банальной доступности этого уникального материала. Но, зная особое отношение русского народа к березе — действительно самому распространенному на российских пространствах дереву, думается,

что столь широкая популярность берестяных изделий имела и сакрально-мистические основы.

Один из документов национального архива Республики Карелии за 1886 год подтверждает стремление мастеров придать промыслу совершенно новый уровень: «До сведения <Олонецкого ест.-пром. и исг.-этнограф. музея> и Пред. Губ. стат. ком-та губ-ра Григорьева «дошло, что крестьяне Олонецкой губернии занимаются изготовлением самоваров из бересты».

«Изготовлением моделей самоваров из бересты занимался в Лодейнопольском уезде только крестьянин Шимозерской волости деревни Кленозера Дмитрий Батай, ныне умерший, не оставивший после себя своих произведений и не передавший своего знания» (См. Архив КГКМ; КФГИМ/Б-23, 39/Д-2, 10 лл).

Переселенческие потоки разносили навыки и традиции на вновь осваиваемые земли, проникали они и за Урал. Как знать, может быть, более молодые и пытливые родичи того самого Дмитрия Батая принесли его мастерство на берега Исети и еще дальше в необъятную Сибирь.

С развитием новых технологий и внедрением новых материалов, береста оказалась почти забыта. Но ее уникальные свойства как подделочного материала, большое разнообразие приемов и способов обработки дают в руки мастера практически неограниченные возможности. Освоив городское культурное пространство, в котором упор

с утилитарного назначения бересты сместился на декоративно-прикладное, крестьянский промысел постепенно стал городским ремеслом. В качестве примера этому наглядно служат промыслы вологодской, шемогородской, прокопьевской, а теперь и шадринской бересты. Современные мастера берестяных дел не стремятся сделать и продать на ярмарке как можно больше одинаковых туесков, они создают настоящие произведения искусства, привлекающие внимание необычностью естественного материала, воплощенного в знакомые для нашей памяти формы.

Искусствоведы даже говорят об особом Исетском регионе, где берестяной промысел занял совершенно особое место в ряду присущих этой территории промыслов. Своя, особая методика так называемой «филигранной бересты» появилась в Каменске-Уральском, есть мастера в Далматово. Но именно в технологиях шадринской бересты можно увидеть преемственность и развитие местной традиции.

Широкую известность Шадринская береста получила после ряда выставок, прошедших в столичных музеях. Представлял ее мастер, развивший народный промысел, человек по роду своей профессиональной деятельности, казалось бы, абсолютно чуждый народному творчеству, отставной офицер Владимир Георгиевич Махнюк.

Переехав в лихие девяностые в уральский Шадринск в поисках приложения еще не растраченных сил и незаурядной творческой энергии, он решил попробовать себя в берестяном ремесле. Известный в то время в городе берестяных дел мастер Олег Геннадьевич Колмогоров с удовольствием и надеждой открыл перед новым учеником необъятный и загадочный мир бересты. Владимир, успешно освоив бытовавшие в Шадринском крае приемы, вскоре начал экспериментировать, пытаясь, как истинный мастер, отыскать новые грани традиционного искусства.

Вот как говорит об этом сам Владимир Махнюк:

— Я наметил цель — открыть для бересты двери столичных музеев и галерей, поставить ее в один ряд с золотыми и серебряными изделиями. Возникла идея выполнить в бересте посуду. Начал с простой крынки под молоко. Потом попробовал сделать из этой же бересты чайник. Затем появились берестяной бочонок, бадейка, братина. И наконец — самовар из бересты. Правда, в нем нельзя было кипятить воду, но разливать кипяток по берестяным чашкам — одно удовольствие. Спусти три года я разработал и сделал

первый берестяной самовар, не уступающий своему медному собрату. С трубой, с дымом — все как положено. Вода вскипает от сгорающих щепок или шишек, помещенных в стальной титан. Все остальное — только береста. И когда в жаркий полдень я испил холодного пива из бочонка, простоявшего на солнцепеке несколько часов, да попил чайку из самовара, то понял, что приближаюсь к поставленной цели.

Является ли мое искусство народным или нет — решать не мне. Я работаю с традиционным материалом, в необычных для бересты формах. В оформлении изделий использую славянскую символику (обереги) и традиционные русские орнаменты. При этом стараюсь не нагромождать излишние кружева, чтобы можно было увидеть сам материал, прочувствовать его. Береста способна воздействовать и на зрение, и на осязание, и на обоняние. Запах свежей бересты, разнообразная, хорошо подобранная гамма оттенков, теплота и нежность на ощупь — все это не может оставить человека равнодушным.

Трепетное отношение к бересте, свойственное не только русским, но и многим другим народам России, конечно, вызвано той особой, воспетой поэтами, любовью к березе. И мастеру надлежит выразить эту любовь так,

чтобы она стала видна окружающим, чтобы чувства, вырвавшись наружу, обрели материальный облик в гармонии формы и цвета, в песне узора.

В заключение приведу слова моего учителя Олега Геннадьевича Колмогорова (вечная память ему!):

«О, белая Береза! Дай силу и озарение сердцу творящему. Каждый кусок бересты положи точно на свое место, Мастер. Когда получится сосуд твой, предмет ли новый, узнаешь цену его. Если, увидев его, люди будут хвалить и восхищаться и словами тараторить хвалу — это еще не оценка. Но коль человек замрет в молчаливой беседе, и свет сердца излучится из его чистых глаз, и ритм сердца болью приятной отзовется в груди, — это, Мастер, уже будет цена безмерная. Отдай бескорыстно ту вещь человеку, видящему сердцем. Эта вещь ему необходима.

Иди, Мастер, к беседе молчаливой. Делай вещи подобные.

Чудный звук Космоса, нежная песня сердца, криптограммы линий и сфер пусть отразятся в трудах твоих, Мастер!

Тоскливо Мастеру настоящему, истинному, к кому не ищут пути ученики. Больно Мастеру, когда дело верное отдать некому. Гибнет душа Мастера, когда дело остается с ним, когда нет учеников ищущих.

Ученик ищет Мастера — это дело добровольное, так как ненасильственное любезное желание может человека учеником сделать»..

Сейчас изделия Владимира Георгиевича известны не только в Шадринском Зауралье. Они становятся желанными на выставках и фестивалях самого разного уровня, они принесли мастеру поистине всероссийскую славу. После ряда презентаций в столичных музеях появилось даже и особое название для разработанного им стиля шадринской бересты — «Берестяное барокко». Создаваемые им изделия — уже традиционный узнаваемый зауральский сувенир. Они разлетелись не только по российским частным и музейным коллекциям, но и представили российское традиционное искусство в Китае, Европе и на Ближнем Востоке, став настоящей сенсацией. Не обделен Владимир Георгиевич и учениками, долгое время работает он в шадринском Центре русской народной культуры «Лад» в качестве преподавателя школы ремесел и рукоделий, а в 2010 году его стараниями в Шадринске открылось первое в Курганской области предприятие, деятельность которого связана с развитием народного промысла, — берестяная мастерская «Честа».

▼ Берестяные самовары Махнюка.
Город Шадринск Курганской области.

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www.uralstalker.com
ISSN 0134-241X

сентябрь 2012

Аэлита

50

Законы Вселенной

ИРИНА ИСТРАТОВА
Спасение Татьяны **50**

СВЕТЛАНА ТУЛИНА
Запердолить джи **58**

70

Координаты чудес

ДМИТРИЙ КОЗЛОВ
Другим путём **70**

ДИМ СОЛОВЬЁВ
Чувства **75**

79

Повод для улыбки

АНДРЕЙ СКОРОБОГАТОВ
Не следишь ты за собой, батяня **79**

ДЕНИС КАРИМУЛИН, ВЛАДИЛЕН ЯНГЕЛЬ
Простые истины **82**

Спасение Татьяны

Девушка едет в метро. Никто не видит, какая она красивая. Я — вижу.

Русый локон качается в такт движению, тонкая рука сжимает поручень. Румянец горит у неё под кожей, губы полуоткрыты, и зубы блестят хищно и невинно, как у ласочки. Она склоняется над сидящим мужчиной, в руке у неё патрончик помады.

Мужчина смотрит перед собой, безучастный, как манекен. На нём плащ и костюм, на коленях лежит дипломат, поверх дипломата шляпа. Девушка выдвигает помаду, словно лезвие ножа. Прищуривается, вытягивает руку. Ну же, подрисуй ему усы! Тебе ничего за это не будет. Мужчина встаёт, надевает шляпу и направляется к дверям. В окна врывается яркий свет — поезд выезжает из тоннеля. Девушка, тяжело дыша, смотрит вслед выходящему на платформу.

В дальнем конце вагона раздаётся грубый хохот. Трое подростков из низшего класса идут вразвалочку в нашу сторону. Они задирают женщинам юбки, а мужчинам нахлобучивают шляпы и сворачивают набок галстуки. Пассажиры механически поправляют одежду, в их глазах нет ни страха, ни возмущения. Рутинка не знает, что такое оскорблённое достоинство.

Девушка, ну же! Загрузи транспортную рутину, стань, как все — отрешённой и неуязвимой. Пусть юнцы ходят вокруг, заглядывают тебе в вырез блузки, отпускают шуточки. А ты стой, глядя в пространство, и им быстро надоест. Нет, она паникует, стягивает на груди полы шубки, её взгляд мечется по пустым лицам пассажиров — и встречается с моим.

— Привет, Таня! — громко говорю я. — Иди сюда.

И хлопаю по сиденью рядом. Она опускается на краешек, напряжённо поглядывает то на меня, то на притих-

Ирина Истратова (литературный псевдоним)

Родилась в Москве в 1978 году Закончила Физический факультет МГУ. Замужем, двое детей. Начала писать фантастику четыре года назад. Пишет рассказы и повести в жанре твердой НФ. Живет в городе Троицк Московской области.

ших подростков, сгрудившихся у дверей. Сами пугаются, чуть что.

— Прости, — говорит она шёпотом, — я забыла, как тебя зовут.

— Сергей, — отвечаю вполголоса. — А тебя, значит, Таня?

— Да, — удивляется, хмурит лоб. — Так это был спектакль? Мы с вами не знакомы, нет?

— Теперь точно знакомы. Давай уж «на ты», раз так получилось.

Она кивает и вдруг крепко стискивает мою руку горячими тонкими пальцами.

— Спасибо, спасибо тебе.

Такие моменты предназначены, чтобы наслаждаться ими, но я отчего-то не могу. Мне непременно надо вспомнить, что кое-что тут не на самом деле. Метро настоящее, пассажиры тоже, только в час пик от них в вагоне не протолкнуться. Хулиганы — явление обычное, но не каждый же раз, когда я возвращаюсь с работы. А вот девушка по имени Таня виртуальная. Пока их зовут Татьянами, жена смотрит на мои игры сквозь пальцы. Не вижу логики, впрочем, грех жаловаться.

Накрываю Танину руку своей, спрашиваю:

— Почему ты не под рутиной?

— Неделю назад кончилась лицензия, не было денег продлить. А потом... ну... — Таня запинаясь, на лице вспыхивает шальная улыбка. — Как будто просыпаешься ночью и ходишь, а все вокруг спят. Делай, что хочешь. Аж мурашки. А ты почему не под рутиной?

— Потому что я сам их пишу.

— Сапожник без сапог?

— Нет. Работник шоколадной фабрики, который пьёт чай с селёдкой.

— О... А что в качестве селёдки?

— Да так, — отвечаю уклончиво, — разные допотопные игрушки.

Стоит сказать «расширенная реальность», как вспоминается дурдом, царивший на улицах лет пятнадцать назад. Все кругом говорят невпопад и пытаются ходить сквозь стены. Вдобавок ещё рекламная кампания: «Рутина — новая технология, от которой не сносит крышу». А просто железо было слабое, не хватало ресурсов качественно вписать в реальность виртуальные объекты.

Впрочем, что она может помнить? Ей нет и двадцати.

Что вообще может помнить игровой персонаж?

Она поднимает глаза и просит:

— Проводи меня домой.

Поцеловав Таню на пороге её квартиры, я отключился от игры.

Осторожно заглянул в детскую. Татьяна занималась с Маришкой. Такие увлечённые обе — даже моего прихода не заметили. Ну я и не стал их отвлекать, а если честно, не стал привлекать к себе внимание. Потому что обычно бывает так: я вхожу, мы какое-то время проводим втроём, потом жена выходит и дочка остаётся со мной.

Первые двадцать минут наедине с ребёнком доставляют удовольствие. Потом шалости перестают забавлять, а однообразные игры утомляют. Через час ты уже не общаешься с ребёнком — только сидишь в одной

комнате — и радуешься, если он нашёл себе занятие, не пристаёт и не плачет. Ты поглядываешь на часы и ждёшь, когда будет можно уйти совсем и заняться своими делами.

Ты готов сдать. Миллионам детей имплантируют чип, ставят рутину «Маленький ангел» или «Моя радость» — и ничего. Недёшево, но дело не в экономии. Пугают статьи, появляющиеся в сети время от времени. Пишут, что у ребёнка с нейрочипом неправильно формируются некоторые структуры мозга. Скорее всего, ерунда.

Но детей с нейрочипом не берут в элитарные школы. А мы хотим, чтобы у нашей дочери было всё самое лучшее, всё, чего не было у нас. Мы воспитываем её, как ребёнка из высшего класса. Купили квартиру в престижном районе, пусть крошечную, зато Маришка имеет возможность ходить в детский сад.

Ребёнка без чипа одного дома не оставишь. Он не умеет сам есть и одеваться, он может пораниться. Он плачет. С ним надо играть. А мы оба работаем, мы должны выплачивать за квартиру, и няня под хорошей рутинной нам тоже не по средствам.

В этом дорогом жилом комплексе мы как в осаде. Но я не могу капитулировать первым.

Мне снилось, что я проспал работу. Ужас выдернул меня из сна — задыхающуюся рыбу с выпученными глазами. За окном светло, на часах — девять. Почему я не поставил будильник?

Потому что вчера была пятница, а сегодня суббота. Спать бы ещё и спать. Вот обида! Я закрыл глаза, но только зря проворочался с полчаса. Мне было тревожно, словно я что-то упустил. Ах, да. В первой половине дня у меня спортзал, и значит, надо отдежурить с утра — разбудить Маришку, накормить завтраком.

Маришкина кровать была аккуратно застелена. С кухни доносились голоса — детский и женский.

Таня стоит на пороге раздевалки, волосы потемнели от влаги. Притягиваю её к себе, целую.

— Сергей, что ты делаешь? Хотя бы поздоровался. Люди смотрят!

— Нет здесь никого.

Подхватываю её на руки, несу через зал. Опускаю на силовую скамью. Вокруг несколько десятков тел сгибают и разгибают конечности под управлением спортивных рутин. Что за ирония! Сейчас их хозяева занимаются примерно тем же самым в виртуальной реальности — прокачиваются сквозь уровни ролевых игр.

Я занимаюсь физкультурой более изобретательно.

Обедаем с Таней в «Вершине». За окнами клубится белая мгла, и цены тут заоблачные.

Как-то раз я бывал в ресторане. Еда на вкус не лучше виртуальной, но вредная для здоровья и дорогая, и от настоящего вина наутро разболелась голова. Дома мы питаемся витаминизированной массой — я в расширенной реальности, как сейчас, а Татьяна под диетической рутинной.

В ресторан приходят не есть, а ради острых ощущений. Сладкий ужас в ожидании счёта, иллюзия избранности и могущества. Еду для тебя готовят и разносят живые люди, даже не под рутинной, и это твоя прихоть и твои деньги заставляют их тратить время попусту. Здесь питаются чужими жизнями.

Нож звякает о тарелку. Таня молчит, положив подбородок на сцепленные руки.

— Ну, что ты? Не грусти.

— Сергей, а как же твоя жена?

Я не изменяю жене. Разве это измена — Татьяне настоящей с Таней виртуальной? Тщательно дожёвываю кусок, потом говорю:

— С ней всё в порядке, не переживай.

Таня молчит и опускает глаза, я бросаю вилку и вытираю рот. Когда персонаж угадывает настрое-

ние и обучается — это хорошо, но до определённого предела. Пора заканчивать с этой Таней и спасать следующую.

Я отключился от игры и оказался у себя на кухне. Я ел витаминный брикет, Татьяна резала овощи.

Помню, у матери был кухонный комбайн — сложная штука, она его по часу разбирала и мыла после каждого использования. Но прогресс не стоит на месте. Теперь у нас есть многофункциональное устройство под названием человек, на котором можно запустить рутину «Шеф-повар» или «Золушка». Впрочем, и готовить особо нечего. Достоешь брикет из морозильника, разогреваешь в микроволновке.

Татьяна резала овощи. Дочка с любопытством вертела в руках очищенную морковь.

— Татьяна, ты чего это? — сказал я. — Чего это ты, а? Зачем ты это купила?

Размеренные движения ножа прекратились, и Татьяна ответила:

— Ребёнку полезны свежие овощи. В них много витаминов и минералов.

— В брикетах ничуть не меньше. Не сори деньгами, ладно?

— Я незарегистрированная версия рутинной, — сообщила Татьяна. — Мне очень жаль, но изменение настроек заблокировано.

— Какой рутинной? — тупо спросил я.

— Педагогическая рутинная «Настоящая мама», незарегистрированная версия.

— Выгрузись! Выгрузись немедленно!

— Не могу. Я обнаружила попытку взлома. Пожалуйста, обратись в местное отделение Лицензионной полиции, — доброжелательно сказала Татьяна и продолжила резать овощи.

— Татьяна, отключись от сети, пожалуйста.

— Зачем?

— Скажу после. Отключись, прошу тебя!

— Не могу.

— Что случилось?

— Армия людей перешла границу, и вообще государственный кризис.

— Тьфу ты! Что за ерунда. Отключись, надо серьёзно поговорить.

— Ну, отключилась. Ну, говори скорее. Мне некогда.

— Как давно ты под рутинной?

— Под какой рутинной?

— Татьяна, не прикидывайся. Я всё знаю. Рутину, которую ты грузишь, когда твоя очередь заниматься с нашей дочерью. А сама играешь в «Королевства».

— Играю, ну и что. Кто бы говорил. Ты тоже играешь в эти свои... И с Маришкой совсем не занимаешься. А я с ней занимаюсь, хотя бы под рутинной. Мы буквы выучили.

— Татьяна... Сейчас не время выяснять, кто больше виноват. Когда ты загрузила рутину в последний раз? Вчера вечером?

— Я пыталась её завершить, честно. Несколько раз. Но там какой-то глюк.

— Это не глюк. Сработала защита.

— Да нет! Я же пропатчила. Нет, ты не думай, я проверила на эмуляторе, прежде чем ставить на себя. Всё нормально, «спасибо за регистрацию».

— А теперь рутина говорит: «Обнаружена попытка взлома». Татьяна, дай мне, пожалуйста, полный доступ.

— Сейчас. Вот. Ты посмотришь, да? Я пойду пока поиграю.

— Только не в сетевую! Хочешь, чтобы за тобой приехали из Липо?

— Я же не дура, я под фаерволлом. Запретила рутинам любые обращения по сети.

— Татьяна! А вдруг эта хитрая гадость обойдёт фаерволл?

— Да ладно, не паникуй. Если рутина собиралась настучать, то уже приехали бы.

Паникую? Ни вот столько. Зол, да. Сейчас долломаю эту рутину в лучшем виде. Программист я или нет?

Ломать защиту не сложнее, чем ловить ошибку в коде. Запускаем рутину под отладчиком и шаг за шагом следим, что она делает: какие данные пишет в память, что оттуда читает. Особенно в тот момент, когда она требует регистрации — ведь ясно, что где-то в предыдущих строчках она эту регистрацию проверяет. Дальше просто: ищем такой код по всему телу рутины и аккуратно заменяем на свой.

Просто, да не совсем. Хитрая рутина понимает, когда её запускают на эмуляторе, и не раскрывает всех карт. Чтобы выдать эмулятор за человека, нужен биометрический плагин. Вполне легальный софт, им пользуются тестировщики. Они подключают эмулятор к виртуальной реальности и прогоняют рутину через набор тестов. Играют с биометрией, меняют ситуации — пытаются спровоцировать вылет или зависание. Рутина, может, работает на первый взгляд нормально, но это ничего не значит. Был случай, одна строительная компания установила своим рабочим плохо локализованную версию. Всё шло путём до первого снегопада, а там рутина вызвала МЧС.

Взломщики тоже гоняют рутины на автоматических системах тестирования — выявляют все случаи срабатывания защиты. А биоплагин незаменим при написании кейгена, ведь лицензионные ключи генерируются по биометрии.

В общем, какой инструмент разработчика ни возьми, любой годится для взлома. Скажем, фаззифаер. Часть кода рутины выполняется на чипе, часть в человеческом мозге, и фаззифаер постоянно преобразует машинные инструкции в нечёткие и обратно. А ещё он хорошее средство защиты. Им можно обработать чёткий код для

чипа — по крайней мере, участки, ответственные за проверки, — и спрятать среди нечёткого кода. Попробуй найди в стоге сена иголку, превращённую в травинку.

В «Настоящей маме» они применили старый добрый FuzzyFire. Вот его код в теле рутины, вот — защищённые им инструкции, а вот — вуаля! — они же, но в более приятном для анализа виде. Патч, который Татьяна скачала из сети, вычищает все проверки ключа. Элементарно. Я сам бы мог такой написать. Что же пошло наперекосяк? На Татьянинном чипе как будто выполняется какая-то другая рутинка. Я попытался присоединиться к ней отладчиком, но у меня не получилось.

Я не специалист по низкоуровневому программированию и у меня нет инструментов, чтобы безопасно завершить рутину, томографа например. Обратиться в медицинский центр? В службу поддержки разработчика? Они сдадут Татьяну в Липо. Ей поставят другую рутину, которую она не сможет выгрузить лет пять, и отправят на вредное производство. В ходе расследования всплывёт, что эмулятор и утилиты я принёс с работы, и меня тоже арестуют за кражу и нарушение режима секретности.

Я должен взломать эту чёртову рутину.

Господи! Как мне заниматься делом, когда она, эта, рядом с моим ребёнком?

Неточин никогда не приходил на работу вовремя, но он был лучшим программистом из всех, кого я знал. При всём своём разгильдяйстве он работал, как половина нашего отдела, если судить по результату. Время от времени ему делали выговор, после чего он на какое-то время становился как все, и видеть это было больно. Ясно было, что Неточин — настоящий, а все правила, которые для него придумали, — дурацкие. Галстук смотрелся на нём, как удавка, а очки — как ярмо. В нашей фирме запрещено запускать посторонние программы в рабочее время, но хотя бы Неточину могли дать поблажку. Он жил в расширенной реальности, как и я, только для меня

это было развлечением, а для него — средством превращения размытой картинки в чёткую.

Недели через две после втыка Неточин снова опаздывал, забывал надеть галстук и начинал пахать в полную силу. В конце концов его уволили, потому что трудовая дисциплина важнее. Насколько я знаю, он работал потом на какие-то сомнительные организации, жена от него ушла, и он жил чёрт-те где, в каком-то рабочем районе.

Когда мы спустились, он уже сидел на скамейке. Неточин был одет в куртку и вязаную шапочку и, разумеется, без очков. Сколько мы не общались, года два? Чувствуя неловкость, я бодро сказал:

— Неточин, ты никак пришёл вовремя?

Он посмотрел на меня с досадой. В левом глазу у него лопнули сосуды.

— Ты же говорил, дело срочное.

— Добрый вечер! — Татьяна тепло улыбнулась. — Как поживаешь?

— Нормально.

Настоящая Татьяна Неточина терпеть не могла. Нет, она тоже была вежлива, но как-то так умела дать понять, что ему у нас не рады.

— Выглядишь не очень, — сказала Татьяна с ласковым сожалением. — Но я знаю, что тебе поможет. Попробуй глазные капли «Петровит» с природными витаминами, кальцием и антиоксидантами.

— Угу, — откликнулся Неточин.

— Ну, мы пошли на горку. Не забудь — «Петровит»!

— Ага, — сказал Неточин, глядя ей вслед. — Это что такое?

Мне снилось, что наступил понедельник, а я забыл пойти на работу.

Проснулся мокрый и слабый, как разваренная макаронина. Поставил тело под холодный душ. Воскресенье, сегодня только воскресенье! А понедельник будет завтра.

В понедельник Татьяна должна идти на работу.

Если завтра утром Татьяна не явится на работу, её уволят и занесут в чёрный список. Одной моей зарплаты не хватит на ежемесячные взносы за квартиру. Придётся покинуть «Остров благополучия» с его ресторанами и прачечными, соляриями и спортзалами, с охраняемыми парками и детскими площадками. Маришка не будет ходить в детский сад.

Вся наша жизнь пойдёт прахом в понедельник.

— Меня совсем не интересуют зайцы. Нет.

Маришка отошла от дерева на шаг, недоверчиво поглядывая на повернувшуюся к ней спиной Татьяну.

— Я их не ем. Пусть идут куда угодно. Мне всё равно. Р-рр!

Маришка взвизгнула и кинулась бежать.

— Всё плохо, — сказал Неточин, садясь рядом на скамейку. Глаза у него были совсем красные. — Если так пропатчить, запускается нечёткая защита. Но только на человеке. Ни на одном известном мне эмуляторе она не запускается.

— Да ну? На чём они её отлаживали? Написали эмулятор нового поколения?

— Я думаю, они тестируют на людях. Ходят слухи, скоро это разрешат.

— Но пока не разрешили?

Неточин пожал плечами:

— Подашь в суд?

— Нет... Но что же делать?

— Исследовать защиту. Только на ком?.. — Неточин задумчиво поглядел на меня. — Я аккуратненько.

— Нет!

— Как скажешь. Тогда попробую восстановить код на чипе. Будет момент — рутина попросит регистрации, надо не зевать и купить лицензию. Дорого, я знаю, а ты выплачиваешь кредит, но у меня есть деньги.

— Откуда?

— Не за бесплатно же мне работать? — Неточин улыбнулся. — Ты не думай, у меня много. А тратить всё равно не на что.

Мне было неловко, что он заговорил о деньгах. Вежливые слова отказа и искренние слова благодарности столкнулись у меня на языке и взаимно уничтожились, и я выдал несообразное:

— Мог бы купить квартиру в приличном районе.

— Нафига? Чтоб меня каждый раз на входе просвечивали и брали анализ крови?

— Пессимист. Меня обыскивает хорошенькая девушка в форме.

— Нафиг такой оптимизм, — сказал Неточин.

За окном отвесно падали тяжёлые снежные хлопья, в комнате ощутимо потемнело. Я привык к отсутствию свободного времени, и, когда оно у меня появлялось, торопился чем-то его заполнить. А теперь просто сидел и смотрел, как падает снег, и на входе в моё сознание был только белый шум.

Я мог поработать часа два, но не стал — какой смысл? Если Неточин не справится, то я тем более. Им следовало уволить не его, а меня. Я только и умею, что носить галстук и тянуть ляжку. Это работает, пока жизнь следует известному плану, но случается непредвиденное — и я теряюсь, висну и вылетаю, как та рутина. И оказывается, что я ни на что не гожусь.

Да, ещё я умею спасать придуманных девушек от несуществующей опасности. Я мог бы поиграть сейчас, но сама мысль о развлечениях стала мне неприятна. словно я обнаружил, что моя привычная жизнь отравлена и мне нельзя к ней прикасаться... Нет, я всегда это знал, я жил с этим, но теперь яд выступил на поверхность.

— Я не успеваю, — сказал Неточин. — Мне нужно время, несколько дней, может быть.

— Если в понедельник Татьяна без уважительной причины... — начал я.

— А если заболит?

— Не выгорит. С работы пришлют диагностическую рутину, а она не сможет её запустить.

— А что, если заболит Марина? Ведь вы не ставили ей чип?

— Та же проблема. Татьяне придётся осмотреть её под рутинной.

— Почему Татьяне? Запустишь рутину на себе. Как будто собираешься сидеть с больным ребёнком, а потом вы как бы переиграете. Или нет, даже лучше! Вызови настоящего врача. Будет выглядеть правдоподобно: ребёнок без чипа, доктор-человек — всё, как у богатых.

Это была настолько хорошая идея, что я пропустил подковырку. А потом подумал ещё немного и понял, что ничего не выйдет.

— Неточин, это будет настоящий осмотр.

— Конечно, — кивнул Неточин. — Ты... Давай, я это сделаю. Только отвлеку Татьяну.

— Я тебя не понял, — сказал я, хотя всё прекрасно понял. — Что ты сделаешь?

— Сниму шарфик, — Неточин смотрел на Маришку, качающуюся на качелях, смеющуюся. — Варезки. Растегну верхние...

И тут я его ударил.

— За такие слова надо бить, да? — Неточин возился в снегу, пытаюсь встать. — Надо — и ты ударил?

Он поднялся на четвереньки, опёрся рукой о сиденье скамейки. Из носа капала кровь и уходила в снег. Он был прав. Я словно разыгрывал представление перед кем-то. По сценарию я должен был чувствовать злость и возмущение, но не чувствовал ничего. Его предложение было разумно.

— Пойми, я не могу рисковать здоровьем дочери.

Неточин откинулся на спинку, прижав к переносице щепоть снега.

— Тогда ты сделаешь всё, чтобы не оказаться там, внизу. Ты понятия не имеешь, что это такое. Там дети голодают и болят, и их не лечат, и они умирают.

— Только не надо меня запугивать!

— Это правда.

— Нет, я так не могу, ну не могу я так! Придумай какой-нибудь другой способ, Неточин, пожалуйста, ты сможешь. Есть ещё время до утра...

— Серёжа!

Татьяна махала мне рукой в облепленной снегом перчатке.

— Папа, папа! Сделай нам большой комок!

Я упёрся обеими руками в бугристый бок снежного кома и покатил.

Как давно мы не проводили время все вместе... Гуляли с Маришкой по очереди — словно сэкономили. И вдруг выяснилось, что я соскучился и вновь способен радоваться обыденным вещам. Или это было, не знаю, истерическое веселье приговорённого к смерти, выведенного на последнюю прогулку.

Я лежал и смотрел, как светлеет розово-серое небо за окном, как наступает утро понедельника. Быть может, новая жизнь будет не так уж плоха. Неточин стучит краски. Ну, разве дети могут голодать, в двадцать первом веке? Как это их не лечат? Нет, естественно, детей из низшего класса лечат не от всего, это справедливо.

Но чтобы они умирали?... К тому же, одно дело — когда дети с плохой наследственностью и родители не желают трудиться. А я, тьфу-тьфу, буду прилично зарабатывать.

Да, какое-то время. Вскоре на работе станет известно, что я потерял квартиру и живу в районе для бедных и что жена моя безработная. Они постараются от меня избавиться, пока моё неблагополучие не перекинулось на них, как чума.

Ну и прекрасно. Не так уж я люблю свою работу. Да я не люблю свою работу! Типа, творческий труд, рутине он пока не под силу. Поэтому мне не лезут в голову, просто крепко держат за горло. С девяти до шести, с перерывом на обед, я запускаю на своём нейрочипе шпионскую программу, и она, точно надсмотрщик, следит, усердно ли я работаю. Если бы не это, может, я любил бы мою работу. Бывает, попадётся интересная задача, я бьюсь над ней и в самом деле забываю обо всём. А потом, когда решение найдено, я прихожу в себя и понимаю, что только что подарил им то, что они обычно берут силой. В такие моменты я ненавижу свою работу.

Не мучайте меня больше. Возьмите это тело, дайте ему в руки лопату и отправьте ремонтировать дороги. Пускай банк забирает квартиру, отлично! Мне не придётся бояться, что это однажды случится. Я устал нащупывать путь через трясины, я хочу чувствовать под ногами твёрдую почву, даже если это будет самое дно.

Как-то люди там живут. Воспитывают детей, и не одного, а нескольких. Детей без нейрочипов. Страшно представить, но как-то эти люди справляются. Вроде бы женщины у них не работают, а сидят с детьми. Когда Татьяну уволят, будет сидеть с Маришкой. Пусть под рутинной, если иначе она не может.

Два дня подряд я наблюдал, как Татьяна играет с дочкой, разговаривает, рисует. Как она целует Маришку на ночь, поёт ей колыбельную и сидит рядом с кроватью, пока Маришка не уснёт. Я видел, как Татьяна смотрит на Маришку. Я помню этот взгляд. Так моя Татьяна когда-то смотрела на меня. С любовью.

Я приподнялся на локте. Жемчужный свет из окна мягко обтекал лицо спящей жены, между бровей наметила морщинка, и в уголках рта притаился намёк на улыбку. Неужели это бездушная оболочка? Да в ней больше жизни и чувства, чем в той женщине, с которой я жил последние годы.словно в бреду, я взял Татьянину

руку обеими руками и прижал к губам. Я откинул одеяло и стал гладить её колени, бёдра, живот. Я склонился над ней и приник к её рту, раздвигая языком мягкие сонные губы.

По телу жены прошла судорога. Татьяна с силой оттолкнула меня и села в постели.

— Где я? — дикий, недоумевающий взгляд. — Что происходит?

Только безумец способен полюбить педагогическую рутину. Надо было спянуть, отчаяться, выйти за рамки — в область непредсказуемого поведения и некорректных данных — и рутинка вылетела.

Я обнял жену, прижал крепко-крепко.

— Ну, хватит уже, отпусти.

— Как ты не понимаешь? Этот кошмар остался позади... Теперь у нас всё будет хорошо.

— Ну, если всё хорошо, тогда я пойду доиграю, ладно?

— Я кое-что придумал, — сообщил Неточин с порога, — но тебе не понравится.

Чёрт, ведь я забыл сказать ему!.. Получается, он пытался помочь мне до последнего, хотя уже часа три в этом не было нужды.

— Рутинка вылетела. Я как раз собирался позвонить...

— Ты свинья, — сказал Неточин невыразительным от усталости голосом. — Ну, сделай хоть кофе. Нет, не надо кофе, — это он, проходя по коридору, заглянул в комнату. — Я тут посилю.

— А тебе не надо на работу?

— Да ну её.

И Неточин, не раздеваясь, лёг на кровать и накрылся половиной покрывала.

На кухне Татьяна под рутинной мыла посуду.

Радостное облегчение проходило. Теперь предстояло достать мою прежнюю жизнь из мусорного ведра. Но почему-то не хотелось. **■**

Запердолить джи

— Ты что творишь, поганец?!

Мощный рык Ирхита-абу далеко слышен под гулками сводами технической зоны. Ким вздрогнул и обернулся, пряча сигарету в ладони — курсантские привычки живучи. Конечно же, никакого полит-эфенди не было на верхней галерее. Да и не могло быть — выход сюда только через зал связи ЦУПа, а там сейчас такой нервяк, что все разумные предпочитают держаться подальше. Просто в ангаре хорошая слышимость, особенно сейчас, когда ни один из шумных вспомогательных агрегатов не работает. Интересно, кого на этот раз — и на чём? — поймал неукротимый наставник, прозванный курсантами Ифритом-абой не только за громкий голос.

— Да как ты мог написать такое? И где?! Червивая твоя душа, несчастье наставников и горе родителей! А если бы из чужих кто увидал? Позор на всю галактику! Да ты хоть понимаешь, паскудник, что на самом деле означает твоя пачкотня?!

Ким поморщился, облокотился о перила и снова включил сигарету. Затянулся. Вишнёво-ментоловый микс показался безвкусным и неприятным, словно по ошибке сунул в рот антиквариат из настоящей бумаги, набитый вонючей канцерогенной дрянью. Голос эфенди доносился откуда-то снизу, самого его видно не было, как и незадачливую жертву, но Ким уже потерял к ним интерес — он понял суть преступления. И от этого понимания к горлу подкатывала горечь, портя любимый вкус, и бесполезно щелкать переключателем, меняя настройки одобренного Минздравом электронного мини-кальяна.

Не поможет...

Светлана Тулина

Художник по росписи любых поверхностей: от фасадов до бодиарта. Родилась в Волгограде 14 марта 1968 года. Закончила РГПУ им. Герцена в Санкт-Петербурге, факультет ИЗО, работала в художественной школе и в кинотеатре, была последним в Питере художником, рисующим киноплакаты от руки. Принимала участие в археологических раскопках в Новой Голландии в 2008 году.

«Запердолим джи!»

Этой паскудной надписью пестрел весь город. Баллончиками на стенах, маркерами по стёклам монора, плакатами на стендах, официальными растяжками поперёк улиц. Оскорбительная фраза с лёгкой руки Дёмьча стала девизом Проекта. А ведь могла бы оказаться и позором на всю галактику — если бы понял кто. Хуже, чем просто позором. Пресса может сколько угодно врать о великом триумфе и вселенском равноправии, а на самом-то деле ничего пока ещё не решено, не случайно и присланные Федерацией Наблюдатели именно наблюдателями называются, а не посланниками, в такой ситуации любая мелочь...

Пачкотня так и не пойманного идиота могла обернуться катастрофой. Бомбой, взорвавшей единственный путь для землян в Большую Вселенную.

Потому что космос открыт для всех, но в Свободной Федерации Миров нет места ксенофобам.

Землянам повезло дважды — никто из посланных Федерации Наблюдателей не был знатоком земного жаргона. А среди встречающих оказался Дёмыч... Так что не прав Ифрит-абу, не случится ничего плохого, даже и увидь чужие — теперь уже не случится. Примут за ещё одну социальную рекламу. А ведь Дёмыча поначалу и брать не хотели, неблагонадёжен, мол. Намазы сроду не творил, даже когда наверху, насмешки себе позволяет всякие, да и вообще болтает много. Но Король Лёва сказал: «Дёмыч будет!» Он, мол, сам для нашей Жемчужины ракушку делал, и если вдруг что не так пойдёт... Полит-эфенди поворчал, да и отступился, потому что слово Короля Лёвы — закон. Но не успокоился, ворчал и поглядывал намекающе.

Ну и где бы был наш разлюбезный Проект, если бы не Дёмыч с его неумением держать язык за зубами?

«Напьюсь, — подумал Ким, наваливаясь грудью на перила, прижатый желудок меньше ныл. — Вот ведь паскудство, к звёздам летаем, а язву толком лечить так и не научились... Если все пройдёт штатно, Аллах свидетель, завалюсь в какую-нибудь курильню и напьюсь». Он наудачу скрестил пальцы и поднял голову, с тоской разглядывая сводчатые перекрытия, недавно выкрашенные в весёленький розовый цвет.

— Так и знал, что ты здесь!

Ким не стал оборачиваться. Если бы что-то случилось — голос Али не звучал бы так жизне-радостно. Значит, ничего срочного, просто пообщаться пришёл. Новостями поделиться. И новости — не плохие, а это главное.

По галерее протопали тяжёлые шаги, перила дрогнули и жалобно заскрипели — Али подошёл

почти вплотную, навалился на ажурную ограду всей двухсоткилограммовой тушей. Протянул длинную руку — очевидно, хотел ободряюще стукнуть Кима по плечу, но в последний момент передумал. Или вспомнил, что не все выдерживают его дружеские похлопывания, Ашотику из аналитического как-то два месяца в гипсе отходить пришлось. С тех пор Али осторожен и деликатен. Вот и сейчас ограничился лишь тем, что треснул чёрной лопатообразной ладонью по перилам и оскалил в радостной улыбке крупные жёлтые зубы.

— Не мандражуй. Отлично идёт твоя девочка! Штатно идёт.

Ким с деланным равнодушием дёрнул плечом. И тут же не удержался, спросил:

— Где?

Хотя и так понятно: если отступлений от хронометража нет, то четыре минуты назад пошёл второй виток. Половина пути пройдена, но впереди самое сложное — отстыковка спутника, выход в открытый космос, имитация прицельного распыления и предпосадочная ориентировка модуля. И всё это должно быть проделано вручную, чтобы у наблюдателей не осталось ни малейших сомнений: пребывающая в модуле Жемчужина — настоящий пилот. Обученный, тренированный, обладающий всеми правами и обязанностями. Не безропотный груз, не кукла, заброшенная на орбиту хитрыми землянами и натасканная, как отвечать по связи, пока всё за неё делает автоматика.

— На второй виток пошла. Сейчас биомедтехнику отстыкует, и на прогулку. Если без неожиданностей — то минут через девять, там возни немного.

Вот именно что — если без неожиданностей...

— Да не может там быть никаких чрезвычайек, двести раз всё перепроверено! — Али словно подслушал крамольную мысль. — Себе можешь не верить, мне — верь! Мы с ребятами там всё облазили, каждый узел по десять раз прозвонили, и не как обычно, а постаринке, с разноцветными бантиками... Что хмыкаешь? Самый, между прочим, надёжный способ ничего не пропустить! У каждого — ленточки своего цвета, первый проверяет узел и вяжет бантик, что всё, мол, в порядке. Второй перепроверяет и вяжет свой бантик. И так десять раз! Плюс троекратная система дублирования каждого долбаного проводочка, каждой трижды грёбаной платы! Нечему там ломаться.

Али тоже на взводе, вон как тарахтит, себя самого убедить пытается. Слишком много зависит от успеха сегодняшнего запуска, чтобы не волноваться. Да, проверено всё, что только можно проверить, и предусмотрены тысячи ситуаций — вполне вероятных, возможных, почти невозможных и даже совершенно практически невозможных. Но предусмотреть всё способен лишь Аллах, а люди склонны ошибаться. Да и в чём вообще можно быть уверенным, когда имеешь дело с джи?

Впрочем, люди тоже порою не лучше.

В тот ужасный день, только чудом не завершившийся для Земли катастрофой, Киму тоже казалось, что предусмотрено всё. Даже ангар перекрасили — кто-то из аналитиков обнаружил, что серый цвет может быть неприятен дзелкингам при каких-то особых обстоятельствах. Что это за обстоятельства, объяснить аналитики так и не смогли, и ни один

из дзелкингов не собирался лично присутствовать, ограничившись наблюдением с орбиты, но на всякий случай решили не рисковать. И теперь бункер напоминал филиал детского сада — розовые потолки, голубые и зелёные стены, жёлтые столешницы, радужное многоцветье приборных панелей.

О чужих изучили всё, что только сумели раздобыть. Официальная информация, исторические документы, учебные пособия тех рас, чья молодежь не получала знания каким-либо иным образом и художественные произведения тех, у которых было развито хоть что-то, пусть даже и весьма отдаленно напоминающее литературу или кино. Нормы приличия рас Наблюдателей вообще распечатали и раздали всему персоналу вплоть до уборщиков — для зубрежки. И проверяли потом. Кима, например, хоть среди ночи разбуди — отбарабанит, что с иутами ни в коем случае нельзя заговаривать первым, а райрам — желать доброго здоровья. Была написана и десятки раз выверена аналитиками речь — обтекаемая, гладенькая, не способная никого оскорбить, но в то же время выгодно подчеркивающая земную толерантность. Первую встречу вообще провели на новодельфском космодроме, и даже очередную «качатку» запустили вне графика, чтобы только лишний раз продемонстрировать совместную работу представителей разных разумных видов.

Единственное, чего они тогда не предусмотрели, так это идиота с баллончиком.

Правильно говорят старики: хочешь рассмешить Аллаха — расскажи ему о своих планах.

— Ни в чём нельзя быть уверенным, когда имеешь дело с джи.

— Ты вечно преувеличиваешь. С дельфинами же нормально прошло!

— Они — не дельфы, пойми. И не шимпы. Они слишком похожи на нас. Из-за этой похожести легко забыть, что они не люди. И логика у них иная, нечеловеческая. Я никогда не мог понять, о чём они думают...

С дельфами основная сложность была в разработке скафандра, а дальше уже всё пошло, как обычно. Это сейчас на предназначенных к дальним перелётам «касатках» есть бассейны с искусственной гравитацией, а поначалу ничего подобного и не планировалось, слетал, отработал — и обратно, а пару дней можно и в скафандре перетерпеть. И дельфы не возражали, они вполне нормальные ребята и правильно всё понимают. Чего не скажешь про джи.

Ким вспомнил свои занятия с отобранной группой, их странные изящные тела, такие похожие и непохожие одновременно, тонкие и гибкие руки, находящиеся в непрерывном движении, высокие щебечущие голоса, постоянные пересвистывания, перещёлкивания, переглядывания. Они ни секунды не могли усидеть на месте, и молчать они тоже не могли — всё время двигались, вертелись, пересмеивались звонкими птичьими трелями. Они странно одевались — казалось, в этом переплетении многослойных полупрозрачных паутинок, ленточек и перьев невозможно передвигаться, но они как-то умудрялись, причём довольно уверенно.

А ещё они пахли.

Запах не был неприятным — скорее, наоборот, что-то лёгкое, сладковато-цветочное, еле уловимое, будоражащее...

Даже сейчас, при одном только воспоминании об этом запахе, кожа покрылась мурашками и запылила зубы. Кима передёрнуло.

Нет.

Никогда больше!

Никогда больше он не даст себя уговорить, пусть другие их обучают, а с него хватит.

Это же просто выше сил человеческих, целыми днями быть рядом, но держаться на расстоянии. И помнить, всё время помнить, что они — не люди, и если поддашься магии запаха, голосов и движения — просто сойдёшь с ума, как сошли уже многие, кому по долгу службы приходилось часто общаться с джи и кто не сумел удержаться на расстоянии.

Конечно же, сами джи ни в чём не виноваты, просто очередная насмешка Аллаха, создавшего их такими привлекательными для людей и такими опасными. Но можно понять предков, объявивших их исчадьями ада. Хорошо ещё, что не истребили полностью, как собак, когда научные достижения позволили обходиться без вынужденного симбиоза. Предков можно понять, им даже и в голову не приходило, что космос должен быть открыт для всех, в том числе и для джи.

— О! — воскликнул Али, раздувая ноздри. — Твоя Перлита сейчас гулять пойдёт. Пошли, глянем!

Ким обернулся, посмотрел встревоженно. Но Али особой торопливости не проявлял, просто отлип от перил и теперь миролюбиво ждал, ссутулившись и почти касаясь бетонного пола пальцами длинных рук. Вроде бы никаких признаков волнения, только вот ноздри по-прежнему расширены.

Али — из новошимпов последнего поколения, у них сильно развита интуиция, даже по сравнению с исходным видом. И расширенные ноздри — естественная реакция организма на неосознанную

тревогу. Рефлекс, своего рода атавизм, вроде бы и ненужный уже, но сохранившийся.

Если новошимпа последнего поколения что-то тревожит, лучше пойти проверить.

Дверь в зал связи была кодовой, дань паранойе и маразму. Ну, откуда здесь, на тупиковой смотровой галерее, превращённой сотрудниками в курилку, взяться посторонним? Так нет же — будь любезен предъявить ДНК и на входе, и на выходе.

Ким не стал плевать на карточку, как это сделал Али, просто потёр её пальцами. Микрочастиц кожи вполне достаточно. Дверь, подумав немного, снисходительно убралась в стену. Нежно-голубенькую такую, припахивающую свежей краской.

В центре управления оказалось довольно спокойно — во всяком случае, не более нервно, чем обычно. Народ, конечно, напряжён, но по рабочему так, деловито. Голоса несколько повышены, но истерики в них не слышно. Вон и Дёмыч из угла улыбается и кивает на большой экран — всё в порядке, мол.

Он всегда улыбается, такой уж он.

Он улыбался и тогда, когда суставчатая хватательная конечность младшего райра протянулась в сторону кривой надписи на стене дежурки, а голос из автопереводчика благожелательно поинтересовался:

— Это что? Понимать как?

Оба райра оказались чудовищно любопытными, но младший особенно. Все восемь его верхних конечностей постоянно указывали то на одно, то на другое, сопровождаясь неизменным:

— Это что? А это что?

Если что-то в ответе казалось ему непонятым, украшенная длинными шипами птичья голова склонялась к левому или правому плечу, круглый глаз на секунду затягивался мутной плёнкой, и тут же следовало уточнение:

— Понимать как?

И приходилось повторять всё сначала — но уже другими словами, стараясь говорить медленно и чётко.

Может быть, остальные Наблюдатели были такими же приставучими занудами, но этого Ким не знал, поскольку младший райр полностью поглотил всё его внимание. Имя похожей на карликового слона птички звучало в неразличимом для человеческого уха диапазоне, а из перевода понятным оказалось лишь слово «младший». Ким так его для себя и окрестил: «младший райр».

И объяснял, стараясь не выдавливать слова сквозь зубы, что да, они сейчас проезжают мимо памятника тёмным векам. Тогда на этом месте находилась резервация для джи, времена были трудные, к джи относились плохо, считали вампирами, высасывающими из людей жизненную силу, и потому содержали в специальных заведениях (видите, мы не скрываем!) Да так и понимать — джи тогда были совершенно бесправны, не то что сейчас, их могли купить, продать, держать дома или выгнать на улицу, если поведение джи чем-то не устраивало хозяина. Как кошек... Кошка — это зверёк такой. Домашний, многие любят. Нет, не разумный. А джи — разумные, мы это признали давно, но тогда были тёмные века, совершалось много ошибок. Сейчас всё совсем не так, вот, посмотрите, мы как раз выезжаем на границу... Это птица. Нет, она неразумна, просто летает. Это граница с территорией джи, разделение пока ещё

существует, но оно далеко не такое жёсткое, как было раньше... Да, это они, видите, совершенно спокойно ходят и по нашей части города, в тёмные века подобное было бы невозможно, а сейчас... Это дерево. Ну, дерево, растение такое... Это мячик. Игрушка. Это намазхолл, там на рассвете люди собираются, вам потом эфенди лучше объяснит... Это степь. Трава. Нет, она не разумная, просто растёт. Это завод, он далеко и почти весь под землёй, поэтому и кажется таким маленьким, там топливо делают для наших ракушек. Это? О, а это мы уже приехали! Это цветы, ими гостей встречают, обычай такой...

Они уже выгружались из спецавтобуса, и Ким был так рад окончанию все нервы вымотавшей экскурсии, что не сразу понял, почему вдруг так побледнел обернувшийся к нему Король Лёва. Король смотрел куда-то мимо Кима, чуть выше плеча, медленно круглея глазами.

— Это что? — благожелательно спросил младший райр. — Понять как?

И ткнул суставчатым двумя пальцем туда, куда смотрел Король.

Вот тогда-то Ким и обернулся, ничего ещё не понимая. И обмер, увидав на стене будочки дежурного кривую надпись:

«Запердолим джи!»

Это был конец.

Можно хоть до посинения доказывать, что люди стали другими, что времена дискриминации и рабства в прошлом, но два напшиканных каким-то уродом слова перечёркивают все доказательства. И мысли сразу понеслись куда-то в сторону — Ким понял, почему надпись не заметили ранее: при закрытых створках тыльная стена дежурки почти вплотную прилегает к воротам,

остается щель сантиметров десяти, а обе створки целиком открывают редко, лишь по таким вот торжественным случаям, обычно одной лишь левой пользуются, и дежурка остается под прикрытием, она же справа расположена...

Это конец...

— Это наш слоган. Правда, хорошо получилось?

Дёмыч стоял и улыбался, спокойно так, словно ничего особенного не происходит. Посматривал то на любопытных чужих, то на надпись, и выглядел при этом таким довольным, словно это он сам её сделал и теперь любит впечатление.

— Понять как? Что есть слоган?

— Девиз нашего Проекта. Джи — это сокращение от их самоназвания. А запердолим... это такое слэнговое, труднопереводимое... ближайшие аналоги одного из значений — закинем, забросим, вытолкнем.

Райр по-птичьи склонил шипастую голову, словно прислушиваясь. Уточнил:

— Есть другие?

— Конечно! — Дёмыч по-прежнему улыбался, глядя на райра честными глазами. — Доставим, так сказать, всеобщее удовольствие.

Самое главное, что он не соврал — ложь райры чувствуют. И очень не любят.

Сейчас один из райров восседал в огромном кресле у стены и зорко бдил, поворачивая голову на тонкой шейке то влево, то вправо. Больше чужих в ЦУПе не было — оба дзелка взирали с орбиты, йо и второй райр дежурили на посадочной площадке, а где обретались прочие, Ким не знал, да не очень-то и стремился узнать. Ему и одного райра вполне...

— Красиво, правда?

Али смотрел на большой экран, где упакованная в неуклюжий серебристый скафандр фигура неторопливо выдавливалась из овального люка на чёрный бархат открытого космоса. Спиралевидный модуль действительно напоминал морскую раковину. Да и шарообразная астронавтиха в отливающем перламутром скафандре вызывала однозначные ассоциации, так что назвавших её Жемчужиной можно понять. Свои-то имена у джи вообще кошмарны — эту, например, Лапусиком звали. Конечно же, нельзя было допустить, чтобы первый космонавт-джи вошла в историю под таким именем. Когда стало понятно, что эта опережает прочих на порядок — имя поменяли. Задним числом оформили новые документы, и теперь она везде проходила как Жемчужина. Слишком помпезно, кто спорит, но Лапусик-то и вообще ни в какие ворота!

Серебристая фигура меж тем разогнулась, слегка оттолкнулась от борта модуля и поплыла к выносной консоли с распылителями. За ней тянулись пуповины тросов и кабелей, Ким отметил, что их количество удвоено. Ну да, конечно, мы за безопасную показуху.

Жемчужина достигла консоли и остановилась, ловко использовав рандеву выхлоп. Умничка. Теперь закрепиться, вот так, правильно, двойная крепёжка для гарантии. А теперь достаём ключик и снимаем крышечку...

Ким поймал себя на том, что проговаривает её действия чуть ли не вслух, представил, как выглядит в круглых выпученных глазах всё подмечающего райра, и смутился. Краем глаза он продолжал следить за действиями на экране, но старался не увлекаться. Тем более, что пока там всё шло

по плану. Жемчужина сняла защитный кожух и установила трафарет, после чего закрепила его, используя все инструменты по очереди. Тоже пока-зуха, конечно, всё можно сделать одной кувалдой, но мы же не дикари...

Крепёж возвращён и проверен, все инструменты рассованы по надлежащим кармашкам, клапаны защёлкнуты. Фигура неловко поворачивается лицевой пластиной к камере, делает отмашку левой рукой и начинает потихоньку подтягивать себя обратно к люку.

Ким судорожно вздохнул. Стрельнул настороженным взглядом по лицам коллег — понял ли кто? Все смотрели на экран в прежнем напряжении, но при этом ни возмущения, ни оторопи, ни даже простого удивления не выражал никто. Дёмыч скалился из своего угла, рядом сопел Али, раздувал ноздри, но молчал.

Может быть, показалось?..

Фигура уже до пояса скрылась в люке — по старинке, ногами вперёд, ей ведь модуль специально выбрали старый, проверенный, по-другому влезть в него и не получится, зато никаких неожиданностей. Вот она погрузилась по грудь, над поверхностью модуля видны только руки и шлем, вот левая рука взмывает в прощальном салюте, и джи проваливается в люк полностью, вот на место встает заслонка...

Не показалось.

Перчатки у скафандра высшей защиты толстые, неудобные, пальцы раздуты игибаются плохо. Но при прощальном взмахе было отчётливо видно, что на махавшей руке до конца распрямлён лишь один палец — средний, а остальные слегка поджаты в древнем и совершенно недвусмысленном жесте.

Ким быстро огляделся.

Похоже, заметили далеко не все — лишь сверкал глазами покрасневший юнец из аналитиков да хмурился и жевал губы замолкший на полуслове Король Лёва. Остальные увлечённо занимались своими делами — бубнили в микрофоны, выясняли что-то, щёлкали тумблёрами, а на большой экран если и поглядывали, то лишь со вполне объяснимым любопытством. Король же смотрел настороженно.

Али вдруг хихикнул.

— Молодец девчонка! Не теряется. Была бы из наших — эх, я бы её по возвращении...

Он, похоже, успокоился окончательно и ноздри больше не раздувал.

Вот и правильно.

Ничего особо страшного не случилось. Ну, пошутила девочка. Грубо пошутила, кто спорит. Но поставь себя на её место — небось ещё и не так пошутить захочется! Ничего фатального, просто выразила своё о вас мнение, вот и всё. Райр наверняка ничего не понял, до большинства землян не дошло, куда уж этой слонотичке! Сидит вон в своём кресле, поглядывает благосклонно, шипами кивает да клювом пощёлкивает.

Осталось меньше сорока минут. Сейчас будет показательное распыление, потом ориентация и посадка. Хотелось курить, но Ким решил ещё немного понаблюдать, как разворачивается модуль, вытягивая раздвижную консоль с раструбами. Над солнечной стороной это выглядело красиво, словно у ракушки вдруг выросло веерообразное крыло.

Вообще-то, это тоже было показухой. Проект освещения ночной стороны планеты при помощи искусственно созданных в верхних слоях атмосферы серебристых облаков давно отвергли

как экономически невыгодный, и новые модули больше не оснащали баками и консолями распылителей. Уже лет десять. Но этот модуль был как раз тех времен, когда носились с созданием облачного зеркала и превращением ночи в день. Вот и решили воспользоваться, тем более, что зрелище это эффектное, пусть чужие полюбуются. Ким тоже захотел лишний раз полюбоваться, а потому и увидел.

Как дрогнул модуль, когда из раструбов распылителя ударили серебристые струи, а с противоположной стороны заработал компенсаторный движок, удерживая задержавшуюся ракушку на месте.

Как схватился за сердце бледный до синевы Король, прислонился к стене и начал вдруг сползать по ней.

Как кинулся к нему медик и — почти одновременно — почему-то ребята из охраны, а молоденький аналитик всё кричал что-то непонятное и рвал на себе волосы, пока Ашот не залепил ему пощечину.

И как щёлкал клювом райр в своём углу, до предела вытянув длинную шею, чтобы лучше видеть поверх мечущихся людей происходящее на экране...

Ким не помнил, чья это была идея, устроить на этот раз не просто показательное создание никому ненужного, но красивого облачного зеркала, а ещё и прогнуться перед чужими, распылив реагент структурированно, через специальный трафарет, а не стандартными полубесформенными блямбами, как это делалось раньше. Чтобы воссияло над всей планетой воззвание Федерации, их основное требование: «Открытый космос для всех».

Трафарет изготовили немного косым, аналитики рассчитали, что именно при такой форме начальных струй достигшие верхних слоев атмосферы буквы будут выглядеть с земли наиболее ровными и правильными.

«Открытый космос для всех» — лишнее подтверждение толерантности землян и их готовности к сотрудничеству. Четыре слова должны были читаться практически на всех широтах северного полушария и светить несколько ночей, пока окончательно не рассеются.

Но сейчас слов было два — их контуры отчётливо проступали на фоне ночной стороны планеты, перевернутые, правда, и под не слишком удобным углом видимые с орбиты, но наверняка очень хорошо различимые с поверхности Земли. Слов было два, и второе — намного короче первого, словно состояло оно всего из двух или трёх букв.

Хочешь рассмешить Аллаха...

— Почему ты сразу предполагаешь самое худшее? Может, они просто пошутили? В ответ! Они же не могли не видеть... ну вот и поддержали шутку. Они пошутили — мы посмеялись, делов-то... Смех — первый шаг к пониманию...

Али стоит рядом, голос у него несчастный. Он и сам не очень верит тому, что говорит, но ему нравилась Жемчужина, и смириться с её предательством непросто. А кому, скажите, она не нравилась, эта подлая джи по имени Лапусик?

— Как она смогла протащить? — шипит Ким сквозь зубы, крепко стискивая перила пальцами. Если сжимать очень сильно — руки почти не дрожат. Резь в желудке постепенно отпускает, давно пора, Ким только что высосал двухдневный запас анестези-

рующего геля. — Как она смогла протащить трафарет, её же обыскивали? Она же последний месяц была в карантине, никаких контактов и постоянное наблюдение!

Али сопит виновато, словно это именно из-за его недосмотра подлая джи сумела так ловко плюнуть с орбиты всем землянам в лицо.

— Понимаешь, Кимри, там такое дело... внутренняя обслуга карантина для этой группы... она ведь целиком из джи состоит. И досматривали её они же...

Вот оно как, значит.

Не просто безумная одиночка. Заговор.

Зачем?! Им что, космос совсем не нужен? Ну ладно, может быть, и не нужен, пусть, но пакостить-то зачем?!

Желудок опять скручивает, но на этот раз не так сильно, и внутренности больше не пытаются выбраться наружу — гель начал действовать. Приступ удаётся переждать, просто глубоко дыша.

Глупо задавать вопросы. Они джи. И этим всё сказано. Их логику не понять ни одному нормальному человеку, а если кто вдруг попытается — перестанет быть нормальным.

— Да не переживай ты так, Кимри! Наблюдателям всё объяснили. Они поверили, что мы тут не при делах, просто джи пошутили, и всё. Внизу столы накрыли уже, пошли! Скоро трансляцию начнут...

На противоположной стене ангара техники действительно уже почти закончили монтаж экрана и теперь настраивали звук и угол поворота, чтобы голограмму было одинаково хорошо видно со всех углов превращённого в банкетный зал Ангара. Скоро начнётся трансляция, а потом сверху доставят эту дрянь, народную героиню, первую джи, побывавшую в космосе не в качестве пассажира. И надо будет ей улыбаться, и праздновать, и делать

вид, что рад — а при этом ни на секунду не забывать, что из-за её паскудной выходки ничего ещё не решено. Из-за её дурацкой проделки землян вполне могут и не принять в Федерацию Свободных Миров. А значит, не будет никакого дальнего космоса, открытого для всех, кроме ксенофобов...

— Я лучше здесь постою.

— Ну и как хочешь! Держи вот тогда, не давься своей бурдой всухую! — буркнул Али напоследок, ставя к ногам Кима булькнувший пакет. И быстро потопал к выходу с галереи.

В пакете обнаружилась куча бананов и две банки пива. Закуска, конечно, специфическая, но Али есть Али. Ким достал банку с перечёркнутой виноградной гроздьёй на этикетке и пропечатанной мелкой вязью сурой из Корана. Сура была какая-то смутная — об уважении.

Вообще-то, алкоголь законом вроде как бы запрещён, и эфенди не уставал напоминать об этом при каждом удобном и неудобном случае, но тут имелось целых четыре «но».

Во-первых, перебродившего виноградного сока в пиве не содержалось, что подтверждала этикетка, пророк же, если дословно цитировать, запрещал к употреблению именно его. Во-вторых, всё, что происходит под землёй, по определению скрыто от взора Аллаха, потому и курильни с запретным в подвалах располагаются, а трудно найти подвал более глубокий, чем их бункер. В-третьих, воинам и путешественникам всегда полагались послабления: и по части намазов, и по всем прочим частям. Ну и, в-четвёртых, как любит повторять Али, — Аллах не фраер!

Ким вскрыл банку, но пить не стал — не хотелось, да и желудок всё ещё ныл. Просто ему нравился запах пива. Хлопнула дверь, и по галерее снова забуха-

ли тяжёлые шаги. Похоже, Али не выдержал долгой разлуки с бананами и решил вернуться. Техники как раз включили экран — сначала он был полупрозрачный и шёл радужными полосами, но постепенно настроился, картинка прояснилась и стала чёткой. Показывали центральную площадь Шахри, золочёную арку Ворот Славы и зелёную ковровую дорожку, по которой предстояло пройти сегодняшней героине. Толпа волновалась за оцеплением и сдержанно гудела — сначала Ким принял её гул за гудение аппаратуры, но тут же опомнился — чтобы здесь кто-нибудь позволил экрану настолько разладиться?

Первая всепланетная трансляция в реальном времени, между прочим. Надо бы радоваться. И с Королём вроде всё обошлось, медики приступ купировали и говорят, что до инфаркта дело не дошло, а им можно верить, ребята правильные, зря врать не станут.

Радости не было.

Скрипнули перила рядом — Али опять навалился на них всей тушей. Повздыхал, посопел, переступая с ноги на ногу. Наверняка не мог понять кимова поведения — держит банку в руке, но не пьёт. Сам Али никогда такой нерешительностью не страдал. Усмехнувшись, Ким развернулся и протянул ему вскрытую банку.

Он хотел сказать что-нибудь весёлое, какую-нибудь старую шутку — Али их обожает, просто сам не свой до бородатых анекдотов. Но слова застряли в горле, а рука замерла, не довершив движения, — Али на галерее не было. А рядом с Кимом, опираясь всей слоновьей массой на жалобно поскрипывающие перила, сопя, вздыхая и перетаптываясь, стоял райр.

Ким замер с вытянутой рукой. Он никак не мог вспомнить, можно ли предлагать райрам что-либо или это является смертельным оскорблением.

Райр вывернул голову набок, разглядывая одним выпуклым глазом протянутую ему банку, другим самого Кима. Щёлкнул клювом.

— Алкоголь, — донеслось из коробочки универсального переводчика, висящей у основания длинной шеи. — Запрет. Символ дружественности. Лёгкий алкоголь — лёгкий запрет. Мужчины совершают запретное действие совместно — и становятся друзьями. Я не пью алкоголь и я не мужчина в вашем понимании этого слова, но символика мне понятна. И принята с уважением.

Или это был не тот райр, что доводил Кима всю дорогу от дельфийского космодрома однотипными вопросами или за прошедшие два дня он умудрился существенно расширить понятийно-языковую базу своего переводчика.

Или же тогда он просто притворился...

Зачем?

У Кима зашумело в ушах. Райр смотрел с интересом, поворачивая голову то вправо, то влево. Снова пощёлкал клювом.

— Волнения излишни, два образумленных вида говорят сами за себя. Нам просто было... интересно. Интрига. Зачем? Обычно молодой разум не терпит конкурентов даже в соседних мирах, а тут... Четыре разумных вида на одной планете. Вам не тесно?

— Не знаю... — Ким осторожно поставил банку на перила. — Я не специалист. Вы бы лучше кого из наставников спросили, я же просто пилот-испытатель, меня в учителя временно...

— Вы продолжаете волноваться. Почему? Информация была искажена? Воспринята неправильно? Говорю снова — решение принято. Вас можно поздравить. Всех вас — людей, дельфов, шимпов и джи. Вы приняты. Скоро об этом объявят официально.

Восторженный рёв толпы на площади перекрыл последние слова райра — показался заваленный цветами спецавтобус. Он медленно полз по краю трассы вдоль волнующегося человеческого моря, а с ближайших домов на него продолжал сыпаться цветочный дождь. Ким вцепился в перила — ноги держали плохо. И понял, что улыбается, провожая автобус взглядом. Получилось.

Значит, не зря он столько мучался со своей группой, если, даже несмотря на выходку этой дуры, всё получилось...

— Вы не любите джи, — сказал райр, глядя на Кима левым глазом, и это был не вопрос, а утверждение. — Не любите, но учите. Помогаете. Признаёте равными. Поговариваете о возвращении симбиоза. Почему? Уничтожить проще.

— Не люблю, — подтвердил Ким легко и радостно. — Но они же не виноваты, что не люди. А возобновление симбиоза — это навряд ли, это политики что-то там совсем намудрили. Никто на это не пойдёт. Мы слишком разные.

— Вы их боитесь, — на этот раз прозвучало почти вопросом. Киму стало смешно.

— Ага!.. До джинчиков. Ну и что?

Какое-то время они молчали, только райр пощёлкивал клювом что-то непере译имое и разглядывал человека поочередно то левым, то правым глазом. Автобус медленно тащился сквозь цветочный дождь, люди кричали восторженно.

— Возможно, в этом всё дело, — райр щёлкнул клювом как-то особенно решительно. — В разрыве симбиоза. Родительское чувство. Новый разум, разум-ребёнок... Продолжатель. Я понимаю.

Внизу кто-то пытался произнести речь, но его перебивали взрывами хохота.

— У меня есть реализованный несовершеннолетний потомок, — сказал райр, помолчав. — И ещё трое вероятных. А у вас есть дети?

— Двое.

— Кто за ними следит, пока вы учите джи?

— Брат. У него нет своих, вот и приглядывает за племянниками.

— Разумно устроено. Мой у побочных родителей. Тоже разумно.

Автобус всё полз вдоль площади со скоростью ленивой улитки. И словно бы даже не приближался к зелёной ковровой дорожке.

— У нас были сомнения, — сказал вдруг райр. — Серьёзные сомнения. Два образумленных вида — это, конечно, важно, но джи... И ещё этот слоган. Ваш коллега был с нами не до конца откровенен. Понятно и объяснимо. Дело не в этом. И даже не в глаголе, хотя он может иметь негативный и уничижительный смысл. Дело в определении. Оно не от самоназвания изначально произошло. От ругательства. Джелаб. Было у вас когда-то такое ругательство. Очень грязное. Так ваши предки называли предков тех, кого вы сейчас зовёте джи. Не знали? Вы молодой, могли и не знать. Но мы — Наблюдатели, и мы не могли не проверить. Не подготавливаться. К тому же вы слишком близки. Почти едины. И такой негатив... Вам знакомо понятие шизофрении?

Райр снова защёлкал клювом, и Ким вдруг понял, что чужой так смеётся.

— Космос открыт для всех, да. Но не для тех, кто хочет его лишь для себя. Очень неприятно. Детская болезнь, да. Детям надо сидеть на своих планетах, пока не станут взрослыми. Космос не для детей. Два образумленных вида, да, но ведь и дети могут завести детей, так и не став взрослыми. У нас

были сомнения. Серьёзные сомнения. Этот ваш девиз оскорбителен для джи. И то, что вы пытались говорить с нами на нашем языке, присвоив наши слова... Детям свойственно повторять чужие слова, не имея собственных. Мы сомневались, да. Но мы ошиблись. То, что случилось сегодня, развеяло все сомнения.

Райр долго щёлкал клювом и покачивал головой. Потом резко уронил её вниз, прогнув шею, и снова вздёрнул в обычное положение.

— Вынужден принести извинения. — Голос переводчика не изменился. — Я более других был убеждён в скрытой оскорбительности этого слогана. Более других настаивал на дополнительной отсрочке и анализе. Я был неправ. Если сами джи не находят ничего оскорбительного и готовы принять просто как шутку то как я могу настаивать на обратном? Это было бы неразумно... Как у вас говорят — «пытаться быть правоверней Аллаха и Магомета, пророка его».

И он снова защёлкал клювом.

Ким смотрел на экран — ведь надо же было куда-то смотреть. Уши горели, но оставалась надежда, что райр не понимает таких мелких реакций человеческого тела. Или хотя бы видит в другой части спектра. Автобус дополз-таки до зелёной дорожки. Распахнулись дверцы, наружу высыпала охрана, торопливо разбежалась и застыла вдоль кромки ковра. Грянули первые такты гимна.

И, наконец, неловко путаясь в сразу же подхваченной ветром парандже, навстречу восторженному рёву толпы и нацеленным объективам репортеров из автобуса спустилась она — сегодняшняя героиня. Переименованная в Жемчужину джи по имени Лапусик.

Женщина — как они сами себя называют. ❏

Другим путём

После Сообщения всё окончательно пошло прахом. Мгновением ранее жизнь была всего лишь кошмарной, а теперь её будто вовсе не стало, и осталась ли огромная, всеобъемлющая темнота, посреди которой оказался Федотов?

Еще несколько секунд назад всё было значительно лучше.

Павел Федотов уже готов был залезть в костер, лишь бы спастись от туч кровососущей мошкары. Лес вокруг был полон чужих и непривычных звуков, а непроглядная тьма вокруг сгущалась, будто собираясь захлестнуть последний островок света, вместе с репортёром и его палаткой. Федотов как раз переживал особенно мучительный момент осознания собственной ничтожности — распадающийся брак, рухнувшая карьера, бредовое задание убогой газетёнки, загнавшее его в эти леса, — когда на одну короткую секунду, сквозь какую-то прореху в тучах, каким-то мистическим образом пробился сигнал мобильной связи, чтобы донести до него Сообщение. Появился и сразу пропал, как почтальон, доставивший похоронку.

Ещё до того как нажать «Прочсть», Федотов заподозрил что-то неладное и подавил в себе желание не читать, выключить телефон, спрятать на дно рюкзака и постараться забыть о его существовании. Но существовала небольшая вероятность того, что из редакции «Зелёного человечка» прислали очередное задание в их стиле, например, найти поблизости снежного человека или выловить в ближайшем озере за хвост русалку, так что, вздохнув, Федотов нажал на кнопку.

Дмитрий Козлов

Родился в 1986 году в г. Киеве. В 2003 году поступил в Национальный Медицинский Университет. Получив среднее медицинское образование, с 2007 года учится в Национальной академии изобразительного искусства и архитектуры, после чего поступает в магистратуру, где в настоящий момент проходит обучение. Ранее нигде не публиковался.

Всё оказалось куда хуже.

Сообщение прислал её брат. Он был по натуре человеком молчаливым, и сообщение оказалось ёмким и лаконичным: «Она попала в аварию. Врачи говорят, что может не дожить до утра. Приезжай».

А дальше номер и адрес больницы. Коротко и чётко. Очень в духе человека, который назвал своего ротвейлера Ротвейлер.

Вот и всё. И не стало ни печали, ни полесской глухомани вокруг, ни беспокойства о ненаписанной статье. Не стало ничего, осталась лишь темнота, и — где-то там, далеко — Она, её бьющееся сердце, и жизнь, способная угаснуть, словно этот маленький костер посреди ночного леса.

Вдруг оцепенение как рукой сняло. Федотов вскочил на ноги, мозг лихорадочно заработал, силясь выдать нужную информацию.

От Туманной Веси до ближайшей дороги, где есть шанс поймать машину, больше пятидесяти километров напрямую. Вряд ли он успеет дойти, а затем поймать попутку и доехать до Киева к утру. А из самого наполовину вымершего посёлка в райцентр ездил лишь древний автобус, один раз утром, а второй...

Федотов посмотрел на часы. До автобуса оставалось семь минут. Потратив буквально долю секунды на размышления о палатке и вещах, которые необходимо оставить, чтобы попытаться успеть вовремя, он бросился в темноту, прихватив лишь фонарь. До развалин сельского клуба, у которого он этим утром — будто тысячу лет назад — выскочил из доисторического «Лаза», даже бежать было значительно дольше семи минут, но он надеялся на извечную привычку водителей немного задерживать отправление, особенно в подобных медвежьих углах.

Глядя на луч бледного света, пляшущий на извилистой тропе перед ним, Федотов чувствовал, как его подхватывает и с ещё большей скоростью несёт вперед невыносимое чувство потери. Сообщение вдруг сделало все те проблемы, под грузом которых рушились их отношения, столь же лёгкими и незначительными, как жужжание местной мошкары. Под лопнувшей скорлупой из отчуждения, недоверия и нежелания понимать друг друга вновь с огромной силой проступило то чувство, что когда-то молнией пронзило их обоих. И мысль о том, какой страшной ценой далось это возрождение, едва не заставила Федотова взвыть, подобно какой-нибудь местной шавке, изнывающей от скуки.

Лес сменился сельской улицей, под ногами захлюпала вода, мерцающая в колдобинах дрожащим звёздным светом. Туманная Весь, черт бы

её побрал. Дабы отвлечься от невыносимых мыслей и постоянного отсчета роковых секунд, он вспомнил о целом дне, потраченном на расспросы нескольких древних старцев, составлявших всё местное население, о Вельшанской Топи.

«Аномальная зона... Древние легенды... Искривление пространства...» — разглагольствовал редактор «Зелёного человечка» перед отправкой Федотова в эту глушь. «Прекрасный материал для статьи». Ага, конечно. Ни один из десятка встретившихся ему стариков даже говорить с ним не стал. Так, бурчали что-то невнятное или вовсе начинали креститься и уходили, когда он упоминал факты, которые ему удалось накопать в интернете, вроде странных перемещений воинских частей в этих местах на сотни километров во время войны или свидетельств множества путников и местных, начиная с XVIII-го века, о том, как, заблудившись в лесу, они оказывались чуть ли не в соседних областях в невероятно короткий срок. Ничего этого, как, впрочем, и другого, он здесь не услышал. Самым полезным оказался совет древнего старика, сидевшего на стуле у развалин клуба. Из тех, что вечно сидят на сельских остановках, в старой дырявой шляпе и с соломинкой во рту. Его потемневшее, испещрённое морщинами лицо будто сливалось с потрепанными стенами руин за его спиной и излучало спокойствие каменного истукана. Когда Федотов подошел к нему и принялся задавать вопросы, дед даже не удостоил его взглядом. Замолчав, Федотов всмотрелся в глаза старика, мутные, словно закопченное стекло, и уже задумался, не мумия ли сидит перед ним, когда старик едва слышно прошептал. «Оно тебе ни к чему. Нету здесь ничего. Езжал бы ты отсюда, газета».

Действительно, дельный совет.

Федотов приближался к площади, про себя умоляя всех богов и богинь всех возможных миров позволить ему успеть. Ведь такие как он, те, кто спешит к угасающей вдали частичке самого себя, к величайшей из всех драгоценностей, всегда должны успевать. А если нет, то к чему вообще жить в таком мире?

Преисполненный уверенности в успехе, Федотов вылетел на площадь, едва не споткнувшись о ржавевший в траве старый велосипед. Он должен успеть. И он успеет. Улыбаясь, Федотов поднажал...

И застыл, как вкопанный. В ярком свете фонаря, одиноко висевшего перед клубом, он сумел разглядеть клубы пыли, оседающие на землю. Вдалеке слышался натужный рев старенького автобуса, преодолевавшего подъём на выезде из села. Спустя мгновение вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием репортера да воем собаки где-то вдали. Повсюду вокруг царил мрак, и Федотов чувствовал, как он вползает в него, обвивая своими ледяными змеиными кольцами остатки надежды, удушая её чернотой, а свет фонаря и холодных, бесконечно далёких звёзд был бессилён разогнать эту ночь внутри.

Все рухнуло. Она умрёт, и его даже не будет рядом. Он будет здесь, в Великой Веси, охотиться за глупыми хуторянскими чудесами. Глаза наполнились слезами.

В круге света под стеной клуба сидел старик. Всё тот же, что и утром. Репортёр вдруг ощутил внутри ростки новой робкой надежды. Старик может знать кого-то, у кого есть машина. Чёрт, да может у него самого есть какой-нибудь полусгнивший «Москвич». За несколько бутылок...

Федотов направился к старику.

— А, снова ты, газета. Что, в палатке не спится? Комары донимают? — едва слышно сказал дед, и силно закашлялся. Или, быть может, засмеялся.

— Мне нужна помощь, — твердо сказал Федотов, подходя вплотную. — Я заплачу, куплю хоть бочку самогона, хоть вагон сигарет... — голос его задрожал.

— Тихо, тихо. Попридержи коней, — старик заговорил громче, а рисунок морщин на его лице изменился. — Хоть тебе, городскому, в это сложно поверить, но я не пью, а последнюю свою сигарету выкурил в 89-м, перед вторым инфарктом. Чего стряслось-то? Ежели статья не пишется, то извиняй, брат, ничем помочь не могу. Вельшанская топь — это обычное себе болото, без всякой там чертовщины. Тут и писать нече...

— Мне нужна машина. То есть... кто-нибудь с машиной. Чтобы подвёз. Подвёз до города. Или... — затараторил Федотов и едва не прослушал ответ деда.

— Нет машины. Всего одна на ходу была, у Володи, так он поехал к родным в Белоруссию...

На репортёра снова обрушилась многотонная глыба отсутствия каких-либо возможностей и средств. Обрывки мыслей не складывались в цельный узор, кровь, казалось, закипает в жилах, и, наконец, журналист не сдержался.

— Она умирает! — крикнул Федотов, и его слова эхом отразили руины. Репортер сел на разбитый асфальт и схватился за голову.

— Умирает... умирает... а я здесь... — бормотал он, чувствуя, как в глазах всё плывёт от слёз. Отчаяние было поистине всеобъемлющим. Как же ему хотелось, чтобы всё это прекратилось. Чтобы случилось чудо и время повернулось вспять. Или, на худой конец, чтобы какие-нибудь добрые при-

шельцы телепортировали его в Киев. Да уж, работа в «Зелёном человечке» давала о себе знать.

Закрыв глаза, он представил себе её. Он не видел её, нет, лишь чувствовал. Перебирал связанные с ней образы. Слова, молчание, прикосновения. То, чем она была для него, нельзя было просто представить, как картинку. И он тонул в этих образах, погружаясь в это теплоё забытьё, и чувствовал...

Чувствовал, как его трясут.

Открыв глаза, он увидел перед собой деда, в прояснившихся глазах которого читалась тревога и что-то вроде понимания. Должно быть, Федотов бормотал что-то про себя, так как дед похлопал его по плечу.

— Видать, не просто так торопишься.

Журналист смотрел на старика, а затем встал, отряхнулся и пошёл вслед за ушедшим автобусом.

— Ты куда? — удивился дед. — Ты ж так даже и к утру до трассы не дотопаешь!

— Плевать, — бросил Федотов, не оглядываясь. — Я хоть попытаюсь. Сидеть на месте я не намерен.

— Да погоди же ты!

Федотов услышал за спиной шаги и, вздохнув, обернулся.

— Есть и покороче путь, — тихо, даже тише обычного сказал дед, предварительно оглянувшись, будто кто-то посреди спящего села мог подслушать.

— Знаю. Через лес, напрямик. — Журналист устало махнул рукой. — Но там лезть напролом через чёрт знает что, а у меня ни компаса нет, ни...

— Да нет, можно ещё лучше срезать. Другим путём, как говорил вождь, — сказал дед и направился в темноту. Федотов, недоумевая, двинулся следом. Как это «лучше срезать», чем напрямик между селом и трассой? Впрочем, здесь может

быть какая-нибудь лесопилка, ферма или ещё что-нибудь, где есть люди с автомобилями. Может, дед ведёт его туда.

— Там можно будет договориться насчет машины? — спросил Федотов старика. Тот вроде как кивнул и пробормотал что-то утвердительное.

По обе стороны от них темнели дома, в большинстве своём пустующие, почти не выделяясь на фоне стены стоявшего за ними леса. Старик вдруг остановился и повернулся к деревьям. Федотов увидел заросшую тропинку, теряющуюся среди сосен.

— Иди вперёд, никуда не сворачивая, и выйдешь куда нужно. Там недалеко, — сказал старик и хлопнул Федотова по спине. — Надеюсь, жена твоя поправится.

— «Куда нужно» — это куда? — спросил Федотов, но старик только улыбнулся беззубым ртом, и ушёл в темноту.

«Вот ведь чёрт» — подумал Федотов, включая фонарь и направляя его на тропу. Та оказалась почти заросшей: вряд ли она ведёт к какому-нибудь оживлённому месту. Скорее всего, там его поджидают разве что заваленные буреломом овраги да волчьи клыки. Впрочем, подумал Федотов, что ему терять? Хуже точно не будет.

И направился вперёд.

Тропинка довольно скоро превратилась в мощённую брусчаткой дорогу, что, впрочем, не добавляло Федотову оптимизма: такие дороги в сёлах часто вели к каким-нибудь коровникам или амбарам, практически всегда заброшенным. Впрочем, постепенно он вообще перестал следить за дорогой и думал лишь о Ней, вновь и вновь обращал мольбы ко всему существу, призывая спасти её, позволить ей жить. Он вдруг подумал, что без

всяких сомнений и промедлений отдал бы собственную жизнь в обмен на её спасение. Федотов подумал, что если он будет думать только о ней, сконцентрирует на ней все мысли, всего себя, то это поможет ей, не позволит перейти последнюю границу. И он думал, шагая вперед, а древняя, отполированная брусчатка поблёскивала впереди. Шаг за шагом, и все мысли, нацеленные вдаль...

Он даже не заметил, как дорога упёрлась в стену из кустарника, за которым слышался какой-то подозрительно знакомый шум. Федотов ринулся вперед, не обращая внимания на ветви, царапающие кожу и рвущие одежду. Вперед, к этому шуму и забрезжившему впереди свету.

Журналист, покрытый царапинами, в разорванной грязной куртке, вывалился из кустов на обочину широкой дороги, по которой в обе стороны неслись потоки машин. После лесной темноты свет фар резал глаза. Он вдруг заметил рядом парочку подростков, которые, взирая на него с ужасом, поторопились уйти.

Пока глаза привыкали к свету, Федотов пытался понять, где он находится. Трасса М-01? Невозможно. Р-13? Тоже никак. Он взглянул на часы и понял, что прогулка по лесной дороге хоть и показалась ему вечностью, но заняла не больше десяти минут.

А потом глаза привыкли к свету и Федотов понял, что свет этот исходит не только от фар. Он понимал, что то, что он видит, невозможно, но у него сейчас не было времени на такую роскошь, как неверие. И пришлось довериться собственным глазам и рассудку.

Вокруг журналиста высились новостройки киевских окраин.

Как в тумане, прошла поездка на такси до больницы. В голове носились ошалевшие осколки мыслей о нуль-переходе, гиперпространстве и прочей научной фантастике, а над всеми этими обрывками огромными красными буквами полыхало слово «Невозможно». Но это произошло.

Это было чудо.

Федотов несся по залитым бледно-синим светом больничным коридорам. Везде было пусто, он уже готов был поверить, что попал в какой-то опустевший параллельный мир или что-то вроде того, когда он буквально налетел на медсестру. Она удивленно посмотрела на него своими покрасневшими от недосыпания глазами.

Ещё несколько драгоценных минут он метался с этажа на этаж, от врача к врачу, в поисках кого-то, кто знал, где она и что с ней, и во время этой беготни наткнулся на её брата, который сообщил ему, что, вопреки первоначальным прогнозам, её состояние, хотя и оставалось тяжелым, стабилизировалось. И если она в ближайшее время придёт в сознание, то будет жить.

Сначала кто-то пытался втолковать ему, что вход посторонним в реанимацию запрещён и тому подобное, но они быстро сдались, стоило им заглянуть в глаза Федотова. Его пустили внутрь.

Он вошел в палату и увидел её, в окружении множества трубок и мониторов, с мирной улыбкой на лице, таком белом, что оно почти сливалось с подушкой. Она улыбалась, будто прилегла вздремнуть, убаюканная мерным шипением аппарата ИВЛ и попискиванием всей этой аппаратуры. Федотов подошел ближе, протянул руку и коснулся её щеки. Она была холодной.

А затем случилось чудо, уже второе за эту ночь. И она открыла глаза. **□**

Дим Соловьёв (псевдоним)

Родился в 1985 году в городе Арзамас-16 Нижегородской области, ныне город Саров. Окончил общеобразовательную школу, училище искусств по специальности «резчик по дереву». Получил высшее профессиональное образование по специальности «системный программист», получает высшее образование по этой же специальности, работает дизайнером в типографии.

Чувства

Я вижу любовь. Около человека она темно-фиолетовая, насыщенная. Изысканными узорами медленно ползет по пространству к другому, становится светло-розовой, обвивает, ласкает. Нежно скользит по коже, вплетается в волосы, впитывается в кожу, заставляет чуть светиться, улыбаться.

Я вижу ненависть. Холодно-синим кельтским узором она резкими движениями достигает цели, цепляется за одежду, заставляет испуганно оборачиваться, нервничать.

Я вижу доброту. Прямыми желтыми, слегка румяными лучами она светит во все стороны, не выбирая цели.

Я вижу злобу. Ярко-красными ростками, острыми шипами она пронзает тело.

Я вижу тоску. Она медленно перетекает по пространству черной ртутью. Проникает всюду, заполняет собой все.

Вокруг себя я вижу серую пыль — одиночество. Пыль то оседает, в моменты надежды, то летает вокруг, словно мелкий снег. А иногда становит-

ся мутной стеной, через которую почти ничего не видно.

Эта пыль не пристает к другим. Она боится их всех.

Я вижу чувства, я могу направлять их взглядом, мыслью. Свои, чужие. Я чувствую, как они пахнут, слышу, как звучат.

От этого мне иногда становится страшно. Я понимаю, что могу многое.

— Почему у вас огурцы? — спрашиваю я у замерзшего, пританцовывающего мужчины.

Он растерянно смотрит на ведро, предполагая, что ветром унесло бумажку с ценой, но она на месте.

— Так написано же, — злится он. Тонкими красными шипами пытается дотянуться до меня злоба.

Я перестаю смотреть на чувства. Иногда это надоедает. Мир становится прежним.

— Простите, я на автомате спросил... — оправдываюсь я. — А хорошие огурцы?

— Хорошие, парень, хорошие. Бери. Последнее ведро осталось.

— Так, может быть, скинете немного? — с надеждой спрашиваю я и улыбаюсь. Если хочешь расположить человека к себе — то надо улыбаться.

Мужчина замерз, устал. Ему хочется поскорее вернуться к себе в деревню. А он именно деревенский, я знаю. Купить в магазине шкалик водки, зайти к соседу и выпить его за разговором ни о чем.

Мне не жалко денег. Просто хочется, чтобы он скинул цену, хочется посмотреть на его реакцию. Последнее время я делаю много непонятных поступков.

— Ну, если только на пять рублей, — говорит он, дышит на ладони и продолжает пританцовывать. А на улице не так уж и холодно. Или, может быть, я просто тепло одет.

Он скидывает совсем немного, просто для того, чтобы не отказать мне, но он и не хочет проиграть в деньгах. Когда я улыбаюсь, мне трудно отказать.

Я достаю из сумки пакет, затем протягиваю ему деньги и начинаю накладывать огурцы из ведра.

Зачем мне огурцы? Я не знаю. Возможно, придя домой, я сделаю из них салат. Но я никак не планировал, собираясь на рынок, их покупать. Все произошло опять просто так, из-за скуки.

Каждые выходные я брожу по рынку. Тут серая пыль вокруг меня практически исчезает. Но я делаю это совсем не из-за пыли.

В последнее время я понял, что, играя чувствами, заставляя людей влюбляться, ссориться, мириться, делать добрые поступки, ненавидеть, я сам перестал чувствовать.

Я забыл, что значит ощущать любовь, и, даже если вот эту, проходящую мимо девушку я заставлю в меня влюбиться ничего не изменится. Я буду к ней равнодушен.

Если кто-то сейчас попытается меня разозлить — я прерву попытку в корне, и мне будет

опять-таки все равно. Даже тот грязный мальчишка с исцарапанным лицом, просящий милостыню, не вызывает у меня никакой жалости, сочувствия. Я не могу ничего чувствовать, кроме серой пыли вокруг и изредка грязной ртуты, заливающей меня с головы до ног. Я не сильно напрягаюсь, и какой-то пузатый мужик протягивает мальчишке несколько тысячных купюр.

На рынке столько разных людей. Столько разных чувств. Вот эта мама, тянущая ребенка за руку от палатки с игрушками, сейчас ненавидит его. Но она не может представить, насколько сильна ненависть ребенка. Я решаю немного поправить ситуацию, и теперь мама тащит ребенка назад к палатке, а он отпирается.

— Мама, что ты? Мне ничего не надо. Пойдем лучше тебе помаду купим, чтобы ты еще красивее выглядела, — доносится до меня.

Я улыбаюсь, но мне все равно.

Вот эта девушка, нервно копается в сумочке. Ее чувства смешанны, она пытается спрятаться сама от себя за каким-нибудь делом. Девушка не знает, что ищет там, но продолжает искать. Делает это для того, чтобы не расплакаться.

Ее парень уверенными шагами продвигается к выходу с рынка. Только что он нагрубил ей, сильно обидел. Но просить прощения не собирается, для него это унижение. Я все меняю, но на результат смотреть не хочется.

Столько людей, столько чувств.

Я прогуливаюсь вдоль палаток, покачивая пакетом с огурцами, он задевает ногу, но мне безразлично. Пытаюсь найти что-нибудь интересное из одежды, такое, что обязательно подойдет. Но в итоге перехожу в другой ряд, где продают продукты.

Разделяющий рыбу парень обрезает палец. Обида, боль, ненависть, злоба. Но вдруг он начинает по-идиотски улыбаться, совсем забыв, что из пальца обильно вытекает кровь, и продолжает работу. Да, виноват я, но и тут мне все равно. Я не испытываю вины, стряхиваю с плеча серую пыль и иду дальше.

Как я уже говорил, я бываю здесь каждые выходные. Знаю тут каждый закоулок, но сейчас мое внимание привлек странный павильон с надписью «Магия» и рисунками тузов всех мастей. Он выглядит довольно потрепанным, значит, не только что построенный. Возможно, его перенесли с другого рынка.

Естественно, я решил зайти.

В холле павильона мрачновато. Все выполнено в бордовых и черных тонах. Ткани — бархат. Я чувствую запахи благовоний, сладких и усыпляющих. Невольно зеваю.

Я раздвигаю шторы, которые преграждают мне путь, и прохожу внутрь. В середине небольшой комнаты стоит круглый деревянный стол, на одной массивной ноге. «Много в таком столе можно спрятать всяких секретов и фокусов», — думаю я. Но стол, при близком рассмотрении, оказывается самым обычным, сколоченным из досок, через щели в которых даже видно пол. На столе нет никакой скатерти. Поверхность начисто выскоблена ножом.

В комнате никого нет.

По стенам на небольших полках расставлены свечи, зеркала. Их столько, что не перечесть. Во всех зеркалах я вижу себя и пыль вокруг. Противную серую пыль. Я подхожу к одному из них ближе и рассматриваю свое лицо. Острый подбородок, двухдневная щетина, мешки под глазами,

залитыми черной ртутью тоски. Не видно даже белков. Страшно. Я отворачиваюсь. И тут вижу ее. Она стоит в дыме сигареты и, улыбаясь, смотрит на меня.

Все они так незаметно появляются в кино, эти колдуны, гадалки, поэтому я не удивляюсь. Веря в то, что могу я, я верю и во все остальное. Причем верю с каким-то детским страхом.

Она полная, с румяными щеками, совсем не похожа на цыганку. Почему-то еще с детства у меня сложился стереотип, что все гадалки обязательно должны быть цыганками. Ненакрашенные губы, аккуратные небольшие серьги в ее ушах, волосы подвязаны черной лентой. Платье широкое, темно-зеленое. Больше ничего из ее образа не бросается мне в глаза. Я уверен, что, выйдя из павильона, забуду ее лицо, но буду помнить все эти детали.

— Погадать что ли пришел? — как-то по-домашнему спрашивает она.

Я киваю, и она предлагает мне сесть за стол, а сама присаживается напротив. Ставит на середину стола подсвечник с тремя толстыми свечами, я даже не замечаю, где она его взяла. Просит меня дать ей руку. Я даю.

— Вижу силу в тебе огромную, — начинает она, — но что-то гложет тебя. Не можешь найти ты себе места. То, чем ты владеешь, тебе не по нраву.

Она говорит как по писаному, разглядывая мою ладонь. Мне становится страшно, потому что я понимаю, что все услышанное мной — правда. Я еще долго слушаю. Голос ее спокоен, периодически она затягивается сигаретой, и мне тоже невыносимо хочется закурить, но я жду конца. Некоторые моменты, о которых она говорит, лежат где-то в глубине души, некоторые — на поверхности.

О чем-то я думаю каждый день, о чем-то один раз в году, как выпадает первый снег.

— Сапожник без сапог, — заканчивает она и поднимает глаза от ладони. Смотрит прямо в мои.

— То, что вы говорили, во многом правда, — признаюсь я.

— Я не зря здесь работаю, — улыбается она.

Я пытаюсь заставить ее разозлиться, понервничать, но ничего не выходит. Мои силы не действуют на нее. По ее взгляду я понимаю, что она чувствует мои попытки, но ничего не говорит.

— Что мне делать со всем этим? — спрашиваю я, начиная озираться по сторонам.

Зеркала мне кажутся черными дырами в стенах. В них теперь не отражается ни одной свечи, ни одного огонька. В них не отражаемся мы. Я лезу в карман за сигаретами, а когда снова смотрю на стол, передо мной стоит пепельница.

— Тот, кто наделил тебя этой силой, может ее отобрать. Но, поверь, ему не до тебя. И сейчас, и потом, — она затягивается сигаретой и выпускает дым, закинув голову.

— Мне не нужна эта сила, мне плохо, — говорю я.

— Но ты ведь можешь стать богатым, известным. Можешь обладать большой властью.

— Я не такой. Я не хочу. Я хочу жить, как все. И я совсем не просил, чтобы меня сделали таким.

— Ты никого не просил, чтобы ты родился на свет. Но ты все равно родился. С тем, что мы имеем, нужно смириться, — она спокойна, как будто встречает людей умеющих то, что умею я, каждый день. И каждый день рассуждает об этом.

— Неужели мне никак нельзя вернуть покой? — спрашиваю я, стряхивая пепел.

— Ты в покое, — говорит она.

— Неужели? — удивляюсь я.

— Помимо употребления твоего дара для своего блага и для игр, ты можешь делать добро людям.

Мне вспомнился мальчишка и пузатый мужчина.

— В этом и есть твой покой. А все остальное — эгоизм.

— Эгоизм... — одними губами повторяю я.

— Не думай о себе, не занимай себя глупыми мыслями. Думай о других. Добавь в этот мир немножко добра и справедливости. И к тебе всё придет. Ты думаешь, что ты необыкновенный, что дар лишил тебя всего. Ты глубоко ошибаешься. Ты такой же, как и все мы. Ты обыкновенный. И к тебе, как и к остальным, со временем всё придет.

Я тушу сигарету и понимаю, что больше ничего не услышу от нее. Кладу на стол все деньги, которые у меня были, и выхожу из павильона, даже не попрощавшись.

Свет слепит мне глаза. Краски чувств, их запахи, их звуки. Это как фортепьяно для пианиста. Как скрипка для скрипача. Только с чувствами не играют. Чувства — это великая сила, которая может многое. И я могу принести в этот мир то, чего здесь так не хватает.

Но кто мешает мне делать все наоборот, увеличить число того, чего и так уже много. Сделать мир еще злее, еще несправедливее. Мешает одинокое измученное сердце.

И почему-то я знаю, что оно и правда однажды забудет об одиночестве.

И я засиял желтыми лучами с румянцем. Все стали оборачиваться, смотреть на меня и улыбаться, не понимая, почему у них такое хорошее настроение, когда вокруг такой жестокий мир. **□**

Не следишь ты за собой, батяня

В отцовской квартире пахло так же, как два десятилетия назад. В эпоху, когда духи и ароматизаторы под запретом, это казалось одновременно и приятным, и ностраживающим.

— Что-то ты осунулся, — проговорил Сева, глядя на папашу. — Стареешь, что ли?

— Лицом? Или пузом? — сказал Палыч и весело похлопал себя по необъятному животу в растянутой футболке с «Iron Maiden».

Всеволод бросил мешок на старую тахту и сел на краешек.

— Конечно, лицом. Пузом ты никогда не осунешься, да и не говорит так никто — «осунулся пузом». Что за дурацкие выражения! Не следишь ты за собой, батяня. Того и гляди, в пансионат заберут.

Батяня дёрнул за верёвочку — с потолка рулончиком развернулся экран и включилась проекция, какая-то очередная нудная ленфильмовская космоопера.

— Разжился наконец-то? — спросил Всеволод.

— А то, — отозвался Палыч и почесал небритый подбородок. — Как сам-то, чего в Челябине нового?

Сын отмахнулся.

— Всё нормально в Челябине. Рождаемость растёт. Смертность от хронических заболеваний падает. После начала тестирования неоиммунногенов, уже пятнадцать лет Челябинская область по всем показателям на Урале первая. А ты всё не следишь за собой!

Палыч довольно усмехнулся и кивнул.

— Не слежу!

— Всё картошечку жареную да бекон, — не унимался сын. — В прошлый раз вообще коньячную бутылку

Андрей Скоробогатов

Родился в 1987 году. Проживает в Екатеринбурге. В 2006 окончил УрПК-УПТ по специальности ЭВМ, а в 2012-м — институт информатики УрГПУ. Работает в IT-отделе холдинга «Генерация». Член оргкомитета фестиваля «Аэлита» с 2010 года. Рок-музыкант (проект Avs_Silvester и другие). В нашем журнале публиковался неоднократно.

видел в пакете, и явно не коллекционную. Только потом осенило, мне аж дурно стало. Объясни, откуда у тебя алкоголь-то остался?

Палыч переключил канал, махнув рукой — на экране заиграл концерт изрядно постаревшего Сергея Маврина — и довольно усмехнулся. Пономарёв-старший был неисправимым неформалом и в свои пятьдесят семь.

— Да я понемногу пью, запасаю, — хмыкнул отец. — Ты тогда ещё в институте учился. Как начались в области все эти разговоры про региональные эксперименты, я сразу понял, что дело нечистое, да и скупил тогда с поллучки десяток ящичков. Сразу понял, к чему дело идёт! Зарплата хорошая была.

Пономарёв-младший потянулся к поддыхавшему чайному роботу-автомату.

— В чём нечистое-то?

— Сухой закон ввести не так просто. Ты не помнишь, как это в перестройку сделать пытались, а я помню, хоть и молодой был. А тут — все так просто отказались от алкоголя и табака, просто диву даёшься.

— Я не пойму, ты анализы ежегодные подделываешь, что ли?

Отец промолчал. В роботе-автомате, помимо привычных травяных чаёв шалфея, мяты и пустырника, в контейнере лежал непонятный чёрный порошок.

— Кофе! — от удивления сын чуть не подскочил. — Как ты можешь пить эту вредную гадость? Откуда? Она же жутко ухудшает кровообращение, мышцы недополучают кислорода, это вредно...

— Надо мне. Хочется, понимаешь? Лучше расскажи, как внучата, почему не привёз?

Всеволод поднялся и подошёл к каналу. Хэви-метал он не любил и попытался переключить телевизор, но датчик, похоже, был настроен только на хозяина дома.

— Дети нормально, только... Тимофей, похоже, весь в тебя пошёл. На днях слушал какую-то средневековую электрогитарную муть. А неделю назад нашёл у него какую-то вредную жевательную гадость. Слушай, переключи на новости, а?

Пальч поморщился, но с сыном решил не спорить.

На канале новостей вылезла табличка — «Сервис недоступен».

— Странно, — пробормотал отец и пролистал ещё парочку каналов. — Похоже, все московские каналы не пингуются.

— А те что?

— А те — кыштымские и каглинские, — отмахнулся Пальч и включил консоль. — Погоди... Так вообще связи с Москвой и Европой нет!

* * *

Последний раз Михаил Евгеньевич так же сильно волновался много лет назад, на первом свидании с будущей супругой. Все остальные события последних двадцати лет, включая защиту докторской по экономике и назначение на пост кыштымского мэра, не шли ни в какое сравнение с тем, что предстояло перенести градоначальнику.

А предстояло ему встретиться с н и м и.

Заварив третий за день пакетик корней пиона, он ждал и боялся. Трусил, как последний гимназист перед первым сексуальным опытом.

— Стресс, сплошной стресс, — бормотал он, проглядывая на консольке припасённые на такой случай эрофото. — Какое тут здоровье.

Видеозвонок от секретарши заставил машинально захлопнуть окошко.

— Они пришли, Михаил Евгеньевич... — голос Мариночки дрожал. — Пустить?

— Д-да, конечно, — сказал кыштымский мэр и почувствовал жуткую вялость, которая бывает при учащённом сердцебиении. Затем погасил все средства связи, как это полагалось при обсуждении секретных сведений, и заставил себя встать из-за стола.

Вошло трое. Двое из них были одеты в штатское и выглядели так же испуганно, как и сам Михаил Евгеньевич. Судя по всему, то были сотрудники ФСБ, сопровождавшие знатного гостя.

А третий... Третий, к великому удивлению градоначальника, оказался человеком-праздником. Весёлые цветастые шаровары с помпонами, розовые кеды и нелепая шляпа выдавали в вошедшем великого шутника и балагура. На лице сияла приторно-слащавая улыбка.

— Кто... кто пустил сюда этого клоуна?! — возмутился Михаил Евгеньевич, но вдруг поймал взгляд незнакомца и всё понял.

Взгляд у вошедшего был нечеловеческий. Яркорозовые вертикальные зрачки выдавали в нём представителя той самой внеземной расы, что уже пятнадцать лет владела земной цивилизацией.

У кыштымского мэра перехватило дыхание и задёргался глаз. Он медленно опустился на кресло

— Ну что ж, начнём переговоры, сладенький, — сказал Чужак, хлопнулся на диван и закинул ноги на журнальный столик. Русским он владел в совершенстве. — Я знаю, ты умница, добрые дяди из ФСБ тебя уже просветили, но далеко не обо всём. Пришло время сказать, все наши таблеточки и зомби-программы мы задумали неспроста. Вера нашей расы не позволяет нам употреблять в пищу низкоинтеллектуальные примитивные белковые организмы. Тем более всякую зелёную ботву.

Сотрудники службы безопасности переглянулись, лица у них были скорбные.

— То есть вы хотите сказать, что все эти годы...

— ...Мы выращивали корм, — улыбнулся Чужак. — Мы должны кушать только умненьких, образованных и абсолютно здоровых человечков. Таких, как ты.

Кыштымский мэр нервно зевнул, голова закружилась, но в обморок он падать не стал.

— Не бойся, сладкий мой, — подмигнул инопланетянин. — Представителей власти мы будем кушать в последнюю очередь, вы нам ещё пригодитесь. А пока что обсудим логистические проблемы. Ваш регион- Челябинскую область — мы будем кушать первой, потому что она раньше всех в вашей стране вошла в целевую программу улучшения здравоохранения. Из Кыштымского района нам необходимо собрать поголовье в двадцать тысяч здоровых особей. Пол и возраст не важен. Часть из отобранных сладеньких человечков уже находится в пансионатах, их собрать будет проще всего. От вас требуется немного — организовать пункты сбора, проверки и отправки поголовья.

— Проверки? Что вы имеете в виду?!

— Анализы, сладенький. Те самые анализы состава мягких тканей, которые ежегодно берутся у людей. Ведь мы любим сладеньких.

* * *

Голова утром на удивление была свежая.

Пальча разбудил звонок. Престарелый металлист уже было подумал, что это вернулся Всеволод, но в видеофоне виднелись трое незнакомых мужиков в форме.

— Откройте, полиция!

Пономарёв послушно открыл дверь. В лоб упёрся армейский парализатор.

— Гражданин Пономарёв Василий Павлович? — спросил низкорослый майор, совершенно незнакомый.

— А то... В чём проблема, мужики? Я анализы сдавал, у меня всё чисто.

— Мне плевать на анализы! — рявкнул незнакомец. — Есть данные, что вы обладаете неуничтоженными запасами вредных веществ и продуктов, это правда?

Кирдык, подумал Пальч, но спорить было глупо.

— Есть.

Майор убрал оружие и представился:

— Рекрут Анатолий Степанович. Я знал, что на металлистов вся эта муть не действует. А старые лекарства? Погорьчее, супрастин, демидрол? И одеколон!

— Пойдёмте, я провожу вас до гаража.

А под гаражом у Пальча была не просто овощная яма. Там был настоящий мини-бункер, доверху набитый всевозможным просроченным провиантом и медицинскими изделиями.

— Надо накормить... Накормить и напоить этой горькой гадостью всех, включая малых детей, — бормотал майор, пересчитывая упаковки и бутылки, сложенные в полутьме. — Быстрее, пока эта зомби-вышка на Сугомаке отключена.

— Зачем? — спросил Пальч, почёсывая щетину на подбородке и глядя вниз.

Рекрут поднял голову и проговорил:

— Чтобы спасти. Чтобы спасти наше тупое здоровое мясо от этих прожорливых космических гомосеков. **☒**

Простые истины

— Эх вы, молодёжь! Вы, считай, настоящих ярмарок-то и не видели! — пробасил седой старик, крепко удерживая своих внуков за руки. Не то чтобы те так уж вырывались, нет, просто деду нравилось ощущение контроля, которое дарил этот простой жест. Информационные чипы при всей своей функциональности подобных ощущений дать не могли. И пусть потеряться в толпе благодаря этим изобретениям невозможно в принципе. Заботливый дедушка не желал во всем полагаться на технику.

— А это разве не ярмарка? — удивился один из внуков, указывая ручонкой на мерцающую в небесах надпись «Екатеринбург В.Я.Т. 2080»

— Да разве это ярмарка? — прищурился дед, мельком глянув на надпись. — Это так, вы-ста-в-ка, — по буквам произнес старик, вложив в это нехитрое слово всё, что думал о «Всесистемной Ярмарке Технологий». — Без души это всё.

— Как это, без души? — поднял голубые глазёнки на дедушку внук.

— Да вот так! — буркнул дед, решительно прошагав под голографической проекцией входной арки. Открывающийся за ней вид был поистине грандиозен, но на него это не произвело абсолютно никакого эффекта.

— Даже руками потрогать не дают! — покачал головой старик, неодобрительно глядя на голографические изображения бесчисленного множества технологических диковин. Тысячи проекторов воспроизводили объемное изображение того или иного чуда техники, проецируя рядом технические характеристики и вездусущую рекламу. Единственное, что грело душу, — так это толпы слоняющихся по огромной выставке людей. «Ну, хоть это не изменилось», — горько подумал старик, зорко глядя по сторонам.

Денис Каримулин

Родился в 1984 году в г. Кушва Свердловской области. Окончил Уральский Лесотехнический Университет по специальности «прикладная информатика в экономике». В данный момент живет в г. Кушва, работает в ОАО «РЖД». Автор двух романов, написанных на стыке фэнтези и фантастики.

Владилен Янгель

Родился в 1988 году в шахтерском городке Павлоград Днепропетровской области. В 14 лет получил гражданство РФ, в 2007 году окончил Тавдинский техникум по специальности «менеджер». Некоторое время жил и работал в Екатеринбурге, в 2010 году вернулся в Тавду. Автор пяти романов в жанре фэнтези.

— Вот в мое время, когда «Гугл» был простым поисковиком, а машины ездили на бензине... — вздохнул старик, погружаясь в воспоминания о своей юности.

— Как это: «на бензине»? — ахнул младший внук от удивления, вызвав короткую вспышку удовлетворения у деда. Впрочем, длилось удивление внука недолго — секунды полторы, пока микрокомпьютер, вживленный ему еще при рождении, не выдал ему информацию по теме двигателей внутреннего сгорания.

— Уже и не можете без этих своих имплантатов, — неодобрительно проворчал дед, так и не дождавшись расспросов от любимого внука. Он столь многое мог рассказать, поделиться бесценным жизненным опытом, однако внуку ничего из этого уже не требовалось. Все необходимые сведения он уже давно получал через интернет.

— Они делают нашу жизнь более удобной! — возразил ребёнок, взмахом руки отогнав особенно настойчивую рекламу, выведенную микрокомпьютером напрямую.

— Эх! Вот доживешь до моих лет и поймешь, что удобство — это не главное, — тяжело вздохнул старик. Дети благоразумно промолчали, опасаясь, что дед рассердится, если они вновь начнут возражать. Но чувство острого негодования на непонятливость старика жгла сердце старшего внука. Дед же настойчиво пробирался сквозь толпу, таща за собой малышкой, посещение ярмарки больше не казалось ему такой уж хорошей идеей, однако поход сюда был своего рода семейной традицией, как, впрочем, и сама ярмарка, а еще в его памяти, словно заноза, засело смутное воспоминание из собственного детства и ощущение «дежавю».

* * *

— Ну, разве это ярмарка? — вздохнул мужчина средних лет. О том, что этому представителю рода человеческого уже далеко за пятьдесят, говорили только глаза, в которых отражались прожитые годы. В его голове вертелись воспоминания пятидесятилетней давности, когда он сам вместе со своим братом и дедом первый раз пришел на «В. Я. Т.»... Двое мальчишек крутились вокруг мужчины, не решаясь далеко отходить от него — дед мог и наказать. Например, отключить их чипы от интернета, а более страшного наказания представить для тех, кто привык к избытку индустрии развлечений почти с тех самых пор, как они только начали говорить, и придумать было нельзя.

Нуль-портальный переход закрылся за спиной семейства. Пройдя сквозь голографическую проекцию входной арки, дед с внуками неторопливо двинулись вдоль стендов, обходя немногочисленных посетите-

лей. Большая часть из них были знакомы мужчине, это были опытные команды по терраформингу, подбирающие оборудование для своих космических барж. И все те, кому устаревший чип не позволял посетить копию ярмарки в киберпространстве.

— Эх, раньше тут такое было — не протолкнуться! — в сердцах воскликнул огорченный до глубины души дед.

— «Екатеринбург В. Я. Т. 2130», — прочитал младший внук надпись, появляющуюся везде, где только останавливался взгляд.

— И много народу было? — спросил старший.

— Толпы! — дед вздохнул. — Всем хотелось первыми увидеть новые модели аэрокаров или роботов...

— Аэрокаров? — заинтересованно перебил его младший. — А что это?

— Вот же деревня! «Гугл» спроси! — возмутился дед.

— Точно! — малыш засопел, после чего удивленно выдал: — Как это — летающие аппараты? Они что, прямо по городу летали?

— Да, совсем не то, что сейчас, — дед кивнул на браслет нуль-пространственного перехода. — Раньше мы парили, словно птицы. Чувствовали, как жизнь кипит вокруг нас. А теперь все не то. Люди погрязли в киберпространстве. Даже на ярмарку нос боятся высунуть! — дед кивнул на немногочисленных посетителей.

— Так сейчас и дома можно все посмотреть. Зачем мы вообще сюда пришли? Дома было бы намного удобнее! — возмутился один из внуков.

— Эх ты, вот доживешь до моих лет и поймешь, что удобство — не главное, — хмыкнул дед, а спустя миг в его голову пришла мысль о том, что где-то он уже слышал нечто подобное. И, как много лет назад, в его душе поднялась волна гнева и неприятия этих уже порядком потрепанных временем слов.

— А, может, так и должно быть? — еле слышно пробормотал про себя дед. — «Мы умираем, на смену нам приходят наши дети и внуки, они живут по своим законам, их интересуют другие вещи. Другое время, другие люди, но что-то остается неизменным. Не важно, в какое время тебя угораздило попасть, важно то, как ты распорядился своей жизнью...»

Но додумать эту мысль до конца он не успел. Насупившийся старший внук решил высказать ему свою позицию по этому поводу:

— Старикам всегда отвергают прогресс! Любое новшество вы воспринимаете как угрозу. Так было с паровозами, компьютерами, телефонами. Толпы паникующих старцев осаждали лаборатории Лаузервица и клиники протезирования. Вы сопротивлялись чипизации, верили в бредни о вреде нуль-переходов, и вот теперь вы боитесь киберпространства! А после перехода найдете себе другую новинку, с которой не сможете мириться, — модифицированный мозг мальчика и высокоскоростное подключение к киберпространству позволяло ему сыпать фактами, отсылками на труды философов древности и исторические события.

— Да пойми ты! Киберпространство придумали исключительно для удобства людей, а не для того чтобы «немного отставшие от прогресса» жаловались на него. Там не свирепствуют болезни. Там нет опасности быть убитым по случайному недоразумению, — подключился к разговору второй внук.

— Хватит, — мягко прервал внуков дед. — Я лучше вас все это знаю. Да, в ваши годы я сам говорил то же самое, и список новшеств, принятых в штюки, был не менее длинным. Но ты действительно думаешь, что можешь меня чем-то удивить? Так задумайся над тем, что прогресс приносит не только блага! — вспыхнул дед в ответ на новые аргументы внука, присланные ему через киберсеть.

— Тысячи судеб изломаны киберпространством. Многие люди забыли о том, что существует реальный мир! Они больше никогда не увидят настоящего солнца, не будут радоваться прибрежным волнам. Больно смотреть, как дети превращаются в зомби и даже не осознают этого! Вот что страшнее всего! Они сидят в своих раковинах и боятся выйти на улицу. Вы думаете, что киберпространство способно заменить реальный мир? Так вот, это не так! И не говорите мне больше ничего. Я знаю все ваши аргументы лучше вас самих! Давайте закончим разговор на эту тему и сделаем вид, что ничего не произошло, — вздохнул дед, успокаиваясь.

Обиженные мальчишки гордо отвернулись, победённые, но не сломленные. Дед же грустно улыбнулся. Спор с внуками окончательно испортил ему настроение. Внезапно ему в голову пришла мысль о том, что все это действительно уже было. Пятьдесят лет назад его дед тоже пытался объяснить им с братом те вещи, что считал неправильными и возмутительными. Ведь любому человеку было бы больно видеть, как умирает привычный порядок вещей, а на смену ему приходит новый. Но суть людей от этого не меняется.

Бог с ним, с этим киберпространством. Человечество переживет его, как и многие другие напасти. Какие бы технические новшества ни использовали люди, неизменными останутся радость и печаль, которые они испытывают в повседневной жизни. И лишь тоска по уже ушедшим в прошлое годам будет грызть тех, кто приблизился к закату своих дней. Именно эти простые истины он не смог понять тогда. Два румяных карапуза, стоящих теперь перед ним, скорее всего, их тоже не поймут. Когда-нибудь потом, через много лет, на другой ярмарке, но не сейчас... **✎**